

**THE REVIEW
OF THE LIBERAL
ARTS UNIVERSITY**

1 (1) 2013

Publisher

**Liberal Arts University/University for Humanities
(Ekaterinburg)**

The editorial board:

Doctor of Philosophical Science, Prof. L. A. Zaks
Doctor of Philosophical Science, Prof. L. A. Myasnikova

prof. Ives Hamant (France)

E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)

Doctor of Philosophical Science, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)

Candidate of Philosophical Science, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)

Doctor of Historical Science, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences V. V. Alekseev

Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences V. N. Rudenko

Candidate of Arts, Prof. S. V. Golynets

Doctor of Psychological Science, Prof. E. B. Perelygina

Doctor of Psychological Science, Prof. I. S. Busygina

Doctor of Psychological Science, Associate Prof. O. Y. Zotova

Candidate of Philosophical Science, Associate Prof. A. V. Drozdova

Doctor of Economic Science, Associate Prof. S. A. Mitsek

Doctor of Economic Science, Associate Prof. E. B. Mitsek

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov

Doctor of Economic Science, Associate Prof. N. V. Khmelkova

Doctor of Legal Sciences, Prof. A. P. Semitko

Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova

Doctor of Legal Sciences, Prof. M. H. Semyakin

Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova

Candidate of Historical Science, Associate Prof. K. I. Zubkov

Doctor of Philosophical Science, Associate Prof. G. A. Brandt

Doctor of Pedagogical Science, Prof. G. A. Yamaletdinova

Candidate of Philosophical Science, Associate Prof. G. V. Boldygin

Candidate of Philosophical Science, Associate Prof. S. D. Balmayeva

Candidate of Pedagogical Science L. V. Rosnovskaya

Candidate of Sociological Science S. A. Ramzina

Doctor of Philosophical Science, Prof. G. E. Zborovskiy

Doctor of Philosophical Science, Prof. E. A. Shuklina

Head of Editorial Office M. M. Volkova

Liberal Arts University/University for Humanities

**Учредитель
Гуманитарный университет
(Екатеринбург)**

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова

проф. Ив Аман (Франция)
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (г. Москва)
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (г. Москва)
д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
канд. искусствоведения, проф. С. В. Голынец

д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перельгина
д-р психол. наук, проф. И. С. Бусыгина
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова
д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко
д-р полит. наук, доц. С. И. Глушкова
д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р пед. наук, проф. Г. А. Ямалетдинова
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. пед. наук Л. В. Росновская
канд. социол. наук С. А. Рамзина
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
д-р социол. наук, проф. Е. А. Шуклина
зав. ред.-изд. отделом М. М. Волкова

ББК 60
В 38

В 38

Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1) / Редкол. :
Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т,
2013. – 203 с.

ISSN 2308-8117

ББК 60

ISSN 2308-8117

© Вестник Гуманитарного университета, 2013
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2013

Содержание

От редакции.....	7
Раздел 1	
Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).....	9
<i>Бусыгина И. С.</i>	
Организационно-деятельностные компоненты корпоративной безопасности организации.....	13
<i>Шматов Г. А.</i>	
Экономико-математические модели и методы рекламного медиапланирования.....	19
Раздел 2	
Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).....	29
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i>	
Эконометрическая модель макроэкономической динамики экономики России.....	32
<i>Разумовская Е. А., Разумовский Д. Ю.</i>	
Социально-институциональный выбор общества в условиях современной России.....	60
<i>Мецгер А. А.</i>	
Модели корпоративного управления с точки зрения внутренних трансакционных издержек.....	64
<i>Хмелькова Н. В.</i>	
Методологический подход к выбору организации-партнера для ко-брендинга.....	70
Раздел 3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).....	83
<i>Семитко А. П.</i>	
Персоноцентристский подход к праву и правовой культуре.....	86
<i>Камышин В. А.</i>	
Реорганизация познания. Стадии возбуждения уголовного дела: плюсы и минусы.....	95
<i>Суворов Д. В.</i>	
О специфике российской цивилизации.....	100
<i>Беляков С. С.</i>	
Хорватская крестьянская утопия в идеологии Усташского движения.....	106
<i>Зубков К. И.</i>	
Механизм культурной диффузии в контексте формирования предпосылок петровской модернизации России: Случай религиозной сферы.....	111
Раздел 4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, художественная и физическая культура, журналистика, моделирование одежды, сервис и туризм).....	123
<i>Болдыгин Г. В.</i>	
К истории слова «философия» (Против утилитаризма).....	127
<i>Брандт Г. А.</i>	
«Девочка на шаре», или о «текучем» и «твердом» в культуре рубежа последних веков (на материале спектаклей «новой драмы»).....	139
<i>Батюта Е. А.</i>	
Философская апология потребителя: от потребительства к компетентности.....	149
<i>Балмаева С. Д.</i>	
Новые матрицы для понимания российских «новых медиа».....	159

<i>Белых С. И., Нагорная А. С.</i> Роль коррекции психологических состояний в женском кикбоксинге.....	162
<i>Росновская Л. В.</i> Теоретические основания модели профессиональной компетентности конструктора-дизайнера одежды.....	168
Раздел 5. Образование как социальный институт (социология).....	175
<i>Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А.</i> Дети мигрантов как объект региональной образовательной политики (на материалах исследования в ХМАО–ЮГРЕ).....	177
Научные события.....	185
Дни науки студентов и аспирантов в Гуманитарном университете, 16–17 мая 2013 г.....	197
О редколлегии.....	200

От редакции

Уважаемые друзья, коллеги!

Перед вами первый номер обновленного «Вестника Гуманитарного университета». Отличие нового формата от прежнего заключается в том, что вместо одного научного направления сейчас в нем представлены все направления научных исследований Гуманитарного университета по разным наукам (философия, культурология, социология, юриспруденция, экономика, психология, литература, история, педагогика, политология, информатика). Кроме того, все представленные материалы – рецензированы. В журнале вначале представляется основное научное направление Гуманитарного университета, его основные научные темы, ведущие исследователи, а затем – статьи по указанным направлениям и темам.

Также журнал содержит краткую информацию о научных мероприятиях Гуманитарного университета.

Поздравляем с выходом первого номера и приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных.

Напоминаем, что журнал планируется издавать ежеквартально.

Проректор по научной работе,
д-р филос. наук, профессор

Мясникова Л. А.

Раздел 1

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления

- 1.1. Социальная психология в современном мире: актуальные проблемы и взаимосвязь с другими науками
- 1.2. Управление и познание в социальных сферах: психологические основания, теория, методология и практика
- 1.3. Профессиональное развитие и менеджмент персонала: психологические основания, методология, практика
- 1.4. Социально-психологические проблемы безопасности личности и общества
- 1.5. Реклама и PR: социально-психологические основания, содержание и функции

Социальная психология в современном мире: актуальные проблемы и взаимосвязь с другими науками

В сложных условиях современного цивилизованного существования с многообразием различных требований к человеку и наличием альтернативных поведенческих моделей, изучение актуальных проблем социальной психологии общества, группы и личности, проблема влияния окружающей обстановки (ситуации) на человека, в частности, проблема интерпретации социального мира, выборов человека в конструировании социальной реальности выступает как необходимый инструмент формирования социального поведения.

В рамках научного направления исследуется процесс эволюции сознания человека. Каждый новый уровень сознания связан с различными возможностями биологического и социального функционирования, ценностей, целей и самосознания. Также исследователи обращаются к трансформации человеческих возможностей.

Особым аспектом в рамках научного направления являются вопросы взаимосвязи социальной психологии с образованием, юриспруденцией, психотерапией, любыми формами социальной деятельности людей. Социальный потенциал человека изучается в непрерывном процессе овладения им информационным и событийным пространством, в процессе формирования личной ответственности.

Ученые:

декан ф-та социальной психологии, д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перельгина;
канд. психол. наук, доцент, завкафедрой психологии личности и психологического консультирования Г. Г. Овчинникова.

Управление и познание в социальных сферах: психологические основания, теория, методология и практика

Материалы исследований в рамках данной научной темы разнообразны, многофакторны и объединены тематикой познания и управления в социальных сферах. Под социальными сферами понимается гибкая система воспроизводства субъектов социального процесса, в которую включены социальная инфраструктура, процессы образования, медицинского, социального и бытового обслуживания, органы и институты управления социальной сферой, механизмы и нормативная база регулирования потребительского поведения населения, групп, человека.

Процессы познания, управления, развития имманентно свойственны социальным сферам. Познание в социальных сферах специфично, ибо объект и субъект совпадают. Этим обусловлено многообразие точек зрения, часто их противоположность при исследовании одних и тех же социальных явлений и процессов. Изучение социальной действительности, фактов, их интерпретация, социальное прогнозирование и моделирование, закономерности и методы социального исследования – эти и другие вопросы попадают в фокус внимания данной секции.

Процесс управления цикличен и целенаправлен, он включает в себя планирование, связанное с разработкой планов социального развития и социального проектирования; организацию действий участников совместной деятельности; координацию деятельности взаимодействующих субъектов; стимулирование путем формирования соответствующих мотивов и установок; обеспечение контроля. Если управление хаотично, нерегулярно, возникает множество спонтанных процессов, угрожающих социальной стабильности и безопасности. Исследование психологических оснований, методологии, теории и практики обеспечивает глубину познания, управления, полидетерминированность социальных сфер.

Ученые:

профессор кафедры психологии личности и психологического консультирования, д-р мед. наук А. А. Яворский;
канд. психол. наук, доцент В. В. Фадеев;
доцент кафедры общей и прикладной психологии, завлабораторией психологического практикума канд. психол. наук, доцент Е. В. Федорова.

Профессиональное развитие и менеджмент персонала: психологические основания, методология, практика

Неотъемлемой частью системы менеджмента персонала, его стратегической функцией является развитие человеческих ресурсов. Требования общества к личной зрелости и мастерству профессионала непрерывно обновляются. Необходимо высокое качество подготовки/переподготовки специалиста как человека компетентного, творческого и конкурентоспособного, обладающего инновационным мышлением, владеющего самыми современными технологиями. Бюджет на обучение персонала должен превратиться из статьи безвозвратных расходов в прибыльные капиталовложения в человеческий ресурс компании.

Статьи в этом научном направлении должны отражать необходимость учета постоянно меняющихся социально-экономических, функционально-содержательных и ценностно-смысловых контекстов профессиональной реализации человека. Изменение среды профессионального развития изменило требования к менеджменту персонала, активизировало новые технологии адаптивного включения специалиста в профессиональную деятельность, акцентировав внимание на психологических основаниях, методологии и практике, и вызвало изменениями в самой личности сотрудника. Этому ракурсу профессионального развития персонала посвящаются исследования в данном научном направлении.

Ученые:

д-р психол. наук, профессор Бусыгина И. С.;
декан ф-та социальной психологии, д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перельгина;
д-р психол. наук Зотова О. Ю.

Социально-психологические проблемы безопасности личности и общества

Проблема безопасности широко обсуждается и представляет собой новую предметную область для изучения и проведения исследований в разных научных сферах. В связи с этим несомненную актуальность приобретает систематизация знаний о безопасности в гуманитарных науках. Особый интерес представляет социально-психологический подход, изучающий главные механизмы взаимодействия человека и современного общества. Выявление места, роли и функции безопасности в психологической науке и современном обществе дает возможность определить меру ответственности человека за себя, социальную группу, общество в целом.

Ученые:

декан ф-та социальной психологии, д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перельгина;
доцент кафедры общей и прикладной психологии, д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова;
д-р психол. наук, доцент, завкафедрой управления персоналом, И. С. Бусыгина.

Реклама и PR: социально-психологические основания, содержание и функции

В связи с процессами глобализации в современном мире происходит переосмысление структур коммуникационных процессов и расширение возможностей рекламы и PR как каналов коммуникационного воздействия на целевые аудитории. Именно в рамках социальной коммуникации осуществляется формирование социальных установок, влияющих на то, как общество в целом воспринимает окружающий мир и происходящие в нем события.

В рамках научной темы реклама рассматривается как особый социокультурный феномен, интегрированный в повседневные практики человека, которые скрепляют уровень совместного существования человека и проектируют его жизненный мир. Изучаются особенности коммуникативного воздействия рекламы, способы влияния архетипических образов и визуальных компонентов рекламы на потребителей, основные параметры анализа потребительской реакции. Анализируется значение медиапланирования и психологической экспертизы рекламы в обеспечении эффективного воздействия рекламы на потребителя. Особое внимание уделяется изучению PR-инструментов управления коммуникациями, общественным мнением, репутацией в условиях конфликта, кризиса.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ
КОМПОНЕНТЫ КОРПОРАТИВНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ**

**CORPORATE SAFETY COMPONENTS
IN THE ACTIVITY OF AN
ORGANIZATION**

Аннотация

В данной статье автор обосновывает те компоненты в деятельности организации и управления ей, которые могут быть рискованными и привести к организационным явлениям патологического характера. К таким компонентам относятся игнорирование болезней роста, организационные дисфункции, деструктивное поведение и др.; а инновационное управление выступает как вариант стратегического управления, позволяющего нивелировать влияние угроз организационно-деятельностного характера.

Ключевые слова: угрозы, корпоративная безопасность, болезни роста, организационные дисфункции, риски, деструктивное поведение, жизненный цикл, зона комфорта.

Abstract

In this article the author shows the components in the activities of the organization and management of it, which can be risky and may lead to organizational phenomena of pathological nature. These activities are ignoring diseases growth, organizational dysfunction, destructive behavior, etc.; and innovative management acts as a variant of strategic management, allowing to neutralize the effect of dangerous nature of organizational activity.

Key words: threats, corporate security, disease growth, organizational dysfunction, risks, destructive behavior, life cycle, the comfort zone.

Корпоративная безопасность организации отражает состояние организационной системы, при котором вероятность актуализации опасности, содержащейся в факторах угрозы, минимизирована¹. Данный конструкт полидетерминирован, в фокус внимания данной статьи попадает только организационно-деятельностный аспект.

Разного рода угрозы, воздействуя на организацию, могут представлять реальную опасность для уровня экономической, информационной или социальной безопасности. Соответствующие подсистемы корпоративной безопасности должны эффективно противодействовать тем составляющим суммарной угрозы, на борьбу с которыми они ориентированы. В результате совместной деятельности этих подструктур достигается интегральная корпоративная безопасность как некоторое системное качество. Интегральный эффект достигается за счет того, что отдельные подсистемы при решении своих специфических задач образуют кумулятивный эффект и функционируют по принципу предметно-деятельностного дополнения. Действительно, при решении задач обеспечения корпоративной безопасности нельзя игнорировать ее информационную, экономическую или социальную составляющую², вопросы защиты экономики и информации³; однако мы

¹ Бусыгина И. С., Перельгина Е. Б. Основные закономерности обеспечения корпоративной безопасности организации. – М. : Изд-во Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010.

² Корпоративная безопасность как основа социально-психологической и организационной стабильности : коллективная монография / И. С. Бусыгина, Е. Б. Перельгина ; под общ. ред. закл. деят. науки РФ, акад. РАО, д-ра психол. наук, проф. А. А. Деркача. – М. : Изд. центр «ИЭТ», 2008. – 434 с.

³ Грачев Г. В. Личность и общество: Информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. – М. : ПЕР СЭ, 2003; Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия : учеб. пособие. – М. : Педагогическое общество России, 2000; Корнилов М. Я. Экономическая бе-

сфокусируемся на тех организационно-деятельностных аспектах, которые обуславливают корпоративную безопасность организации.

По мере движения организации к стабильному состоянию, характеризующемуся максимальным балансом между внешней и внутренней средой организации, возможны «болезни роста», организационные дисфункции и патологии, повышающие уязвимость коллективного субъекта и понижающие уровень корпоративной безопасности⁴.

Болезни роста характерны для всех компаний и являются естественными побочными эффектами развития. Организации обычно сами успешно решают такие проблемы; но если болезнь роста не была преодолена в свое время, из нее может развиться организационная патология. В организациях можно встретить следующие болезни роста организационно-деятельностного характера: текучесть кадров и недостаток оборотных средств, нехватка кадров по мере расширения компании, нарушения связей между отделами. Особое значение имеет проблема несоответствия организационной структуры системе управления. Если на стадии баланса в организации все еще господствуют неформальные отношения, отсутствует регламент, нет профессионального менеджмента – это серьезная болезнь роста, грозящая различными патологиями. Под организационной дисфункцией понимается сбой в выполнении какой-либо функции либо устойчивое недостижение целей организации. Дисфункцией может также считаться достижение целей, но с существенно большими затратами времени, сил и средств по сравнению с запланированным уровнем.

Кардинальное отличие патологий от болезней роста состоит в том, что организация самостоятельно не может разрешить проблему патологий. Так, патология «господство структуры над функцией» возникает обычно как способ решения других проблем: например, отсутствие отлаженной системы взаимодействия склада и розничной сети пытаются компенсировать введением должности контролера их совместной работы и т. п. Хаос, необдуманные решения могут быть признаками патологии «несовместимость личности с функцией».

Риски активизации угроз корпоративной безопасности усиливаются, а их количество увеличивается при наличии организационных патологий, они приобретают лавинообразный характер и приводят к гибели организаций. Поэтому проблема организационных патологий имеет важное значение в контексте рассмотрения угроз корпоративной безопасности организации.

Иную угрозу корпоративной безопасности организации представляет такой вид организационного поведения, как деструктивно-оппозиционное поведение⁵. Оппозиционное поведение сотрудников – результат управленческих действий, начиная с формирования целей и приоритетов организации до отбора кандидатов и принятия решений в области производственных процессов. Появление такого вида поведения в организации является ярким сигналом неэффективности управления персоналом. Мы различаем деструктивно-оппозиционное поведение и просто деструктивное поведение, которое будет проявляться отдельными лицами в силу их жизненных установок и других индивидуальных особенностей, вне зависимости от места их работы и стиля руководства. Необходимо четко устанавливать роль организационных факторов в каждом конкретном случае проявления деструктивности сотрудников. Если факт классифицирован как деструктивно-оппозиционное поведение, которое по характеру является реакцией, необходимо выявить факторы, спровоцировавшие данную реакцию, и по возможности устранить их.

Таким образом, оппозиция – закономерное явление организационной жизни, учет его существования, действия профилактического характера, «совладающее» поведение менеджмента могут позволить управлять данным явлением. В зарубежной психологии по-

зопасность России: основы теории и методологии исследования : учеб. пособие. – 2-е изд., стереотип. – М. : Изд-во РАГС, 2009.

⁴ Пригожин А. И. Методы развития организаций. – М. : МЦФЭР, 2003. С. 93–104; Ивашковская И. В., Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Становление корпорации в контексте жизненного цикла организации // Российский журнал менеджмента. – 2004. – № 4. – Т. 2. – С. 19–34.

⁵ Горностаев С. А. Оппозиция – сама по себе не добро, и не зло для организации // Управление персоналом. – 2006. – № 22.

следних лет проблеме преодоления, совладания – «coping behavior»⁶ посвящено значительное количество работ. Coping есть индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни субъекта и его психологическими возможностями. Психологическое предназначение coping состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать субъекта к требованиям ситуации. Поэтому главная задача coping – обеспечение и поддержание благополучия субъекта, физического и психического здоровья и удовлетворенности социальными отношениями⁷.

В связи с этим мы полагаем, что с точки зрения организационно-деятельностных детерминант корпоративной безопасности организации необходимо действовать в следующих направлениях:

- укрепление социально-культурных, ценностных, организационных, иных оснований корпоративной безопасности организации;
- предотвращение кризисов, конфликтов, напряженных ситуаций, профессионального выгорания у сотрудников, коллектива, организации в целом;
- превентивная забота о социально-психологическом климате коллектива, деловой культуре, лояльности, личностно-профессиональном росте, приверженности, преданности интересам организации в трудовом коллективе;
- мониторинг динамического процесса по трансформации и ликвидации угроз корпоративной безопасности организации и его движущие силы;
- наращивание банка инструментов овладения сложными ситуациями, тающими внутренними или внешними, открытыми или латентными угрозы и тренировка умений эффективно их использовать по мере идентификации даже слабых сигналов угроз (антикризисное управление).

Для решения данных задач целесообразно рассмотреть подсистемы преодоления угроз корпоративной безопасности организации. Выделим три ведущие формы: базовая, особенная и общая.

Эти уровни выделены нами в соответствии с пониманием трех сфер корпоративной безопасности, где реализуется личностно-профессиональный рост и интересы субъекта: личностная безопасность в личностно-профессиональном пространстве; безопасность социальных групп в профессиональных сообществах, объединениях; социальная безопасность в социальных системах более обобщенного уровня.

Базовый уровень угроз корпоративной безопасности организации представляет собой совокупность факторов в области психологии человека как носителя и одновременно и потребителя корпоративной безопасности организации. Очевидно, что базовый уровень угроз корпоративной безопасности связан с человеческим фактором в организации, формируется как системное новообразование ранних стадий жизненного цикла организации и в дальнейшем, при продуктивном развитии организации и становлении механизмов преодоления этих угроз, будучи управляемым, становится характеристикой зрелой организации. В дальнейшем, встраиваясь в контекст организационного развития, угрозы корпоративной безопасности трансформируются в особую и специальную безопасность, базируясь на возможности преодолевать угрозы уже другого уровня, реализуя имеющиеся у организации как внутренний потенциал и резервы, так и успешно используя внешние ресурсы (условия деятельности, социальное окружение, социально-ролевые идентификации и т. д.); дальнейшее погружение в данный вопрос не является предметом нашего рассмотрения.

Уровень особенных угроз корпоративной безопасности организации детерминируется пониманием безопасности социально-профессиональных групп как такого состояния интегративного субъекта профессионального взаимодействия, при котором деятельность этого субъекта продуктивна. Этот уровень формируется постепенно и включает понимание: сильных и слабых организационных сторон в рамках внешней и внутренней среды; средств профессиональной самореализации персонала, аудит и мониторинг угроз. Так как

⁶ Понятие «coping» происходит от английского «cope» (преодолевать); в германоязычной психологии в этом же смысле используются как синонимы понятия «Bewältigung» (преодоление) и «Belastungsverarbeitung» (переработка нагрузок).

⁷ Нартова-Бочавер С. К. «COPING BEHAVIOR» в системе понятий психологии личности. – URL: http://www.ido.rudn.ru/psychology/psychology_of_person

корпоративная безопасность является одновременно и результатом, и средством достижения организационной стабильности. Овладение организацией инструментами достижения организационной стабильности происходит одновременно с мониторингом базовых угроз и развитием корпоративной безопасности. Вектор развития корпоративной безопасности при этом состоит в понимании того, что базовый уровень угроз должен быть минимизирован в соответствии с требованиями социальной системы, в которую включена организация и профессиональной среды, в которой протекает деятельность организации и сотрудников. Поэтому процесс продуктивного преодоления угроз корпоративной безопасности зависит не только от внутренних, но и от внешних факторов: особенностей профессиональной и управленческой адаптации; характера профессиональных коммуникаций; способов принятия управленческого решения; алгоритмов карьерного роста; меры экстремальности и неопределенности в профессиональной деятельности.

Этот уровень угроз корпоративной безопасности формирует интегральные новообразования, позволяющие корпоративной безопасности выходить за собственные рамки и создавать новые продукты деятельности. Это этап творческой профессиональной самореализации, когда человек/профессиональное сообщество/организация становятся подлинным субъектом себя и своей профессиональной деятельности. Специальные угрозы, имплицитно включая в своем основании базовые и особенные угрозы и компетенции по их преодолению, поднимает организацию на уровень не просто субъекта своей собственной активности, но и на уровень творца. В данном случае они актуализируют в субъекте профессионального труда системные компетенции, которые проявляются не только в постановке такого вида акмеологических задач, но и в нахождении оптимальных способов их решения. Результатом деятельности по преодолению специальных угроз является подлинная самоактуализация субъекта.

Таким образом, предлагаемый подход к пониманию угроз корпоративной безопасности отражает системный характер развития умения организации преодолевать эти угрозы и формирование системной компетентности: она дифференцирует и объединяет этапы становления компетентности, ее формы и проявления, процессы и технологии достижения. Очевидно, что продуктивное развитие компетентности преодоления угроз корпоративной безопасности включено в процесс становления субъекта профессиональной деятельности, а этапы и формы компетентности по преодолению угроз соответствуют этапам развития субъекта.

С точки зрения развития организации как группового субъекта интересны данные организационной психологии о том, что организации проходят некий временной цикл, в котором можно выделить четыре различных типа ценностных установок, детерминирующих корпоративную безопасность⁸.

1. Установка, характерная для цикла развития организации «тусовка», ставит во главу ценности межличностного общения, создания внутрифирменной целостности на базе личных контактов, приверженности общим принципам коммуникации и подобным человеческим особенностям. В данной фазе персонал увлечен идеей, максимально «включен» в профессиональный процесс; угрозы корпоративной безопасности носят внешний характер.

2. Установка, характерная для цикла развития организации под названием «механизация», связана с пониманием ценности упорядочивания, определенности деятельности, внутренней организации. Именно на данном цикле развития организация впервые сталкивается с необходимостью замены сотрудников, которые хорошо вписываются в личностную, неформальную структуру, но не могут быть эффективными специалистами, в связи с этим активизируются внутренние угрозы демотивации, нелояльности персонала; с другой стороны, формализация снижает внешние риски.

3. Установка, проявляющаяся в период цикла развития «внутреннее предпринимательство», провозглашает необходимость максимального участия каждого из сотрудников в «предпринимательском процессе». Такое представление о ценностях говорит о том,

⁸ Филонович С. Р., Кушелевич Е. И. Теория жизненных циклов организации И. Адизеса и российская действительность // Социологические исследования. – 1996. – № 10. – С. 63–71; Глазл Ф., Ливерхуд Б. Динамичное развитие предприятия. Как предприятия пионеры и бюрократия могут стать эффективными : пер. с немец. – Калуга : Духовное познание, 2000. – 264 с.

что любой сотрудник организации должен подходить к реализации своей деятельности как предприниматель, который представляет товар на рынке. А поэтому любой сотрудник должен хорошо знать своего клиента, его потребности и работать так, чтобы его продукт находил сбыт. Это фаза развития ценностного управления, при которой внутренние угрозы организации снимаются, так как сотрудники становятся со-участниками управления организацией.

4. Установка, характерная для этапа «управление качеством», связана с ориентацией всех на качество. В рамках данного цикла каждый сотрудник организации должен озаботиться проблемой качества (соответствия представлениям заказчика о желаемом) итогового продукта, а для этого каждый из промежуточных продуктов (полуфабрикатов) должен быть максимально качественным. Угрозами в этой фазе цикла можно признать частично внутренние, частично внешние; так, переориентация на внешнего клиента с внутреннего (персонала) спровоцирует волну непонимания и сопротивления, что чревато для корпоративной безопасности.

Таким образом, взгляд на организацию сквозь призму аксиологических циклов развития позволяет увидеть организационно-деятельностные детерминанты корпоративной безопасности в разрезе динамики становления, оценить специфику угроз конкретной стадии, фазы цикла, понимать вероятность актуализации той или иной угрозы, более точно идентифицировать ценностные установки и ориентации, конкретизировать задачи, стоящие перед системой обеспечения корпоративной безопасности организации.

Любая организация проходит определенные стадии жизненного цикла, которые отличаются друг от друга не только продолжительностью, но и угрозами, внутренне присущими каждой стадии. Концепция жизненного цикла предприятия показывает направления эффективности его функционирования, увязывает ключевые факторы внешней и внутренней среды, в том числе и наиболее характерные симптомы кризиса в организации⁹. Для сохранения устойчивости организация как открытая система должна быстро реагировать на изменения внешней среды, для чего необходим гибкий инновационный менеджмент, умение руководства и персонала оперативно и творчески решать новые задачи в ситуации неопределенности.

Поэтому мы можем признать механизм инновационных изменений как тот, который создает содержательную основу и детерминирует преодоление угроз корпоративной безопасности. Устойчивость, надежность и стабильность организационной системы достигается за счет приобретения гибкости, мобильности и маневренности. Можно предположить, что для организации как коллективного субъекта будет свойственна определенная зональность в пространстве ее жизнедеятельности (аналогично индивидуальному субъекту). Зона комфорта – область организационного пространства, дающая ощущение комфорта и безопасности. Как правило, зона комфорта определяется привычными шаблонами организационного поведения, регламентами, правилами, стереотипами. Это устоявшийся мир, где все знакомо, стабильно и предсказуемо.

Любое научение и обучение связано с выходом за границы зоны комфорта. За пределами зоны комфорта находится зона риска. В этой зоне возникает состояние дискомфорта; профессионалы констатируют, что выход в зону риска вызывает сопротивление, напряженность, конфликты и бунты у персонала¹⁰. Однако разумный выход в зону риска, и расширение зоны комфорта за счет овладения новыми компетенциями – необходимое условие развития субъекта профессиональной организационной деятельности. Потому можно предположить, что умение действовать в зоне риска, обнаруживая и апробируя эффективные и адекватные способы действий – организационный, управленческий механизм, необходимый для реагирования в ситуации актуализации угрозы корпоративной безопасности. Здесь выпукло проявляется действие потенциала корпоративной безопасности как проявленной способности противостоять деструктивным силам без нарушения продуктивности организации.

Если менеджмент организации надолго задерживается в зоне комфорта и не предпринимает никаких усилий, чтобы выходить из этой зоны и расширять ее границы,

⁹ Лавизина О. В. Некоторые аспекты управления жизненным циклом организации, понимаемой как социальная система // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 5.

¹⁰ Панова Т. В. Как преодолеть сопротивление персонала // Генеральный Директор. – 2007. – № 4.

то его развитие прекращается, постепенно переходя в фазы деградации¹¹. Развивающаяся организация, для которой развитие – норма организационной жизни, легко осваивает новые деятельности и выходит за границы зоны комфорта, наращивая потенциал корпоративной безопасности организации.

Таким образом, организационно-деятельностные компоненты корпоративной безопасности определяют возможности и ограничения деятельности менеджмента по управлению реальными и потенциальными угрозами безопасности организации и могут быть использованы для повышения готовности к компетентно выстроенной профессиональной деятельности профилактики угроз корпоративной безопасности организации.

¹¹ Адизес И. К. Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни. – СПб. : Питер, 2008. – 224 с.

УДК 659

Шматов Георгий Артемович

канд. физ.-мат. наук, ст. научный сотрудник,
доцент кафедры «Реклама» Гуманитарного ун-та
(г. Екатеринбург)

Georgiy A. Shmatov

Candidate of Physics & Mathematics,
Associate Professor at Advertising Chair, Social
Psychology Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ
МОДЕЛИ И МЕТОДЫ РЕКЛАМНОГО
МЕДИАПЛАНИРОВАНИЯ**

**ECONOMIC AND MATHEMATICAL
MODELS AND WAYS OF
MEDIAPLANNING IN ADVERTISING**

Аннотация

В статье излагается методология и технология планирования рекламной кампании. Излагаются основные принципы экономико-математической теории медиапланирования, позволяющей решать задачи оптимизации рекламного бюджета при размещении рекламы в СМИ.

Ключевые слова: медиапланирование, реклама, мультимедийность, оптимизация, эффективность.

Abstract

The methodology and technology of planning of an advertising campaign is stated in the article. The basic principles of the economic-mathematical media planning theory which gives the opportunity to achieve the advertising budget optimization when placing advertisements in the media are presented.

Keywords: media planning, advertising, multimedia, optimization, efficiency.

Основные понятия теории. Основными коммуникативными понятиями теории медиапланирования являются понятия *медиасобытия*, *рейтинга*, *предельного охвата*. Для прессы (газеты, журналы) медиасобытие – это выход в свет *одного* номера (выпуска) издания. Для электронных СМИ (телеканал, радиостанция) медиасобытие – это *эфирное событие* определенной длительности (минута, 15 минут и т. п.), относящееся к какому-то определенному моменту времени в сетке суточного вещания того или иного теле- или радиоканала. Используя понятие медиасобытий, связанных с размещением рекламы, сформулируем определение рейтинга и предельного охвата СМИ.

Рейтинг медиа R – это средняя доля целевой аудитории, имевшей контакт с одним медиасобытием (с одним номером издания или с эфирным событием).

Предельный охват G^∞ это доля целевой аудитории, имевшей хотя бы один контакт со СМИ при сколь угодно большом числе медиасобытий.

Целевая аудитория (ЦА) представляет собой множество реальных или потенциальных потребителей, являющихся объектом рекламного воздействия.

Для вывода формул вычисления охвата аудитории как функции числа медиасобытий, связанных с размещением рекламы, приведенные выше определения рейтинга и предельного охвата нужно сформулировать на языке теории вероятностей.

Рейтинг R – вероятность того, что случайно выбранный из целевой аудитории человек имел контакт с одним медиасобытием.

Предельный охват G^∞ – вероятность того, что случайно выбранный из целевой аудитории человек имел контакт хотя бы с одним медиасобытием при сколь угодно большом числе медиасобытий.

Охват $G(m)$ – это доля целевой аудитории, имевшей хотя бы один контакт со СМИ за m одинаковых медиасобытий (с одинаковым рейтингом, предельным охватом). *Охват* $G(m)$ – это вероятность того, что случайно выбранный из целевой аудитории человек имел хотя бы один контакт со СМИ за m одинаковых медиасобытий.

Спектр (частотное распределение) охвата, $g(f)$ – это доля целевой аудитории, имевшей ровно f контактов со СМИ при условии, что имелось m одинаковых медиасобытий. *Спектр охвата $g(f)$* – это вероятность того, что случайно выбранный из целевой аудитории человек имел ровно f контактов со СМИ при условии, что имелось m одинаковых медиасобытий. Спектр охвата $g(f)$ и охват аудитории $G(m)$ связаны соотношением

$$G(m) = \sum_{f=1}^m g(f), \text{ которое следует из условия сохранения охвата.}$$

Бинарная модель аудитории СМИ предполагает наличие двух непересекающихся сегментов – *случайной* и *постоянной* аудиторий, различающихся характером контактов со СМИ. Каждый из этих сегментов характеризуется двумя параметрами – вероятностью контакта случайно выбранного представителя аудитории со СМИ при одном (рейтинг) и бесконечно большом (предельный охват) числе медиасобытий (размещений рекламы в СМИ). Для случайно обновляемой аудитории эти параметры обозначим символами R_0 и G_0^∞ , а для постоянной аудитории – CP и C . Рейтинг R и предельный охват G^∞ СМИ выражаются через эти параметры следующим образом: $R = R_0 + CP$, $G^\infty = G_0^\infty + C$. Введем вероятность контакта с одним медиасобытием не для всей целевой аудитории, а только для ее части, относящейся к *аудитории СМИ*. Эта вероятность для обновляемой аудитории дается отношением $r = R_0 / G_0^\infty$, а для постоянной аудитории – параметром P . Набор параметров СМИ R_0 , G_0^∞ , CP и C (или r , G_0^∞ , P и C) находится в результате медиаисследований и осуществляет связь теории с практикой планирования размещения рекламы.

Вычисление охвата аудитории. При вычислении охвата целевой аудитории используется бинарная модель аудитории СМИ. Выделяя в каждом сегменте ЦА аудиторию СМИ, можно показать, что данное выше определение спектра охвата $g(f)$ приводит для каждого сегмента к схеме Бернулли с параметрами r , G_0^∞ и P , C . Используя эти параметры в схеме Бернулли, получим следующую формулу вычисления спектра охвата [1. С. 157]:

$$g(f) = C_m^f (G_0^\infty r^f q^{m-f} + CP^f U^{m-f}), \quad (1)$$

где C_m^f – биномиальные коэффициенты; $r = R_0 / G_0^\infty$, $q = 1 - r$; $U = 1 - P$.

Из формулы (1) следует справедливость соотношения, выражающего *закон сохранения числа контактов* аудитории со СМИ, в которых размещена реклама:

$$\sum_{f=1}^m f g(f) = m R, \quad (2)$$

Охват аудитории $G(m)$ при m -кратном размещении рекламы в СМИ находится в результате суммирования спектра охвата (1) по всем возможным числам контактов f :

$$G(m) = \sum_{f=1}^m g(f). \text{ В результате суммирования получим формулу вычисления охвата как}$$

функции числа размещений рекламы:

$$G(m) = G_0^\infty (1 - q^m) + C (1 - U^m), \quad (3)$$

Число контактов f представляет собой случайную величину с функцией распределения вероятностей $p(f) = g(f) / G(m)$. Функция $p(f)$ представляет собой сумму модифицированных за счет весовых множителей биномиальных распределений вероятностей. Используя их свойства, находим математическое ожидание M и среднеквадратичное отклонение σ случайной величины f :

$$M(f) = m R / G(m), \quad (4)$$

$$\sigma = \sqrt{m} / G(m) [(G_0^\infty)^2 r q + C^2 P U]^{1/2}. \quad (5)$$

Математическое ожидание представляет собой *среднее* число (среднюю частоту) контактов представителя ЦА с рекламой при ее m -кратном размещении в СМИ. Средняя частота $\bar{f} = m R / G(m)$ характеризует *интенсивность* рекламных контактов представителя ЦА со СМИ и используется для определения *эффективного* числа размещений рек-

ламы, при котором достигается равенство *средней частоты эффективной частоте*: $\bar{f} = f_{\text{эф}}^1$. Эффективная частота контактов $f_{\text{эф}}$ определяется как среднее число контактов представителя ЦА с рекламой, достаточное для того, чтобы реклама достигла своей цели (узнавалась, припоминалась, побуждала к покупке и т. п.). Величина $f_{\text{эф}}$ находится из исследований, из анализа результатов размещения рекламы либо по определенной методике (напр., методами Остроу или Росситера-Перси [2. С. 213; 3. С. 487]).

Размещение по эффективной частоте. Стандартное отклонение σ позволяет оценить *степень рассеяния* значений случайной величины f относительно ее математического ожидания и определяет *риски*, связанные с возможностью представителя ЦА или аудитории СМИ не получить запланированное число контактов с рекламой. Используя стандартное отклонение σ , критерий эффективности размещения записывается в виде $\bar{f} = f_{\text{эф}} + t \sigma$. Параметр t позволяет контролировать *риск* $\rho(t)$ не получить эффективное число контактов с рекламой. Для представителя аудитории СМИ $\rho(t) = [1 - \Phi(t)] / 2$, где $\Phi(t)$ – интеграл вероятностей. Например, при $t = 1$ (0,5; 0) вероятность не получить эффективное число контактов $\rho = 16\%$ (31%; 50%). Для представителя ЦА риск не получить эффективное число контактов равен $\rho(t) G(m)$. Используя критерий эффективности $\bar{f} = f_{\text{эф}} + t \sigma$ и выражения (4)–(5), получим уравнение

$$m R / G(m) = f_{\text{эф}} + t [(G_0^\infty)^2 r q + C^2 P U]^{1/2} \sqrt{m} G(m), \quad (6)$$

из которого находится эффективное число размещений m . Уравнение (6) решается численными методами. При больших m имеется аналитическое решение этого уравнения. При $C = 0$, $M = G^\infty / R = 5$, $f_{\text{эф}} = 3$ из уравнения (6) получим следующие оценки эффективного числа размещений в зависимости от параметра t : $m = 25$ (19; 15) при $t = 1$ (0,5; 0), что соответствует вероятности $\rho = 16\%$ (31%, 50%) не получить эффективное число контактов $f_{\text{эф}} = 3$.

Уравнение (6) можно использовать для выбора оптимальных СМИ для размещения рекламы: выбираются те СМИ, стоимость пункта охвата в которых минимальна: $v m / G(m) \Rightarrow \min$, где m – решение уравнения (6), v – стоимость одного размещения рекламы. При этом необходимо контролировать охват $G(m)$.

Размещение по эффективному охвату. Зная эффективную частоту $f_{\text{эф}}$ и спектр охвата (1), вычислим эффективный охват $G_{\text{эф}}$ – долю аудитории, получившую число контактов, не меньшее эффективного:

$$G_{\text{эф}} = \sum_{f=1}^m E(f) g(f), \quad (7)$$

где $E(f)$ – функция, описывающая изменение эффективности контактов в интервале частот $2\Delta f$ вблизи значения эффективной частоты. Параметры функции эффективности $f_{\text{эф}}$ и Δf зависят от цели рекламы и определяются из анализа результатов ее размещения. Эффективный охват $G_{\text{эф}}$ является функцией параметров эффективности $f_{\text{эф}}$ и Δf , параметров СМИ R , G^∞ , P , C и числа размещений рекламы m . Если задать определенную величину эффективного охвата $G^* < G^\infty$, то можно определять *эффективное* число размещений, решая уравнение $G_{\text{эф}}(f_{\text{эф}}, \Delta f, R, G^\infty, P, C, m) = G^*$ относительно m . Оптимальным является размещение в том СМИ, которое обеспечивает *заданный* эффективный охват G^* при *минимальном* рекламном бюджете ($v m$) $\Rightarrow \min$. Задачи оптимизации при размещении рекламы в одном СМИ весьма ограничены, поскольку охват G^* не может превышать предельный охват СМИ G^∞ . Более корректно оптимизация осуществляется при размещении рекламы в нескольких СМИ.

Анализ спектра охвата $g(f)$ и охвата аудитории $G(m)$. Функция $g(f)$ согласно формуле (1) представляет собой сумму двух спектров. Спектр обновляемой аудитории $g_1(f)$ имеет максимум при

¹ Термины «число контактов» и «частота контактов» употребляются как синонимы, так как в литературе по медиапланированию термин «эффективная частота контактов» стал общепринятым.

$$m \geq m_{\downarrow} \text{ и } m \geq m_{\uparrow}, \quad (8)$$

где $m_{\downarrow} = 2 / r - 1$, $m_{\uparrow} = r / (1 - r)$ – числа размещения рекламы, при достижении которых меняется характер спектра, $r = R_0 / G_0^{\infty}$. Если $m < m_{\downarrow}$, то спектр $g_1(f)$ убывает с ростом f , а если $m < m_{\uparrow}$ – возрастает. Максимум спектра реализуется при наименее вероятнейшей частоте контакта $f_m = [(m + 1) r]$, здесь в квадратных скобках – целая часть числа.

Анализ зависимостей, полученных по формуле (3), показывает, что для моделирования любой, встречающейся на практике зависимости $G(m)$ достаточно четырех параметров – R , G^{∞} и C , P . Соответствие данных, полученных с помощью формулы (3), охватом реальных СМИ, определяется числом используемых параметров теории R , G^{∞} , C , P и точностью их измерений. Результаты расчетов охвата аудитории по приведенным выше формулам имеют хорошее согласие с данными исследований.

Оценка предельных охватов СМИ. Если измерить охват аудитории каждого ее сегмента для определенного числа медиасобытий, то по формуле (3) можно оценить соответствующий предельный охват. Пусть в результате исследований установлено, что рейтинг обновляемой аудитории $R_0 = 12\%$, а охват аудитории при $m = 6$ равен 38% . Решая уравнение $G_0^{\infty} [1 - (1 - 0,12 / G_0^{\infty})^6] = 0,38$, получим $G_0^{\infty} = 45\%$.

Зависимость медиасобытий. Мерой зависимости событий является коэффициент корреляции r . Вычисляя коэффициент корреляции медиасобытий, относящихся к одному СМИ, получим: $r = R(1 - G^{\infty}) / G^{\infty}(1 - R)$. Из этой формулы следует, что если $G^{\infty} = 1$, то $r = 0$ и контакты являются независимыми. Если $G^{\infty} < 1$, то $r \neq 0$ и контакты – зависимы (осуществление контакта представителя ЦА с медиа зависит от предшествующих контактов). При $R = 15\%$, $G^{\infty} = 23\%$ имеем: $r = 59\%$, что свидетельствует о существенной зависимости медиасобытий.

Приближенное вычисление охвата аудитории. Если постоянная аудитория невелика по сравнению со всей аудиторией СМИ ($C \ll G^{\infty}$), ею можно пренебречь и вместо 4-х использовать два параметра, R и G^{∞} , величина которых при $C=0$ обусловлена обновляемой аудиторией. При проведении приближенных оценок целесообразно использовать установленную на основе исследований зависимость $G^{\infty} = R(1 + \mu \ln^2 R)$, где μ – коэффициент аппроксимации. Поскольку число коэффициентов μ равно числу типов СМИ, их определение является более простой задачей, чем измерение предельных охватов каждого СМИ. Установив величину коэффициентов μ , охват аудитории вычисляется по формуле (3), которая в данном случае содержит один параметр СМИ – рейтинг.

Закон коммуникативной эффективности медиа. Коммуникативные и экономические (стоимостные) характеристики размещения рекламы в СМИ связаны определенным соотношением, которое в силу своей универсальности представляет собой закон изменения эффективности медиа в зависимости от стоимости размещения рекламы в нем. Коммуникативную эффективность медиа оценим величиной доли охваченной при размещении рекламы аудитории $x = G(m) / G^{\infty}$. Стоимость размещения оценим с помощью параметра $y = CGP / CPP$, который представляет собой относительную стоимость пункта прироста охвата CGP в единицах стоимости пункта рейтинга $CPP = v/R$.

Зависимость между параметром коммуникативной эффективности x и параметром относительной стоимости размещения рекламы y находится из определения стоимости прироста охвата аудитории $CGP = v/[G(m + 1) - G(m)]$ и формулы (3). Эта зависимость имеет следующий вид:

$$y = k / (1 - x), \quad (9)$$

где k – коэффициент, определяемый долей постоянной аудитории. Если доля постоянной аудитории пренебрежимо мала ($C = 0$), то функция $y(x)$ является универсальной, поскольку $k = 1$ и $y(x)$ не зависит от параметров конкретного СМИ. В этом случае в любых СМИ согласно соотношению (9) доля охвата аудитории x и относительная стоимость прироста охвата y связаны определенными количественными соотношениями, представленными в таблице:

x, %	50	60	75	80	90	95	99
y	2	2,5	4	5	10	20	100

Согласно этим данным, 80 %-й уровень насыщения охвата достигается при 5-м увеличении стоимости прироста охвата y по сравнению со стоимостью первого размещения; при насыщении охвата ($x \rightarrow 100\%$) стоимость прироста охвата резко возрастает ($y \rightarrow \infty$). В силу своей универсальности найденная зависимость $y(x)$ может быть названа *законом*, описывающим изменение относительной *стоимости* использования медиа (в единицах *СРР*) от планируемого уровня его *коммуникативной эффективности*. А именно, согласно закону коммуникативной эффективности (9), относительная стоимость прироста охвата y обратно пропорциональна доле неохваченной аудитории СМИ 1-х. Объяснение этой зависимости состоит в следующем: поскольку прирост охвата аудитории осуществляется за счет еще не охваченной аудитории, то чем она меньше, тем выше стоимость прироста охвата при очередном размещении рекламы. Формула (9) позволяет оценить уровень затрат, необходимых для достижения того или иного уровня охвата аудитории.

Охват и спектр охвата L СМИ. При размещении рекламы в нескольких СМИ возникает задача оценки величины *охвата* целевой аудитории и *спектра* мультимедийного охвата аудитории, которые являются наиболее важными количественными характеристиками коммуникативной эффективности. *Охват* аудитории L СМИ $G(L)$ – это доля целевой аудитории, имевшей хотя бы один контакт с любым из L СМИ или с любым сочетанием СМИ, в которых размещается реклама. Эквивалентное теоретико-вероятностное определение: охват аудитории L СМИ $G(L)$ – это вероятность контакта случайно выбранного из целевой аудитории человека с любым из L СМИ или с любым сочетанием СМИ, в которых размещается реклама. Используя эти определения и методы теории вероятностей получим следующую формулу для вычисления охвата аудитории:

$$G(L) = G^{\infty} \left[1 - \prod_{j=1}^L (1 - G_j(m_j) / G^{\infty}) \right], \quad (10)$$

где G^{∞} – предельный охват группы L СМИ, j – номер СМИ: $j = 1, 2, \dots, L$; $G_j(m_j)$ – охват j -го СМИ, вычисляемый по формуле (3).

Формулу для вычисления охвата аудитории (10) можно записать как сумму областей индивидуального и совместного воздействия СМИ. В качестве примера приведем формулу вычисления охвата 3-х СМИ:

$$G(3) = \Delta_1 G_1 + \Delta_2 G_2 + \Delta_3 G_3 + \Delta_{12} G_1 G_2 + \Delta_{13} G_1 G_3 + \Delta_{23} G_2 G_3 + G_1 G_2 G_3 \quad (11)$$

Здесь $\Delta_1 = (1 - G_2)(1 - G_3)$, $\Delta_2 = (1 - G_1)(1 - G_3)$, $\Delta_3 = (1 - G_1)(1 - G_2)$, $\Delta_{12} = 1 - G_3$, $\Delta_{13} = 1 - G_2$, $\Delta_{23} = 1 - G_1$. В рассматриваемом случае имеем 7 областей – 3 области индивидуального и 4 области совместного воздействия СМИ. При произвольном числе СМИ L число таких областей $N_L = 2^L - 1$, из них число областей совместного воздействия СМИ $n_L = 2^L - L - 1$. При $L = 4, 5, 6, \dots$ из этих формул получим: $N_4 = 15$, $N_5 = 31$, $N_6 = 63, \dots$; $n_4 = 11$, $n_5 = 26$, $n_6 = 57, \dots$

Выражение для спектра охвата L СМИ можно получить, используя представление охвата L СМИ как суммы индивидуального и совместного воздействия. Охват $G(L)$ и спектр охвата $g(f)$ L СМИ связаны законами сохранения охвата и числа контактов:

$$G(L) = \sum_{f=1}^{f_{\max}} g(f), \quad \sum_{f=1}^{f_{\max}} f g(f) = \sum_{j=1}^L m_j R_j, \quad (12)$$

Зная полное число рекламных контактов и охват аудитории $G(L)$, находим среднее число контактов \bar{f} , приходящихся на одного представителя аудитории

$$\bar{f} = \sum_{j=1}^L m_j R_j / G(L). \quad (13)$$

Характер спектра охвата L СМИ. Если число СМИ L невелико, то спектр $g(f)$ может иметь $2^L - 1$ локальных максимумов. Частоты, соответствующие этим максимумам, равны

средним частотам контактов с *каждым* СМИ $\bar{f}_j = m_j R_j / G_j(m_j)$, а также частотам, равным всем суммам средних частот $\bar{f}_i + \bar{f}_j$, $\bar{f}_i + \bar{f}_j + \bar{f}_k$, ..., $\bar{f}_1 + \bar{f}_2 + \dots + \bar{f}_L$, где $G_j(m_j)$ – охват j -го СМИ, вычисленный согласно (3). Суммы средних частот представляют собой средние частоты контактов всех возможных пересечений СМИ, которые соответствуют *совместному* воздействию различных сочетаний СМИ. Такое поведение средних частот объясняется тем, что спектр любой области совместного воздействия СМИ представляет собой *свертку* спектров, описываемых биномиальным распределением вероятностей. Поскольку биномиальное распределение является *устойчивым*, свертка спектров также имеет характер биномиального распределения. При этом математическое ожидание случайной величины, соответствующей свертке спектров, равно *сумме* математических ожиданий, соответствующих отдельным спектрам этой свертки. Спектр охвата большого числа СМИ имеет характер *нормального* распределения, что объясняется *центральной предельной* теоремой теории вероятностей, согласно которой сумма большого числа биномиально распределенных нормированных случайных величин описывается асимптотически нормальным распределением вероятностей. Как и в случае одного СМИ, наивероятнейшее число контактов f_m не совпадает со средней частотой \bar{f}

Размещение по эффективной частоте в нескольких СМИ осуществляется, как и в одном СМИ, с помощью критерия эффективности $\bar{f} = f_{\text{эф}} + t \sigma$. Стандартное отклонение σ находится по формуле $\sigma = \left[\sum_{f=1}^{f_{\text{max}}} (f - \bar{f})^2 p(f) \right]^{1/2}$, где $p(f) = g(f) / G(L)$, $g(f)$ – спектр охвата L СМИ, $G(L)$ – полный охват.

Оптимизация размещения рекламы состоит в поиске такого распределения чисел размещения m_j , которое обеспечивает выполнение критерия эффективности $\bar{f} = f_{\text{эф}} + t \sigma$ при *наименьшем* бюджете $\sum_{j=1}^L m_j v_j \Rightarrow \min$. При этом нужно контролировать риск $\rho(t)$ не получить эффективное число контактов и эффективный охват аудитории $G_{\text{эф}}(t)$, который вычисляется по формуле $G_{\text{эф}}(t) = G(L) [1 - \rho(t)]$.

Рассмотрим *частный случай* приведенных выше формул: оценим среднюю интенсивность контактов в *одном* СМИ при размещении рекламы в L СМИ с *одинаковыми* параметрами (R и \bar{G}). Найдем *эффективное* число размещений рекламы m в одном СМИ, обеспечивающее равенство среднего числа контактов \bar{f} эффективной частоте $f_{\text{эф}}$ согласно критерию эффективности $\bar{f} = f_{\text{эф}} + t \sigma$. В итоге при $C = 0$ получим следующее уравнение:

$$m R / [G^{\infty} (1 - q^m)] = f_{\text{эф}} + (t / \sqrt{L}) (r q)^{1/2} \sqrt{m} / (1 - q^m), \quad (14)$$

которое отличается от уравнения (6) тем, что параметр t , задающий риск недостижения эффективного числа контактов, *уменьшился* в \sqrt{L} раз.

Сравним результаты, следующие из формул (14) и (6). Как следует из формулы (6), при $M = \bar{G} / R = 5$, $f_{\text{эф}} = 3$, $t = 1$ эффективное число размещений рекламы в *одном* СМИ $m = 25$. При этом риск не получить эффективное число контактов $\rho = 16\%$. При тех же параметрах ($M = \bar{G} / R = 5$, $f_{\text{эф}} = 3$, $t = 1$) и том же уровне риска $\rho = 16\%$ из формулы (14) при $L = 4$ получим: $m = 19$. То есть при размещении рекламы в *нескольких* СМИ число размещений, гарантирующее достижение *заданной* интенсивности воздействия с заданным риском в *одном* СМИ, *уменьшается*. Отсюда следует, что риск недостижения эффективного числа контактов в *одном* СМИ *уменьшается с ростом числа СМИ* при *одинаковом* числе размещений рекламы в каждом из них.

Оптимизация размещения по эффективному охвату. Эффективный охват аудитории вычисляется по формуле

$$G_{\text{эф}} = \sum_{f=1}^{f_{\text{max}}} E(f) g(f), \quad (15)$$

аналогичной формуле (7), здесь $E(f)$ – функция эффективности контактов, $g(f)$ – спектр охвата L СМИ. Зная эффективный охват $G_{эф}$, можно осуществить *оптимизацию* размещения рекламы по следующей методике: оптимальным является такое размещение, которое обеспечивает заданный охват $G_{эф} = \text{const}$ при минимальном рекламном бюджете ($v \text{ т}$) $\Rightarrow \min$, или максимальный эффективный охват $G_{эф} \Rightarrow \text{max}$ при заданном бюджете $vt = \text{const}$.

Мультимедийный охват и учет синергии контактов. С помощью формул для спектра охвата L СМИ и эффективного охвата (15) можно вычислить эффективный мультимедийный охват с индивидуальной величиной эффективных частот для СМИ разных типов. Приведем схему такого вычисления для СМИ трех типов – ТВ, радио и прессы (варианты с большим количеством типов СМИ рассматриваются аналогично). Вначале нужно вычислить индивидуальные спектры $g(f)$ охвата для СМИ каждого типа. Затем эти спектры нужно подставить в формулу (15) и вычислить эффективные охваты $G_{эф}$ и моно-медийные спектры охватов $g_{эф}(f) = E(f) g(f)$ с учетом индивидуальных эффективных частот контактов. Затем эффективные мономедийные спектры охвата необходимо вновь подставить в формулу для спектра $g(f)$ охвата, с помощью которой вычисляется эффективный мультимедийный спектр. Суммируя этот спектр по частотам контактов, получим эффективный мультимедийный охват. Приведенный выше алгоритм вычисления эффективного мультимедийного спектра охвата позволяет моделировать синергетические эффекты, связанные с возможностью усиления эффективности мультимедийного воздействия. Моделирование осуществляется при вычислении мультимедийных сверток $g_{ТВ P}(f)$, $g_{ТВ П}(f)$, $g_{РП}(f)$ и $g_{ТВ P П}(f)$, в процессе которого используются данные о взаимодействии рекламных контактов разных типов, полученные в рекламных исследованиях.

Доля рекламного голоса S – это количественная характеристика рекламного присутствия фирмы в информационном пространстве. Обычно доля голоса S определяется как доля рекламных контактов или как доля затрат на размещение рекламы в СМИ. Однако во многих случаях эти определения приводят к весьма существенным погрешностям в вычислениях. Обобщение указанных выше методов оценки доли голоса основывается на усреднении относительных частот рекламных воздействий разных фирм для каждой части аудитории, имевшей определенное число контактов со СМИ. Усреднение осуществляется с помощью весовых функций, в качестве которых используются спектры охвата с учетом параметров эффективности. Для вычисления доли голоса фирмы 1 нужно рассмотреть все пересечения охватов фирмы 1 с охватами всех остальных фирм и выделить долю голоса фирмы 1. Для этого нужно представить охваты совместного воздействия как сумму охватов со всеми возможными числами контактов, используя представление охватов фирм через их спектры. Поскольку доля голоса фирмы 1 пропорциональна относительной частоте контактов с рекламой фирмы 1, она находится как сумма всех относительных частот с весовыми коэффициентами, равными произведениям соответствующих элементов спектра. Доля голоса является функцией параметров СМИ, используемых для размещения рекламы (рейтинги, предельные охваты, параметры эффективности и др.), а также числа размещений рекламы в каждом СМИ. Это обстоятельство позволяет использовать ее для корректной оптимизации размещения рекламы, осуществляемой с помощью численных методов. Разработанные методики вычисления доли голоса позволяют решать задачи оценки экономической эффективности рекламы, поскольку предоставляют возможность оценивать эффективность рекламы по схеме: деньги (рекламный бюджет) – рекламные контакты (TRP) – коммуникативный эффект (G) – когнитивный эффект ($G_{эф}$, S) – экономический эффект (I , P , ROI, Rent), см. далее.

Оценка экономической эффективности рекламы. Для оценки экономической эффективности планируемой рекламы необходимо сформулировать количественную модель, связывающую экономические и коммуникативные характеристики. В качестве экономических характеристик наиболее востребованными являются финансовые показатели: объемы продаж в денежном выражении, доход и прибыль, обусловленные воздействием рекламы. В качестве коммуникативных характеристик целесообразно использовать эффективный охват $G_{эф}$ и долю рекламного голоса S . Оценка экономической эффективности рекламы проводится для каждого сегмента рынка (новые, непостоянные, лояльные и др. потребители) согласно изложенной ниже модели. При этом каждый из сегментов рынка характеризуется набором измеряемых параметров – объемом, вероятностью отказа от по-

купки и др. Прогнозирование дохода I и прибыли P , обусловленных воздействием рекламы, основывается на зависимости *продаж* от *доли рекламного голоса*, установленной на практике. Определим прибыль как разницу между доходом I и затратами V на размещение рекламы: $P = I - V$. Величина дохода равна произведению стоимости одного платежа q потребителя, числа платежей n потребителя за рассматриваемый период и числа потребителей N , привлеченных рекламой: $I = q n N$. Число потребителей N определяется в результате перераспределения рекламного рынка D между фирмами-конкурентами пропорционально доле голоса S фирмы: $N = D S(m_j)$. В этом случае доход I и прибыль P можно представить в виде функций числа размещений рекламы m_j , стоимости одного размещения v_j и др. параметров:

$$I = q n D S(m_1, m_2, \dots, m_L), \quad P = I - V, \quad V = \sum_{j=1}^L m_j v_j. \quad (16)$$

D – объем рекламного рынка за K периодов (месяцев), известный по результатам исследований или из опыта; S – доля рекламного голоса, вычисленная согласно описанной выше процедуре; n – мультипликатор дохода, который равен среднему числу платежей потребителя за рассматриваемый период времени с учетом *дисконтирования* и *оттока* потребителей; V – рекламный бюджет, величина которого либо задана, либо находится в результате оптимизации размещения рекламы в соответствии с выбранным критерием эффективности. Мультипликатор дохода n вычисляется методами финансовой математики как величина усредненного денежного потока, генерируемого потребителями, привлеченными рекламой, с учетом дисконтирования и потери клиентов.

Таким образом, формулы (16) позволяют оценить доход I и прибыль P , которые могут быть получены в результате воздействия рекламы. Задачи *оптимизации* рекламного бюджета решаются методами *математической экономики* в результате максимизации этих целевых функций при определенных ограничениях на параметры функций или без этих ограничений.

Используя соотношения (16), можно вычислять такие показатели экономической эффективности, как *текущую рентабельность* j -го СМИ $Rent_j$; *возврат инвестиций* ROI (Return of Investments) – отношение *дохода* к затратам; *рентабельность инвестиций* $Rent$ – отношение *прибыли* к величине затрат; *эффективность по прибыли* E – отношение *прироста прибыли* к затратам:

$$Rent_j = \partial P / \partial(m_j v_j); \quad ROI = I / V; \quad Rent = (I - V) / V; \quad E = (P_2 - P_1) / V, \quad (17)$$

где P_1 и P_2 – прибыль *до* и *после* рекламной кампании. Экономическая эффективность размещения рекламы оценивается с помощью показателей эффективности (17), соотношений (16) и процедуры оптимизации. Показатель $Rent_j$ оценивает рентабельность *текущего* размещения рекламы в j -м СМИ и используется в численных алгоритмах оптимизации; показатели ROI и $Rent$ целесообразно использовать для оценки эффективности рекламы, направленной на привлечение *непостоянных* или *новых* потребителей, а показатель E – для оценки эффективности рекламы, направленной на *лояльных* потребителей.

Компьютерные программы по медиапланированию. Для практического использования экономико-математической теории медиапланирования разработаны компьютерные программы, в которых реализована возможность оптимизации размещения рекламы и рекламного бюджета в соответствии с различными критериями эффективности: по доле рекламного голоса, прогнозируемой от рекламы прибыли, мультимедийному эффективному охвату с возможностью учитывать индивидуальные эффективные частоты контактов СМИ разных типов [1. С. 381]. Эти компьютерные программы имеют ряд новых возможностей, в частности возможность оценки эффективного мультимедийного охвата, доли рекламного голоса, учета дисконтированных денежных потоков, генерируемых рекламой, и др. Для работы с программами необходимы данные медиа- и маркетинговых исследований.

Литература

1. Шматов Г. А. Теория медиапланирования: монография. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2012. – 442 с.
2. Сиссорс Дж. З., Бэрон Р. Б. Рекламное медиапланирование. – СПб. : Питер, 2004. – 412 с.
3. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров. – СПб. : Питер, 2000. – 656 с.

Раздел 2

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно- Компьютерные модели

- 2.1. Экономическая
и финансовая политика России
- 2.2. Разработка оптимальных процедур
управления в экономических моделях
- 2.3. Информационно-аналитическое
моделирование прикладных задач экономики
- 2.4. Роль и место информационных технологий
в экономике и управлении современного
общества: теория, практика, образование

Экономическая и финансовая политика России. Разработка оптимальных процедур управления в экономических моделях

Основные темы направлений научных исследований – это «Экономическая и финансовая политика России». (Руководитель: декан факультета бизнеса и управления, заведующий кафедрой финансов и кредита, доктор экономических наук, доцент С. А. Мицек) и «Разработка оптимальных процедур управления в экономических моделях» (Руководитель: заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга, кандидат экономических наук, доцент Е. Б. Мицек).

Главные проблемы – макроэкономическое моделирование, эконометрические модели, исследование экономического роста, экологические исследования, корпоративное управление, финансы и менеджмент. Результаты исследований ученых факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета неоднократно докладывались на международных научных конференциях и симпозиумах Международного института прикладного системного анализа (IIASA), Международного проекта DEGIT, Австрийского института экономического анализа (WIFO), Международной федерации по оптимальному управлению (IFAC) и других.

Ученые:

д-р экон. наук С. А. Мицек;
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев;
д-р экон. наук Е. Б. Мицек;
канд. физ.-мат. наук А. А. Успенский;
канд. физ.-мат. наук А. Я. Овсянников;
канд. техн. наук А. А. Мещгер;
канд. экон. наук Е. А. Разумовская.

Информационно-аналитическое моделирование прикладных задач экономики

Переход к информационному обществу как доминирующему типу социальной организации на современном этапе развития мировой цивилизации обуславливает революционные изменения в характере и направлениях развития экономических, политических, культурных и социальных взаимосвязей между людьми, регионами, странами. Ключевым драйвером происходящих изменений является информатизация, понимаемая как глобальный процесс разработки и широкого использования информационных ресурсов и технологий во всех сферах жизни общества. Экономика в значительной степени испытывает на себе влияние информатизации, связанное с превращением информации в ключевой экономической ресурс, а сферы производства и переработки информации – в ведущий сектор экономики. В условиях глобальной информатизации формируется потребность в информационно-аналитической деятельности как новой методологии принятия управленческих решений, основанной на использовании информационно-аналитических технологий и инструментов моделирования экономических задач различного уровня сложности.

Руководитель:

канд. экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова.

Роль и место информационных технологий в экономике и управлении современного общества: теория, практика, образование

В современном мире возрастает роль и значение информационных технологий как нового ресурса развития общества. Информационные технологии не только радикально трансформируют структуру экономики, но и меняют парадигму управления, которая в условиях глобальной информатизации должна опираться на широкую аналитическую базу и коммуникации как основу взаимодействий экономических субъектов различных уровней (потребителей, производителей, посредников, государства и т. д.).

Одним из важнейших условий перехода к информационной экономике является перестройка системы образования. Информационное общество предъявляет принципиально новые требования к выпускникам образовательных учреждений всех уровней и, как следствие, создает предпосылки для модернизации всей системы образования в целом.

Руководитель:

декан ф-та компьютерных технологий, завкафедрой информационных технологий,
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов.

УДК 330.101.541(075.8)

Мицек Сергей Александрович

д-р экон. наук, декан факультета бизнеса
и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Sergey A. Mitsek

Doctor of Economics,
Dean of Business and Management Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

Мицек Елена Борисовна

д-р экон. наук, завкафедрой менеджмента
и маркетинга ф-та бизнеса и управления
Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Elena B. Mitsek

Doctor of Economics,
Head of Management and Marketing Chair,
Business and Management Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ**

**MACROECONOMIC DYNAMICS
ECONOMETRIC MODEL
OF RUSSIAN ECONOMY**

Аннотация

Рассмотрена эконометрическая модель макроэкономической динамики России. На основе квартальных данных за 1995–2011 года оценены параметры уравнений модели обыкновенным методом наименьших квадратов, поскольку модель является полностью рекурсивной. С помощью оцененных параметров были получены мультипликаторы экзогенных переменных, а также прогнозные варианты развития экономики России при различных сценариях динамики экспортных и импортных цен и фискальной и денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: эконометрическая модель; оценки параметров; макроэкономическая динамика; мультипликаторы экзогенных переменных; денежно-кредитная политика; фискальная политика.

Abstract

We consider an econometric model of macroeconomic dynamics of Russian economy. Based on quarterly data for the years 1995–2011 we estimated parameters of the model equations by means of ordinary least squares method since the model is fully recursive. With the help of the estimated parameters multipliers of exogenous variables were obtained, as well as different forecast variants for the Russian economy under different scenarios of the dynamics of export and import prices, and fiscal and monetary policy.

Keywords: econometric model; parameter estimates; macroeconomic dynamics; multiples of exogenous variables; monetary policy; fiscal policy.

1. Общее описание модели

В настоящей статье рассмотрена эконометрическая модель, целью построения которой является анализ и прогнозирование динамики основных макроэкономических переменных Российской Федерации. Она является развитием нашей предыдущей модели, описанной в работах [4] и [5].

Модель состоит из 29 соотношений (16 уравнений и 13 тождеств), которые описывают взаимосвязи между 41 переменной (не считая фиктивных и вспомогательных переменных). Из них 12 переменных являются экзогенными, а 30 переменных – эндогенными. Сводка переменных модели представлена в таблице 1.

Читатель, знакомый с предыдущей версией нашей модели, заметит, что в настоящем ее варианте, во-первых, добавлены новые экзогенные переменные: это цены импорта, входящие прямые иностранные инвестиции, счет капитала, курс доллара и чистый экспорт. Во-вторых, изменена спецификация большинства уравнений, нацеленная в основном на сокращение числа эндогенных переменных. При этом число лагов экзогенных и эндогенных переменных было увеличено. Подробнее об этом рассказано ниже в тексте.

В-третьих, у нас была возможность оценить параметры уравнений модели на новых данных. Поскольку предыдущая выборка заканчивалась 4-м кварталом 2009 года, а ны-

нешняя 3-м кварталом 2011 года, мы имели дополнительные 7 точек наблюдения. В-четвертых, показатель инвестиций в основной капитал заменен близким к нему показателем валового накопления основного капитала, взятым из таблиц национальных счетов, так как по нему имеется более подробная статистика. В-пятых, в регрессионных уравнениях используется показатель предельного дохода на капитал, очищенный от косвенных налогов и от налога на прибыль. В-шестых, в уравнении производственной функции отражен фактор совокупного спроса, а переменная индекса экспортных цен заменена их соотношением с индексом цен импорта. В седьмых, уравнения 6, 10, 13, 17–22, 25–26 и 28–29 оценивались в первых разностях. Это делалось с целью осуществления оценки параметров на основе стационарных динамических рядов.

Таблица 1

Сводка переменных модели

	Обозначение	Переменная	Единицы измерения
Экзогенные переменные			
1	N	Численность экономически активного населения в возрасте 15–72	Млн чел.
2	PEXP	Индекс экспортных цен РФ (по статистике национальных счетов), 1 квартал 1995 г. = 1,000	б/р
3	PIM	Индекс импортных цен РФ (по статистике национальных счетов), 1 квартал 1995 г. = 1,000	б/р
4	M	Денежная масса M2 в национальном определении на конец квартала	Млрд руб.
5	INTAX	Выплаченные налоги на импорт и производство в РФ (по статистике национальных счетов) за квартал	Млрд руб.
6	PTAX	Выплаченный налог на прибыль за квартал	Млрд руб.
7	BASC	Бивалютная «корзинка» с весами: американский доллар 0,55, а евро – 0,45	Руб.
8	DOLLAR	Курс доллара	Руб.
9	G	Государственные закупки товаров и услуг ¹	Млрд руб.
10	NX	Чистый экспорт	Млрд руб.
11	FDI	Прямые иностранные инвестиции в Россию	Млн долл.
12	CAP	Счет капитала и финансовых инструментов платежного баланса	Млн долл.
Эндогенные переменные			
13	K	Основные фонды Российской Федерации по полной учетной стоимости	Млрд руб.
14	I	Валовое накопление основного капитала в Российской Федерации, за квартал, в текущих ценах	Млрд руб.
15	L	Численность занятых в экономике РФ в среднем за квартал	Млн чел.
16	SW	Доля валовой зарплаты в ВВП	б/р
17	Q	Валовой внутренний продукт РФ в ценах 1995 г. за квартал	Млрд руб.
18	AD	Совокупный спрос	Млрд руб.
19	P	Индекс-дефлятор ВВП, 1-й квартал 1995 г. = 1,000	б/р
20	PQ	Валовой внутренний продукт РФ в текущих ценах за квартал	Млрд руб.
21	W	Валовая зарплата на 1 занятого по статистике национальных счетов за квартал	Тыс. руб.
22	WL	Валовая зарплата в экономике РФ (по статистике национальных счетов) за квартал	Млрд руб.
23	C	Потребление домашних хозяйств за квартал, в текущих ценах	Млрд руб.
24	MRK	Предельный доход от основных фондов в годовом исчислении	Руб./руб.
25	NMRK	Предельный доход от основных фондов в годовом исчислении, скорректированный на долю чистых налогов на импорт и производство и налога на прибыль в ВВП	Руб./руб.
26	MRL	Предельный доход от труда в квартальном исчислении	Тыс. руб./чел.

¹ Величина, которая в системе национальных счетов официально называется «расходы на конечное потребление сектора государственного управления».

27	ROK	Валовая прибыль в экономике РФ (по статистике национальных счетов) за квартал, в текущих ценах	Млрд руб.
28	NROK	Валовая прибыль за вычетом уплаченного налога на прибыль за квартал, в текущих ценах	Млрд руб.
29	IO	Инвестиции за счет собственных средств, в текущих ценах	Млрд руб.
30	IG	Инвестиции за счет консолидированного бюджета в экономике РФ за квартал, в текущих ценах	Млрд руб.
31	DEPRP	Рублевые депозиты населения	Млн руб.
32	DEPVP	Валютные депозиты населения	Млн руб.
33	DEPRF	Рублевые депозиты организаций	Млн руб.
34	DEPVF	Валютные депозиты организаций	Млн руб.
35	DEPR	Все рублевые депозиты	Млн руб.
36	DEPV	Все валютные депозиты	Млн руб.
37	CR	Рублевые кредиты организациям	Млн руб.
38	CV	Валютные кредиты организациям	Млн руб.
39	CT	Совокупные (в рублях и в валюте) кредиты организациям	Млн руб.
40	IB	Инвестиции за счет банковских кредитов за квартал, в текущих ценах	Млрд руб.
41	CPI	Индекс потребительских цен, 1-й квартал 1995 = 1,000	б/р
Вспомогательные переменные			
	T	Временной тренд	б/р
	D08_2	Фиктивная переменная, 1, начиная с 2-го квартала 2008 г., и 0 до этого	б/р
	D08_Q2	Фиктивная переменная, 1, во 2 и 4-м кварталах 2008 г., и 0 в остальных точках	б/р
	D08_4	Фиктивная переменная, 1, начиная с 4-го квартала 2008 г., и 0 до этого	б/р
	D08_11	Фиктивная переменная, 1, начиная с 4-го квартала 2008 г. и вплоть до 1-го квартала 2011 года, и 0 до и после этого интервала	
	D09	Фиктивная переменная, 1, за 2009 г., и 0 до и после этого	б/р
	D10_1	Фиктивная переменная, 1, начиная с 1-го квартала 2010 г., и 0 до этого	б/р
	D10_2	Фиктивная переменная, 1, начиная со 2-го квартала 2010 г., и 0 до этого	б/р
Символы			
	(-k)	Лаг порядка k	
	ln	Знак натурального логарифма	
	X	Знак умножения	
	/	Знак деления	

2. Методы оценивания параметров модели

Модель является полностью рекурсивной (fully recursive)², и потому параметры ее уравнений оценивались обыкновенным методом наименьших квадратов (ОМНК). Все уравнения свободны от автокорреляции, что проверялось с помощью теста Бреуш – Годфри. Все уравнения проверялись на стабильность параметров с помощью теста Чоу (Chow breakpoint test). Все динамические ряды, на основании которых оценивались параметры модели, являются стационарными, что подтверждено тестами Дики – Фуллера.

3. Данные

Модель была оценена на основе квартальных данных за период 1-й квартал 1995 года – 3-й квартал 2011 года, т. е. по 67 точкам наблюдения. Все прочие вычисления, если не

² Определение полностью рекурсивной модели см., например, в работе [8. Р. 372]. В работе [9. Р. 316–317] показано, что на практике во многих работах OLS применяется при оценивании систем одновременных уравнений, даже тех, форма которых не является полностью рекурсивной. Дело в том, что при малых выборках OLS дает меньшие стандартные ошибки параметров, чем формально состоятельные методы оценивания (2SLS, 3SLS, FIML, LIML и прочие).

оговорено иное, также относятся именно к этому временному промежутку. В дальнейшем он будет называться просто «период».

Источниками данных для такого оценивания послужили сайты [1], [3], [7].

4. Вычислительные средства

Оценивание модели осуществлялось с помощью эконометрического пакета EViews4.

5. Оценки параметров модели

Сводка оцененных уравнений модели приводится в таблице 2.

Таблица 2

Уравнения и тождества модели

№	Уравнение	R ²	DW	F
1	$K/P(-1) = 0,566K(-1)/P(-2) + 3,451(I/P)(-8) + 1114,5 + 120,9D09$ (0,030)** (0,507)** (97,1)** (46,8)*	0,913	1,530	158,0
2	$L = 0,192L(-1) - 0,279L(-3) + 0,263L(-4) + 0,588N(-1) + 0,0234Q(-1) -$ (0,089)* (0,075)** (0,0073)** (0,155)** (0,0043)** $- 0,025Q(-5) + 0,016Q(-7) - 0,007Q(-8) + 8,82SW(-2) - 13,51SW(-4) + 11,4$ (0,003)** (0,0029)** (0,0028)* (3,60)* (2,92)** (10,0)	0,979	1,532	193,9
3	$\ln(Q/L) = 0,1865\ln(K/L) + 0,0446(PEXP/PIM) + 0,568\ln(Q/L)(-1) -$ (0,027)** (0,0135)** (0,070)** $- 0,453\ln(Q/L)(-2) + 0,618\ln(Q/L)(-4) - 0,502\ln(Q/L)(-5) +$ (0,065)** (0,047)** (0,067)** $+ 0,000418(AD/P)(-2) - 0,065D08_4 + 0,148$ (0,000145)** (0,011)** (0,074)	0,993	2,157	1033,4
4	$AD = C + I + G + NX$			
5	$P = P(-1) + 0,001088(C(-2) - C(-3)) + 0,00267(INTAX - INTAX(-1))$ (0,000207)** (0,000197)** $+ 0,004895(Q(-1) - Q(-2)) + 0,247(M/Q - (M/Q)(-1)) +$ (0,000797)** (0,030)** $+ 0,228(PIM - PIM(-1)) - 0,206D10_2 + 0,060$ (0,076)** (0,098)* (0,036)	0,921	2,430	97,5
6	$PQ = P \times Q$			
7	$MRK = 0,1865(4PQ)/K$			
8	$NMRK = MRK(1 - (PTAX + INTAX)/PQ)$			
9	$MRL = (1 - 0,1865)(PQ)/L$			
10	$W = W(-1) + 0,233(MRL - MRL(-1)) + 0,145(MRL(-1) - MRL(-2)) -$ (0,025)** (0,038)** $- 0,287(W(-1) - W(-2)) + 0,514(W(-4) - W(-5)) + 0,0015(I(-1) - I(-2)) +$ (0,108)* (0,071)** (0,000537)** $+ 0,0034(I(-2) - I(-3)) + 0,0015(I(-3) - I(-4)) + 0,087$ (0,00043)** (0,00046)** (0,13)	0,905	2,038	74,0
11	$WL = W \times L$			
12	$SW = WL/PQ$			
13	$C = C(-1) + 0,115(PQ - PQ(-2)) - 0,092(PQ(-3) - PQ(-4)) + 0,112(PQ(-4) -$ (0,019)** (0,015)** (0,020)** $- PQ(-5)) + 72,1(PEXP(-1) - PEXP(-2)) - 42,1(PIM(-2) - PIM(-3)) +$ (9,24)** (15,3)** $+ 18,8(W - W(-1)) + 1,3T - 7,9$ (5,67)** (0,45)** (14,5)	0,963	2,071	202,6
14	$ROK = PQ - WL - INTAX$			
15	$NROK = ROK - PTAX$			
16	$IO = IO(-1) - 0,307(IO(-1) - IO(-2)) + 0,856(IO(-4) - IO(-5)) +$ (0,050)** (0,060)** $+ 2,709(NMRK \times NROK - (NMRK \times NROK)(-1)) +$ (0,328)** $+ 2,230((NMRK \times NROK(-1) - (NMRK \times NROK)(-2)) -$	0,987	2,324	570,1

	(0,356)** - 2,159((NMRK× NROK(-4) - (NMRK× NROK)(-5) + (0,345)** + 0,0025(CAP - CAP(-1)) + 68,3D10_1 - 2,2 (0,0011)* (18,6)* (5,8)			
17	IG = IG(-1) + 0,724(IG(-4) - IG(-5)) - 0,208(IG(-5) - IG(-6)) (0,060)** (0,051)** - 0,369(IG(-6) - IG(-7)) - 0,442(IG(-7) - IG(-8)) + 0,001719(FDI(-3) - (0,079)** (0,106)** (0,000512)** - FDI(-4)) - 19,71(PEXP - PEXP(-1)) - 10,65(PEXP(-4) - PEXP(-5)) + (3,91)** (3,43)** + 17,95(PIM - PIM(-1)) + 0,057(PQ - G) + 0,044(PQ - G)(-7) + 0,2 (5,89)** (0,0085)** (0,012)** (2,9)	0,993	2,193	636,5
18	DEPRP = DEPRP(-1) + 0,416(DEPRP(-1) - DEPRP(-2)) + 0,383(DEPRP(-3) - (0,081)** (0,097)** - DEPRP(-4)) - 43589(BASC - BASC(-1)) - 370461(PIM - PIM(-1)) - (13615)** (48730)** - 283472(PIM(-2) - PIM(-3)) + 187709(PIM(-4) - PIM(-5)) + 52178(W(-1) - (51835)** (55632)** (9935)** - W(-2)) - 70211(W(-2) - W(-3)) + 43060(W(-3) - W(-4)) + 136177D08_11 + (12754)** (10580)** (40192)** + 22278 (35945)	0,897	0,990,203	28,40
19	DEPRF = DEPRF(-1) - 0,505(DEPRF(-1) - DEPRF(-2)) - (0,057)** - 0,506(DEPRF(-2) - DEPRF(-3)) - 0,273(DEPRF(-3) - DEPRF(-4)) - (0,065)** (0,087)** - 0,295(DEPRF(-4) - DEPRF(-5)) + 46308(BASC - BASC(-1)) - (0,071)** (6231)** - 16367(BASC(-1) - BASC(-2)) + 44379(BASC(-4) - BASC(-5)) - (8742) (7402)** - 58085(PEXP - PEXP(-1)) - 61205(PEXP(-1) - PEXP(-2)) - (11585)** (17244)** - 82244(PEXP(-2) - PEXP(-3)) - 109477(PEXP(-3) - PEXP(-4)) - (17050)** (19994)** - 146398(PEXP(-4) - PEXP(-5)) + 111621(PIM(-3) - PIM(-4)) + (19323)** (33259)** + 392815(PIM(-4) - PIM(-5)) + 524,3(PQ(-1) - PQ(-2)) + (32733)** (31,8)** + 488,7(PQ(-3) - PQ(-4)) + 933,7(PQ(-4) - PQ(-5)) + (42,0)** (89,9)** + 508,1(ROK(-2) - ROK(-3)) - 442,7(ROK(-4) - ROK(-5)) + (51,7)** (91,4)** + 2649714MRK(-6) - 25767(DOLLAR(-2) - DOLLAR(-3)) + (1174954)* (12669)* + 91324D08_2 - 472027 (25045)** (91660)**	0,991	1,264	86,7
20	DEPVP = DEPVP(-1) - 0,408(DEPVP(-2) - DEPVP(-3)) + (0,051)** + 97418(PIM - PIM(-1)) + 110423(PIM(-1) - PIM(-2)) + (12921)** (12401)** + 102855(PIM(-2) - PIM(-3)) + 127074(PIM(-3) - PIM(-4)) - (15550)** (14319)** - 17221(W(-4) - W(-5)) + 167082W/P - 0,356(DEPRP - DEPRP(-1)) (3850)** (13493)** (0,026)** - 0,079(DEPRP(-3) - DEPRP(-4)) - 2,83(CAP - CAP(-1)) + (0,025)** (0,75)** + 2,86(CAP(-1) - CAP(-2)) - 42059D08_Q2 - 306564 (0,886) (21177)* (29774)**	0,983	1,980	138,1
21	DEPVF = DEPVF(-1) + 30356(BASC - BASC(-1)) - 94682(PEXP(-1) - (8193)** (12862)** - PEXP(-2)) + 102525(PIM(-3) - PIM(-4)) + 77,59(PQ(-3) - PQ(-4)) +	0,811	2,281	24,4

1859,0

	(32866)** + 137,9(PQ(-4) - PQ(-5)) + 3301(ROK/P)(-1) - 424172 (642,4)** (87748)**			
22	DEPR = DEPRP + DEPRF			
23	DEPV = DEPVP + DEPVF			
24	CR = CR(-1) + 0,364(DEPR - DEPR(-1)) + 0,268(DEPR(-2) - DEPR(-3)) + (0,039)** (0,044)** + 0,164(DEPR(-4) - DEPR(-5)) + 0,344(DEPV - DEPV(-1)) + (0,043)** (0,091)** + 202,1(PQ - PQ(-1)) + 253,5(PQ(-2) - PQ(-3)) - 62464(PEXP(-2) - (27,4)** (28,8)** (16357)** - PEXP(-3)) + 88281(PIM - PIM(-1)) + 216855(PIM(-2) - PIM(-3)) + (33172)* (48537)** + 5,98(CAP(-3) - CAP(-4)) - 218948D08_4 - 40216 (2,99)* (29403)** (23042)	0,937	1,883	39,6
25	CV = CV(-1) - 0,674(CV(-3) - CV(-4)) + 0,158(DEPR(-1) - DEPR(-2)) + (0,106)** (0,031)** + 0,398(DEPR(-3) - DEPR(-4)) + 0,413(DEPV - DEPV(-1)) + (0,032)** (0,058)** + 0,487(DEPV(-3) - DEPV(-4)) + 34032(PEXP(-1) - PEXP(-2)) + (0,065)** (11288)** + 31085(PEXP(-2) - PEXP(-3)) + 32150(PEXP(-3) - PEXP(-4)) - (7211)** (11023)** - 129001(PIM - PIM(-1)) + 130092(PIM(-4) - PIM(-5)) - (27630)** (29183)** - 148,2(PQ - PQ(-1)) - 147,5(PQ(-2) - PQ(-3)) + 5,76(CAP(-4) - (26,6)** (28,0)** (2,26)* - CAP(-5)) + 29549(DOLLAR(-1) - DOLLAR(-2)) - 220535D08_4 + 35981 (9104)** (20621)** (11205)**	0,963	2,304	43,7
26	CT = CR + CV			
27	IB = IB(-1) - 0,723(IB(-1) - IB(-2)) - 0,503(IB(-2) - IB(-3)) - (0,046)** (0,041)** - 0,961(IB(-3) - IB(-4)) + 0,396(NMRK × CT - (NMRK × CT)(-1)) + (0,077)** (0,051)** + 0,579((NMRK × CT)(-1) - (NMRK × CT)(-2)) + 0,321((NMRK × CT)(-3) - (0,059)** (0,088)** - (NMRK × CT)(-4)) - 0,507((NMRK × CT)(-6) - (NMRK × CT)(-7)) + (0,067)** + 0,267((NMRK × CT)(-7) - (NMRK × CT)(-8)) + (0,060)** + 0,002296(CAP - CAP(-1)) - 0,001211(CAP(-3) - CAP(-4)) + (0,000369)** (0,000347)** + 0,001716(CAP(-4) - CAP(-5)) + 0,002113(FDI - FDI(-1)) + (0,000456)** (0,00041)** + 0,00096(FDI(-1) - FDI(-2)) - 26,7D08_4 + 5,6 (0,000382)* (4,56)** (2,60)*	0,995	1,871	417,3
28	CPI = CPI(-1) - 0,382(CPI(-2) - CPI(-3)) + 0,754(CPI(-4) - CPI(-5)) + (0,075)** (0,072)** + 0,170(PEXP(-1) - PEXP(-2)) + 0,297(PIM - PIM(-1)) + 0,072(W - W(-1)) - (0,035)** (0,062)** (0,0208)** - 0,000708(INTAX(-1) - INTAX(-2)) - 0,000503(INTAX(-3) - INTAX(-4)) + 0,042 (0,000223)** (0,000201)* (0,049)	0,993	1,890	1092,1
29	I = 1,015(IO + IG + IB)			

Примечания. В скобках даны стандартные ошибки параметров.

* – значим при 95%-ном уровне.

** – значим при 99%-ном уровне.

F – статистика Фишера.

R² – коэффициент детерминации.

DW – коэффициент Дарбина-Уотсона.

6. Описание уравнений модели

Поясним теперь особенности каждого уравнения в отдельности.

Уравнение 1 – отражает зависимость величины основных фондов в данный момент времени от их предшествующего значения и от валового накопления основного капитала в восьмом лаге. Далее ради сокращения места будем называть валовое накопление основного капитала просто «инвестициями».

Обратим внимание, во-первых, что значение основных фондов и инвестиций дефлированы по дефлятору ВВП. Это сделано для того, чтобы оценивать параметры уравнения по стационарным динамическим рядам. Во-вторых, следует отметить, что, в отличие от инвестиций, значения основных фондов дефлированы по *лаговому* значению дефлятора ВВП с тем, чтобы избежать проблемы эндогенности.

Подчеркнем, что рост зависимой переменной – основных фондов, дефлированных по дефлятору ВВП, начался лишь в 2000 году, и за период 2000–2011 годов она выросли лишь на 21 %. Иными словами, их рост в реальном исчислении составил менее 2 % в год.

Уравнение 1 дает возможность оценить эластичность основных фондов по *годовому* объему инвестиций. Эта величина выросла с примерно 0,1 до почти 0,4 за рассматриваемый период, что дает основание надеяться на ускорение роста основных фондов в ближайшей перспективе. А это, в свою очередь, будет способствовать экономическому росту России. Причина такой тенденции состоит в росте реновации основных фондов с 0,03 в начале периода до примерно 0,1 в его конце. Тем не менее, после 2008 года темпы реновации основных фондов резко снизились.

В качестве позитивного фактора следует учесть и тот факт, что за период с 1995–97 годов по период 2009–2011 годов ускоренными темпами росли инвестиции в такие отрасли, как транспорт (в первую очередь сухопутный и воздушный) и связь, использование вычислительной техники, а также исследования и разработки.

Уравнение 2 показывает движение занятых в экономике. Эта переменная зависит положительно от численности экономически активного населения и лаговых значений ВВП, но отрицательно от доли зарплаты в ВВП.

Численность экономически активного населения определяется в значительной степени демографическими факторами, а сама эта переменная представляет собой фактор предложения труда. Эластичность численности занятых по численности экономически активного населения постепенно снижалась на протяжении периода с 0,7 до 0,6. Причина в стабилизации численности экономически активного населения, начиная с 2008 года, вызвана, скорее всего, демографическими факторами (в первую очередь – сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, которое началось в 2007 году), а также значительным ростом числа студентов вузов (число студентов стало сокращаться с 2010 года также, скорее всего, по демографическим причинам).

Согласно демографическому прогнозу (см. сайт [7]), численность населения России в трудоспособном возрасте будет сокращаться в ближайшие двадцать лет. Таким образом, Россия, весь послевоенный период жившая в условиях растущего предложения трудовых ресурсов, должна перестраивать свою экономику с учетом их сокращения в будущем. И в этом смысле трудосберегающий тип технического прогресса и замена трудовых ресурсов основными фондами становятся исключительно важными.

Лаговые значения ВВП в уравнении представляют собой *эффект масштаба* в спросе на труд. Эластичность спроса на труд по ВВП неуклонно повышалась за рассматриваемый период с 0,35 до 0,6, хотя ее величина стабилизировалась (вероятно – временно) после 2010 года. Тем не менее, подобная динамика свидетельствует о постепенном повышении эффективности труда и служит фактором, способствующим дальнейшему росту зарплаты. С другой стороны, этот фактор будет усиливать кадровый дефицит в России.

Доля валовой зарплаты в ВВП также представляет фактор спроса на труд, но, в отличие от ВВП, отражает *эффект замены*. Динамика этой величины была противоречивой. Она резко упала к концу 1998 года, но затем под влиянием экономического подъема со второй половины 2000 года начинает расти, хоть и неровно. Пик этой величины был достигнут в 2009 году на уровне почти 53 %. За последние два года эта величина несколько снизилась вследствие роста как прибылей, так и косвенных налогов.

Однако эластичность спроса на труд по величине доли валовой зарплаты в ВВП, будучи отрицательной по знаку, была весьма небольшой, увеличиваясь постепенно по модулю с 0,028 до 0,032. Следовательно, рост зарплаты не оказывал и не будет оказывать серьезного понижающего влияния на спрос на труд по причине ее пока весьма низкого уровня. Данный результат также будет способствовать дальнейшему росту зарплаты в России.

Уравнение 3 – производственная функция. Оно оценено в спецификации Кобба – Дугласа с постоянной отдачей от масштаба, но в отличие от «классической» функции здесь выпуск на 1 занятого зависит также от своих лаговых значений, соотношения экспортных и импортных цен («условий внешней торговли», “terms of trade”, как общепринятый термин) и от второго лага совокупного спроса.

Лаговые значения зависимой переменной отражают сезонные колебания в экономике России.

Такие переменные, как «условия торговли» и «совокупный спрос», иллюстрируют влияние факторов спроса на рост ВВП. Суть дела состоит в том, что при данных затратах факторов производства – основных фондов и труда – объем производства будет определяться факторами спроса, внутреннего и внешнего. При падении совокупного спроса производство и степень использования факторов производства будут сокращаться. Падение спроса, например, на 10 % не приведет к немедленному сокращению основных фондов на близкую величину. Сократится загрузка мощностей.

Использование труда, то есть занятость, гибче реагирует на падение спроса. Но и здесь мы можем ожидать меньшего, чем сокращение спроса, снижения затрат фактора производства. В странах Запада работодатель не может сократить занятость полностью в том объеме, которые диктуют ему экономические обстоятельства, будучи связанным условиями коллективного договора. В России традиции и законодательство приводят к тому, что в условиях спада работодатели предпочитают не столько увольнять работников, сколько переводить их на неполную рабочую неделю с сокращением зарплаты.

Существенность переменной, отражающей «условия торговли», показывает важность влияния *внешнего* спроса на рост производства в России. Эластичность выпуска по «условиям торговли» постоянно усиливалась на протяжении рассматриваемого периода от примерно 0,045 в его начале до более 0,1 сегодня. При этом был резкий спад этой величины в конце 2008 – начале 2009 года, вызванный падением экспортных цен, но он был достаточно быстро преодолен. За весь период индекс «условий торговли» вырос с 1 в начале 1995 года до 2,4 сегодня, что и явилось причиной, усиливающей роль внешнеэкономических факторов в динамике ВВП.

Переменная совокупного спроса отражает важность влияния *внутреннего* спроса на рост производства. О том, что она представляет собой в первую очередь именно внутренний спрос, говорит тот факт, что доля чистого экспорта в переменной AD была менее 10 % на протяжении большей части периода, постепенно снижаясь после 2000 года (в 2011 году чистый экспорт составил лишь 8,5 % ВВП). Эластичность выпуска по совокупному спросу неуклонно росла, повысившись от 0,1 до 0,19 в конце периода, хотя ее рост замедлился после 2008 года³.

Таким образом, на основе данного уравнения мы можем констатировать постепенное усиление *непосредственного* влияния факторов спроса, как внутреннего, так и внешнего, на рост производства.

Тождество 4 определяет совокупный спрос в экономике России. Среди его элементов наиболее динамичным являются инвестиции в основной капитал, их доля в переменной AD выросла с 13 % в 1999 году до примерно 20 % сегодня, что отражало позитивные тенденции в экономике России. Но рост этой доли стабилизировался, начиная с 2008 года. Доли потребления домашних хозяйств и государственных закупок остаются стабиль-

³ О том, что внутренний спрос играет все большую роль в качестве фактора, влияющего на производство, говорят индексы деловой уверенности, публикуемые регулярно на сайте Росстата. Из них следует, что для обрабатывающих производств именно внутренний спрос является главным ограничителем роста производства.

ными в последние годы: первая на уровне 50–52 %, вторая – 18–20 %. В 2011 году эти величины составили, по предварительным данным, 49 % и 17 %, соответственно⁴.

Уравнение 5 описывает зависимость дефлятора ВВП от различных переменных. Дефлятор ВВП положительно зависит как от денежной массы, так и от потребительских расходов домашних хозяйств, косвенных налогов и импортных цен. Однако зависимость данного индикатора инфляции от ВВП, т. е. от объема производства, имеет более сложный характер.

Эластичность дефлятора ВВП по величине ВВП претерпела резкие изменения: от +0,8 в начале периода до -0,4 в конце его. Это означает, что по мере роста производства фактор предложения начинает все сильнее влиять на понижение цен.

Эластичность дефлятора ВВП по денежной массе, напротив, постоянно росла от примерно 0,08 в начале периода до 0,28 в его конце. Это отражает все большее влияние монетарной политики на инфляцию в России. Иными словами, если учесть предыдущий результат, то можно сделать вывод, что если в начале периода цены в значительной степени определялись дефицитом, то сегодня – денежной массой.

Тем не менее, эластичность дефлятора ВВП по денежной массе все еще значительно меньше единицы, что свидетельствует о высоком спросе на деньги в России. Последний факт свидетельствует в пользу продолжения активной денежно-кредитной политики, она будет способствовать росту, оставляя инфляцию в приемлемых рамках.

Эластичность дефлятора по величине потребительских расходов домашних хозяйств также неуклонно увеличивалась от примерно 0,10 в начале периода до почти 0,24 сегодня, что отражает растущую роль потребительского спроса в динамике российской инфляции. Этот результат можно рассматривать как еще один аргумент в пользу усиления влияния внутреннего спроса на экономические процессы в России.

Эластичность дефлятора по величине косвенных налогов также росла, увеличившись с 0,1 в начале периода до почти 0,27 в 2008 году. Затем она резко упала, но восстановилась до уровня примерно 0,24 к 2011 году. Косвенные налоги, составляющие в России почти 60 % всех доходов консолидированного бюджета, оказывают все большее влияние на инфляцию.

В то же время эластичность дефлятора по индексу импортных цен резко снизилась: ее пик в 0,25 был достигнут в 1999 году, сейчас же ее величина равна примерно 0,06. Последнее свидетельствует в пользу ослабления влияния внешнеэкономических факторов на российскую инфляцию.

Тождество 6 определяет объем ВВП в текущих ценах, а **тождества 7, 8 и 9** определяют, соответственно, предельный доход от основного капитала, он же, очищенный от доли косвенных налогов и налога на прибыль в ВВП, и предельный доход от труда по производственной функции. Отметим, что первый рассчитывается на основе годового значения ВВП в текущих ценах, а второй – от квартального.

Поскольку величина предельного дохода от основного капитала играет важную роль в нашей модели, рассмотрим более подробно динамику этой величины.

⁴ В 2011 году российские компании активно накапливали запасы, то есть адаптировали производство к будущему спросу.

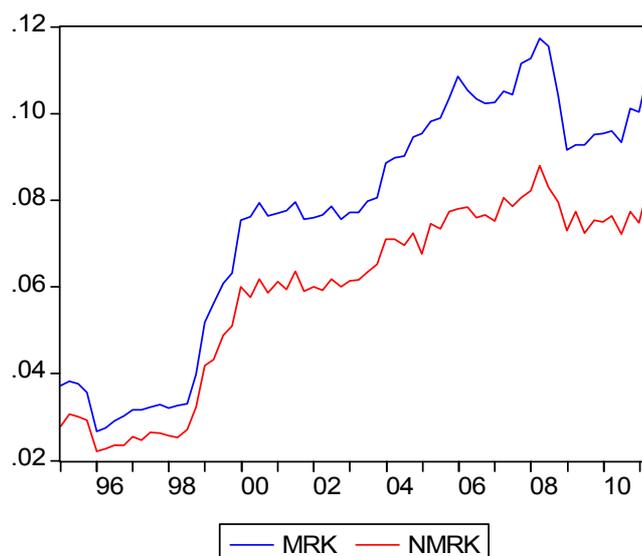

Рис. 1. Предельный и чистый предельный доход на основной капитал⁵

Мы видим, что предельный доход от основного капитала рос «рывками» в 1999–2000 гг., 2004–2006 гг. и в 2008 году, затем резко упал в 2009 году и сейчас постепенно восстанавливается. При этом за период 1996–2008 гг. он вырос более чем в 4 раза, что способствовало инвестициям. Далее, разрыв между «валовым» и «чистым» предельным доходом сегодня выше, чем он был до 2000 года, что отражает рост доли налогов в ВВП. Действительно, доля РТАХ + INTАХ, суммы налога на прибыль и косвенных налогов в ВВП повысилась с 20–22 % до 2004 года до 26–28 % в 2005–2008 годах. Затем она резко упала в период кризиса, но восстановилась до уровня 23–25 % сегодня. Отметим, что подобная динамика в большей степени характерна для косвенных налогов, доля которых в ВВП составляет сегодня 18–20 %, чем для налога на прибыль, с его долей 4–5 % ВВП.

Отметим также, что рост предельного дохода на основной капитал отчасти определялся относительно медленными темпами его реновации. При активизации инвестиционной программы его рост неизбежно замедлится.

Уравнение 10 определяет уровень средней зарплаты одного занятого в России за квартал. Подчеркнем, что этот показатель представляет собой валовую зарплату. Иными словами, эта величина, взятая из статистики национальных счетов, включает все налоги и начисления на зарплату.

⁵ Источник: [7], расчеты автора.

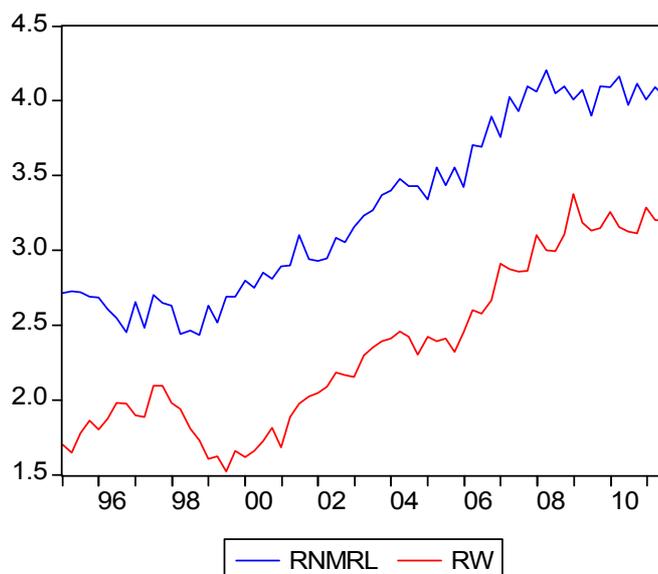

Рис. 2. Динамика предельного дохода от труда (RNMRL) и реальной зарплаты (RW), дефлятор ВВП⁶

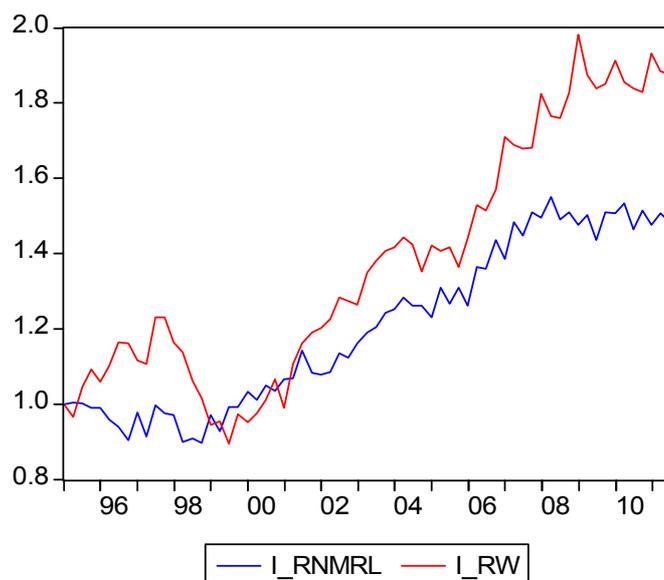

Рис. 3. Динамика индексов предельного дохода от труда и реальной зарплаты, 1 квартал 1995 = 1⁷

Главный фактор, определяющий величину средней зарплаты, – это предельный доход от труда. На рис. 2 представлены графики предельного дохода от труда, скорректированного на долю косвенных налогов в ВВП (RNMRL) и валовой зарплаты на одного работника за квартал. Оба показателя измерены в тысячах рублей и дефлированы по дефлятору ВВП.

Мы видим, что график валовой зарплаты довольно точно повторяет график скорректированного предельного дохода от труда, однако последний постоянно превышал величину зарплаты. Этот разрыв, однако, постоянно уменьшается: если в начале 2000-х он был равен 1,7–1,8, то сегодня 1,2–1,3, что свидетельствует о постепенном приведении

⁶ Источник: [7], расчеты авторов.

⁷ Источник: [7], расчеты авторов.

зарплаты в России к равновесному уровню. График индексов обеих величин, представленный на рис. 3, где 1-й квартал 1995 года принят за 1.

Рисунок 3 показывает, что валовая зарплата за весь период выросла почти в два раза в реальном исчислении (дефлятор ВВП, что отражает стоимость труда как издержек), тогда как предельный доход от труда вырос лишь в 1,5 раза. На рис. 3 видно также, что рост реальной зарплаты, в отличие от предельного дохода от труда, продолжался и после 2008 года. Эластичность валовой зарплаты по предельному доходу от труда колеблется в пределах 0,3–0,4 и постоянно снижалась, что является еще одним свидетельством недостаточного уровня оплаты труда в России. Равновесный уровень данной эластичности должен быть близок к 1. При этом относительно быстрый рост зарплаты и ослабление ее зависимости от предельного дохода от труда отрицательно влияют на рост экономики.

Уровень валовой зарплаты в уравнении 10 зависит также и от инвестиций в основной капитал. Эластичность валовой зарплаты по инвестициям постоянно росла, однако была малой по величине: от 0,05 в начале 2000-х до 0,06–0,07 сегодня.

Тождества 11 и 12 определяют, соответственно, совокупную зарплату в экономике РФ и ее долю в ВВП. Особенности динамики последней величины описаны выше.

Уравнение 13 показывает потребительскую функцию экономики РФ. Потребление домашних хозяйств зависит от номинального ВВП, а также цен экспорта и импорта и валовой зарплаты. Отметим низкую предельную склонность к потреблению в РФ. Одна из важных причин этого факта – низкая зарплата в России, составляющая более 66 % доходов ее граждан. Коэффициент Джини в России в 2009 г. составил 0,422, а коэффициент фондов 16,7, и они только растут⁸.

Рост ВВП в России в 1,8 раза к 2008 году по сравнению с 1995 г. привел к росту потребительских расходов домашних хозяйств также примерно в 1,8 раза в реальном исчислении. Эластичность потребительских расходов домашних хозяйств по ВВП не имеет четкой тенденции, и варьировала в пределах 0,08–0,09 на большей части рассматриваемого диапазона. Следует при этом учесть, что в данном уравнении присутствует валовая зарплата в качестве отдельного регрессора. Эластичность потребительских расходов по средней зарплате также не имела четкого тренда, варьируя в диапазоне 0,24–0,28.

Эластичность потребительских расходов по экспортным ценам постоянно снижалась, будучи равной почти 0,6 в 2000 году и примерно 0,2 сегодня. Данный результат надо интерпретировать так, что рост экспортных цен способствует росту доходов граждан России (и/или их потребительскому оптимизму), не всегда отражаясь прямо в величине ВВП и зарплаты. Эластичность потребительских расходов по ценам импорта была, естественно, отрицательной, но ее *модуль* также постоянно снижался с почти 0,3 в 2000 до 0,05 сегодня.

Таким образом, можно сделать вывод, что потребительские расходы в России довольно сильно зависят от цен экспорта и импорта, как отдельных факторов, но эта зависимость снижается.

Тождество 14 определяет валовую прибыль, рассчитанную по системе национальных счетов, а **тождество 15** – валовую прибыль за исключением уплаченного налога на прибыль.

Анализ данных показывает, во-первых, что валовая прибыль росла гораздо медленнее ВВП, а ее доля в ВВП снижалась вследствие роста доли валовой зарплаты и налогов на импорт и производство. Ее пик был в 1999 году, когда она достигла примерно 45 %, тогда как сегодня эта величина составляет примерно 30 %.

Далее, доля уплаченного налога на прибыль в валовой прибыли также росла. Если в конце 1990-х годов она была около 10 %, то затем, в 2006–2008 гг., составляла 18–20 %. В период кризиса она резко упала, но сегодня восстанавливается, составив 16–17 % в 2011 году.

Соответственно мы можем говорить о постепенном снижении прибыльности российского бизнеса, что должно отрицательным образом сказаться на инвестициях и экономическом росте.

Уравнение 16 описывает зависимость инвестиций за счет собственных средств, то есть амортизации и чистой прибыли. Их величина, как мы видим, зависит от валовой

⁸ Источники: сайт [7].

прибыли за исключением налога на прибыль и от предельного дохода на капитал. И это естественно, так как рост последнего повышает привлекательность инвестиций. Эластичность инвестиций из собственных средств по величине прибыли за вычетом налога на прибыль (из-за мультипликативной формы уравнения эта величина равна также эластичности по предельному доходу на капитал) постепенно снижалась от уровня 0,19 в 2005–2006 годах до 0,14–0,15 сегодня, что также является симптомом постепенного замедления экономического роста.

Главная причина этого факта состоит в медленном росте прибыли: выше уже отмечалось снижение удельного веса прибыли в ВВП. Далее, по сравнению с 1995 годом, чистая прибыль в реальном исчислении выросла примерно в 1,4 раза, т. е. гораздо меньше и ВВП, и инвестиций в основной капитал (эти величины выросли в 1,8 и 2,1 раза). Инвестиции из собственных средств росли быстрее прибыли: они выросли в 2,5 раза в реальном исчислении в период 1995–2008 годов, затем их величина упала в период кризиса 2008–2009, но полностью восстановилась сегодня. В итоге их доля в величине прибыли за вычетом налога на прибыль выросла с примерно 25 % в 1995 до 50 % сегодня. Соответственно, «разгонять» их рост в дальнейшем будет все труднее.

Другой фактор, замедляющий рост инвестиций из собственных средств, – стабилизация чистого предельного дохода на основной капитал после 2008 года, как это было показано выше.

Инвестиции из собственных средств зависят в уравнении и от состояния счета капитала России, но эта зависимость очень слаба: соответствующая эластичность не имеет четкого тренда и находится в диапазоне 0,03–0,07.

Уравнение 17 показывает зависимость инвестиций в основной капитал за счет средств консолидированного бюджета. Этот вид инвестиций зависит от разности ВВП в текущих ценах и государственных закупок товаров и услуг в текущих ценах. Логика использования данного регрессора состоит, во-первых, в том, что доходы государственного бюджета зависят от величины ВВП, а во-вторых, что государственные закупки представляют собой в первую очередь использование средств бюджета на текущие цели. Использование в качестве регрессора доходы бюджета напрямую дают худшие оценки.

Эластичность инвестиций за счет государственного бюджета по величине номинального ВВП в период 2000–2008 годов не имела четкой тенденции и колебалась в интервале 0,8–1,2. После 2009 года она резко увеличивается до уровня 1,0–1,5. Подобный результат показывает высокую чувствительность государственных инвестиций к колебаниям ВВП.

Эластичность инвестиций за счет государственного бюджета по величине государственных закупок, отрицательная по знаку, также увеличивается по модулю от -0,12 в 2000 до -0,3 сегодня.

Инвестиции за счет средств государственного бюджета в данном уравнении зависят также от прямых иностранных инвестиций в Россию, экспортных и импортных цен. Но их эластичность по прямым иностранным инвестициям мала и не имеет четкой тенденции, колеблясь в пределах от 0 до 0,1.

Государственные инвестиции отрицательно зависят от экспортных цен и положительно от цен импорта. Это имеет следующее объяснение: рост цен экспорта стимулирует частные инвестиции, рост цен импорта оказывает на них противоположное влияние. Поэтому динамика государственных инвестиций может оказывать влияние, компенсирующее колебание частных инвестиций.

Эластичность государственных инвестиций по экспортным ценам снижалась по модулю, будучи в интервале от -1,0 до -1,2 в начале 2000-х, до -0,4 – -0,6 сегодня. Эластичность их по импортным ценам также снижается, будучи больше 1 в начале 2000-х до уровня 0,2–0,3 сегодня. Иными словами, влияние внешнеэкономических факторов на государственные инвестиции существенно снизилось.

Государственные инвестиции выросли в реальном исчислении примерно в 2 раза с 1995-го по 2008 год. Затем их объем резко упал и не восстановился до сих пор, составляя примерно 60 % от пикового уровня 2008 года в реальном исчислении.

Уравнения и тождества под номерами 18–27 представляют собой банковский блок модели.

Уравнение 18 определяет рублевые депозиты граждан. Данная величина положительно зависит от уровня средней зарплаты. Эластичность рублевых депозитов граждан

по уровню зарплаты неуклонно снижалась от 0,3 в начале 2000-х до менее 0,1 сегодня. И это не удивительно: номинальная зарплата за период с 2000-го по 2011 год выросла в 8,8 раза, а рублевые депозиты граждан – в 38 раз. Неудивительно, что «разгонять» их дальнейший рост за счет роста зарплаты становится все труднее.

Рублевые депозиты граждан отрицательно зависят от курса рубля и роста импортных цен. Это очевидно, поскольку падение рубля заставляет граждан инвестировать средства в инструменты, номинированные в иностранной валюте. Эластичность по курсу рубля резко падает по модулю от примерно -5 в 2000 до -0,1 в 2011. Эластичность по импортным ценам также резко падает по модулю от примерно -2 в 2000 году до -0,1 сегодня.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что рублевые депозиты граждан стали гораздо более устойчивыми к колебаниям внешнеэкономических параметров экономики России.

Уравнение 19 определяет рублевые депозиты организаций. Они зависят от таких регрессоров, как курс рубля, экспортные и импортные цены, номинальный ВВП и объем валовой прибыли, лаговое значение предельного дохода на капитал.

Эластичность рублевых депозитов организаций по номинальному ВВП резко падает от почти 4 в начале 2000-х до почти 1 в 2011 году. Причина та же, что и относительно рублевых депозитов граждан: депозиты растут гораздо быстрее номинального ВВП.

Эластичность рублевых депозитов организаций по валовой прибыли также резко падает: от почти 0,5 в начале периода до 0,03 в 2011 году.

Рублевые депозиты организаций положительно зависят от курса рубля к корзине. Это можно объяснить тем, что падение курса рубля обычно связано со снижением экспортных цен и/или ростом импортных, что сужает возможности прибыльного инвестирования и вынуждает компании оставлять больше средств на банковских счетах. Эластичность рублевых депозитов организаций по бивалютной корзине падает еще резче: от примерно 10 в 2001 году до 0,2 в 2011-м году.

Аргументация предыдущего абзаца объясняет, почему рублевые депозиты организаций отрицательно зависят от экспортных цен и положительно от цен импорта. Эластичность рублевых депозитов организаций по индексу экспортных цен резко падает по модулю от примерно -9 в 2001 году до -0,3 сегодня. Их эластичность по индексу импортных цен падает от 19 в 2001-м до 0,4 сегодня.

Уравнение 20 показывает зависимость валютных депозитов граждан от их рублевых депозитов, уровня средней зарплаты, импортных цен и счета капитала.

Предполагается, что рублевые депозиты составляют конкуренцию валютным депозитам и постепенно вытесняют их по мере укрепления рубля и банковской системы в целом. Эластичность валютных депозитов граждан по их рублевым депозитам иллюстрирует весьма интересную динамику. Она отрицательна по знаку, что очевидно: по мере укрепления рубля граждане предпочитают рублевые инструменты. Сначала она довольно резко увеличивается по модулю: -0,4 в 2001 до -1,3 в 2008. Затем она резко уменьшается по модулю до -0,5 в 2009–2010. Затем ее модуль вновь растет до примерно -0,8 сегодня.

Эластичность валютных депозитов граждан по величине средней зарплаты резко снизилась: от почти +0,2 в 2001 до -0,4 в 2008. Затем был ее резкий скачок в период кризиса 2008-09 годов до -0,2, а затем она вновь снизилась до -0,3. Иными словами, величина валютных депозитов граждан сегодня зависит от уровня средней зарплаты *отрицательно*. Рост доходов граждан идет на пополнение рублевых депозитов.

Эластичность валютных депозитов граждан по импортным ценам падает от почти 4 в 2001 году до 0,4 сегодня. Их эластичность по счету капитала очень мала по модулю (примерно 0,0001).

Уравнение 21 показывает зависимость валютных депозитов организаций от курса рубля к бивалютной корзине, индексов экспортных и импортных цен, номинального ВВП и валовой прибыли, дефлированной по дефлятору ВВП.

Эластичность валютных депозитов организаций по бивалютной корзине снизилась с более чем 7 в 2000 году до 0,4 сегодня.

Валютные депозиты организаций отрицательно зависят от экспортных цен. И это очевидно: рост экспортных цен делает более выгодными экспортные инвестиционные проекты, снижая тем самым необходимость оставлять средства компаний на банковских счетах. Рост импортных цен, в свою очередь, означает потенциальное ослабление рубля и

выгоды от хранения средств на валютных счетах. Эластичность валютных депозитов организаций по экспортным ценам снижалась по модулю от -4 в 2000 году до -0,6 – -0,7 сегодня. Их эластичность по импортным ценам снизилась от 3 в 2001 году до 0,3 сегодня.

Валютные депозиты организаций положительно зависят от номинального ВВП и валовой прибыли. Эластичность их по номинальному ВВП снизилась от 1 в 2001 году до 0,5 сегодня, по величине валовой прибыли от 2 в 2001 году до 0,2 сегодня.

Тождества 22 и 23 определяют суммарный объем рублевых и валютных депозитов. Банковские депозиты в России выросли в 6 раз в реальном исчислении за период 2000–2011 годов, и их рост не прекращался даже в период кризиса 2008–09 гг. (он тогда лишь замедлился). Рублевые депозиты росли гораздо быстрее валютных, несколько уменьшившись в реальном исчислении лишь в первой половине 2009 года. В итоге доля рублевых депозитов в общей сумме депозитов резко выросла с 55 % в 2000 году до почти 80 % в 2006–2008 гг. Затем она резко упала в период кризиса (почти до 60 %), но затем восстановилась и вновь превышает 75 % к настоящему моменту. Это служит еще одним свидетельством в пользу укрепления банковской системы России и ослабления ее зависимости от внешнеэкономических факторов.

Уравнение 24 определяет объем рублевых кредитов организациям. Они, естественно, зависят положительно от объема депозитов. Их положительная зависимость от номинального ВВП отражает тот факт, что рост ВВП порождает спрос на кредиты. Рублевые кредиты отрицательно зависят от экспортных цен, поскольку рост последних порождает спрос на валютные кредиты для внешнеторговых операций. В то же время они положительно зависят от цен импорта, вероятно, потому, что рост последних делает менее конкурентоспособными импортные товары и способствует спросу на кредиты для внутрироссийских операций.

Эластичность рублевых кредитов по рублевым депозитам неуклонно росла от 0,17 в 2001 году до 0,25 сегодня. Данный факт будет способствовать экономическому росту. Эластичность рублевых кредитов по валютным депозитам, напротив, снизилась с 0,24 в 2001 году до 0,13 сегодня, хотя был ее всплеск в 2009–10 годах.

Эластичность рублевых кредитов по номинальному ВВП резко снизилась от 0,8 в 2001 году до 0,25 сегодня, что можно также рассматривать как фактор замедления экономического роста.

Эластичность рублевых кредитов по экспортным ценам снизилась по модулю от -0,6 в 2001 году до -0,08 сегодня. Их эластичность по импортным ценам снизилась от 1,3 в 2001 году до 0,1 сегодня. Наконец, эластичность рублевых кредитов организациям по величине счета капитала снизилась от 0,08 в 2001 году до 0,005 сегодня.

Уравнение 25 показывает зависимость валютных кредитов организациям от рублевых и валютных депозитов, экспортных и импортных цен, номинального ВВП, счета капитала и курса доллара.

Эластичность валютных кредитов организациям по величине рублевых депозитов выросла с 0,4 в 2001 году до 0,8 сегодня, хотя был временный спад этой величины в 2009 году. Этот факт будет способствовать экономическому росту. Их эластичность по валютным депозитам имела неоднозначную динамику. Она снижалась с 2001 по 2008 с 0,6 до 0,3. Затем она резко выросла и остается на уровне 0,5 сегодня.

Валютные кредиты организациям отрицательно зависят от номинального ВВП: по мере роста российской экономики потребность в валютных кредитах снижается. Эластичность их по величине ВВП постепенно снижалась по модулю с -1,2 в 2001 году до -0,4 в 2008 году, хотя затем несколько выросла до -0,5 сегодня.

Валютные кредиты положительно зависят от экспортных цен, и это естественно: рост экспортных цен делает более выгодными экспортные операции, что повышает спрос на кредиты в валюте. Но эластичность валютных кредитов организациям по экспортным ценам снизилась с 0,7 в 2001 году до 0,14 сегодня. Их эластичность по импортным ценам снизилась за этот период с 0,01 до 0,001.

Эластичность валютных кредитов организациям по счету капитала снизилась с 0,23 в 2001 году до 0,01 сегодня. Наконец, их эластичность по курсу доллара снизилась с 3,1 в 2001 году до 0,2 сегодня.

Тождество 26 суммирует величину рублевых и валютных кредитов организациям. Объем кредитов организациям вырос примерно в 6 раз в реальном исчислении за период

2000–2008 годов. Затем он снизился в период кризиса 2008–09 и пока не восстановился. В 3-м квартале 2011 их объем был еще на 7 % ниже в реальном исчислении, чем их пиковое значение, достигнутое во 2-м квартале 2009 года. При этом рублевые кредиты выросли почти в 11 раз в реальном исчислении за период 2000–2011 годов, тогда как валютные кредиты лишь в 4 раза. Соответственно, доля рублевых кредитов выросла с 55 % в 2000 году до 76 % сегодня.

Уравнение 27 показывает зависимость инвестиций за счет банковских кредитов от совокупного объема кредитов организациям, от предельного дохода на основной капитал, от счета капитала и прямых иностранных инвестиций в Россию.

Эластичность инвестиций за счет банковских кредитов по величине совокупных кредитов (и одновременно по чистому предельному доходу на капитал) стала расти после 2008 года, увеличившись с 0,4 до 0,7 сегодня. Этот факт способствует экономическому росту.

Эластичность инвестиций за счет банковских кредитов по счету капитала снизилась с 0,5 в 2000 году до 0,04 сегодня. Наконец, их эластичность по величине прямых иностранных инвестиций постепенно снижалась с 0,08–0,1 в 2000 году до 0,04–0,05 сегодня.

Величина инвестиций за счет банковских кредитов в реальном исчислении выросла почти в 7 раз за период 1999–2008 годов. Затем их объем резко упал в период кризиса и до сих пор не восстановился. В 2011 году их величина в реальном исчислении составляла лишь 65 % от пикового значения 2008 года.

Уравнение 28 определяет индекс потребительских цен, рассчитанный автором на основе статистики национальных счетов Росстата. Его величина положительно зависит от экспортных и импортных цен, средней зарплаты и отрицательно – от уровня косвенных налогов. Последний факт объясняется тем, что рост косвенных налогов снижает доходы граждан России и, следовательно, их потребительский спрос.

Эластичность потребительских цен по ценам экспорта не была однозначной, но все же она выросла с уровня 0,11–0,12 в 1997 году до 0,14–0,18 сегодня. Напротив, их эластичность по ценам импорта снижалась с 0,3 в 1998–2000 годах до 0,13–0,15 сегодня.

Эластичность потребительских цен по уровню средней зарплаты резко выросла с 0,12 в 1999 году до 0,4 сегодня. Это свидетельствует в пользу усиления инфляции потребительских цен в России в будущем.

Наконец, отрицательное влияние косвенных налогов на инфляцию потребительских цен в России постепенно усиливается. Эластичность по ним выросла по модулю с -0,02 в конце 1990-х годов до -0,1 сегодня.

Тождество 29 определяет сумму инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования. Поправочный коэффициент перед суммой свидетельствует о том, что определенные в модели источники отражают 98,5 % финансирования инвестиций. За последние три года доля инвестиций за счет собственных средств выросла, а инвестиций за счет государственного бюджета и банковских кредитов, напротив, сократилась.

7. Выводы относительно будущих темпов роста экономики России, которые могут быть получены на основе оцененных уравнений

Оцененные уравнения модели и рассчитанные с их помощью эластичности зависимых переменных по аргументам в уравнениях позволяют сделать предварительные выводы о будущих темпах экономического роста, динамике инфляции и роли внешнеэкономических факторов в экономике России.

Повышению темпов экономического роста способствуют следующие факторы.

1. Быстрый рост инвестиций в основной капитал и реновации основного капитала. Однако в последние два года рост этих индикаторов замедлился.

2. Усиление влияния совокупного спроса на рост производства, и в первую очередь инвестиционного спроса, хотя динамика инвестиционного спроса и замедлилась в последние три года.

3. Наличие свободных мощностей и трудовых ресурсов. Уровень загрузки производственных мощностей, по данным Росстата, составил в марте 2012 года 63 %, а уровень безработицы по-прежнему превышает 6 %.

4. Рост банковских депозитов, что создает базу для роста кредитования, в том числе для инвестиций в основной капитал за счет банковских кредитов.

5. Наличие финансовых резервов для инвестирования. Хотя доля чистой прибыли, используемой на инвестиции, достигла 50 % (лимит инвестирования из этого источника, надо полагать, почти исчерпан), но инвестиции за счет средств консолидированного бюджета не превышают 13 % от доходов бюджета (существенно ниже нормы инвестиций из прибыли), а инвестиции за счет банковских кредитов – лишь 8 % от совокупного объема кредитов.

В то же время сегодня в России весьма много факторов, способствующих замедлению темпов роста; перечислим их.

1. Экономика России существенно зависит от трудовых ресурсов, предложение которых будет сокращаться в ближайшие десятилетия.

2. Чистый предельный доход на основной капитал не растет с 2008 года. Он не будет расти и в будущем, если инвестиционная активность будет восстанавливаться при прежнем уровне совокупной факторной производительности.

3. Средняя зарплата в России растет быстрее предельного дохода от труда, что снижает прибыльность бизнеса.

4. Рост косвенных налогов также снижает прибыльность бизнеса и возможности инвестирования.

5. Планируемое на ближайшие три года (2012–2014) значительное увеличение затрат на текущие нужды из государственного бюджета будет снижать потенциал инвестирования из этого источника.

6. Объем банковских депозитов достиг определенного уровня, и темпы их роста в дальнейшем будут ниже.

7. Обеспеченность экономики кредитными ресурсами, хоть и по-прежнему далеко не достаточная, все же выше, чем 10–15 лет назад. Поэтому рост кредитов в будущем не будет давать такого же увеличения роста производства, как это было ранее.

Далее, оцененные уравнения могут пояснить факторы, усиливающие или ослабляющие инфляцию в России. К факторам, ослабляющим инфляцию, можно отнести:

1. Внушительный рост производства за последние двенадцать лет позволил насытить рынок товарами.

2. Налицо явное снижение зависимости внутренних цен от цен импорта.

Факторы, усиливающие инфляцию:

1. Неуклонное насыщение экономики России денежной массой (с 12 % в 2000 году до 40 % сегодня) усиливает влияние последней на рост цен.

2. Быстрый рост реальной зарплаты и прочих реальных располагаемых доходов граждан России.

Наконец, оцененные уравнения позволяют судить о роли внешнеэкономических факторов в экономике России, она была противоречивой. «Условия торговли», то есть отношение индексов экспортных и импортных цен оказывают все более сильное влияние на совокупную производительность факторов производства. В то же время налицо ослабление влияния как цен экспорта и импорта, так и курса рубля на банковскую сферу, т. е. на динамику кредитов и депозитов, а также влияния цен импорта на российскую инфляцию. Влияние состояния счета капитала и прямых иностранных инвестиций на макроэкономические показатели пока остается слабым. Причина в том, что пока обе величины (как поток, а не в накопленном варианте) составляют лишь 3–4 % от величины ВВП России.

8. Имитации и прогнозы с помощью модели

8.1. Результаты постпрогноза

Постпрогноз на основе модели осуществлялся по данным 2008 – 3-й квартал 2011 года, т. е. по 15 кварталам. Сначала постпрогноз делался на основе параметров, рассчитанных по полной выборке, т. е. оценивал только накопление ошибок при пересчете модели. Коэффициенты Тейла для всех эндогенных переменных в этом случае не превышают 0,2. Затем уравнения модели были переоценены по выборке, заканчивавшейся третьим кварталом 2009 года. Параметры всех уравнений при таком сокращении выборки показывают

стабильность, коэффициенты Тейла в постпрогнозе увеличиваются до 0,3, по отдельным переменным до 0,4.

Поэтому мы считаем, что модель в целом показывает хорошие прогнозные свойства, и ее можно использовать для анализа и прогнозирования.

8.2. Импульсные мультипликаторы

Поскольку модель имеет нелинейный характер, мультипликаторы экзогенных рассчитывались в процентах, иными словами, рассчитывалась реакция изменений эндогенных переменных на 1 % изменения данной экзогенной переменной. Ниже представлены средние значения этих мультипликаторов основных экзогенных переменных.

Таблица 3

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных по переменной N
(средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P) ⁹	0,11
Численность занятых (L)	0,75
ВВП (Q)	0,62
Дефлятор ВВП (P)	-0,06
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	0,07
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	0,01
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	0,73
Доля зарплаты в ВВП (SW)	0,20
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	0,17
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,12
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	0,69
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	0,55
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	0,64
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	0,52
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	0,88
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	0,09
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	0,79
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	0,06
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	0,59
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	0,35
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	0,26
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	0,32
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	1,55
Индекс потребительских цен (CPI)	-0,01

Итак, таблица 3 показывает, что численность экономически активного населения довольно сильно влияет на ВВП и на инвестиции в основной капитал. Эта переменная также оказывает весьма мощное позитивное влияние на такие переменные, как чистый предельный доход на основной капитал, чистая прибыль, инвестиции в основной капитал за счет всех трех источников. В банковском секторе она наиболее сильно влияет на депозиты организаций. Ее воздействие на кредиты также оказывается довольно сильным. По сравнению с нашим предыдущим исследованием, которое осуществлялось два года назад [6. Гл. 5], импульсные мультипликаторы этой переменной уменьшились примерно в два раза.

⁹ Здесь и далее без специальной оговорки дефлятор ВВП.

Таблица 4

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных
по переменной **РЕХР** (средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (К/Р)	0,00
Численность занятых (L)	0,02
ВВП (Q)	0,17
Дефлятор ВВП (P)	0,03
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	0,09
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	-0,07
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	0,22
Доля зарплат в ВВП (SW)	-0,06
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	0,18
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,02
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	0,13
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	0,43
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	0,52
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	0,24
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	-0,40
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	0,01
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	0,04
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	-0,04
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	0,12
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	0,02
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	0,02
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	0,02
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	0,26
Индекс потребительских цен (CPI)	0,18

Рост экспортных цен также оказывает довольно сильное влияние на величину ВВП и инвестиций, хотя и не столь мощное, как наличие рабочей силы. Довольно сильно растет чистая прибыль в реальном исчислении и инвестиции за счет собственных средств. При этом инвестиции за счет государственного бюджета сокращаются. На банковский сектор эта переменная оказывает в целом слабое влияние, но инвестиции за счет банковских кредитов растут вследствие кумулятивного эффекта роста кредитов и чистого предельного дохода на капитал.

Интересно также, что эта переменная оказывает довольно сильное влияние на потребительские цены.

По сравнению с упомянутым выше нашим предыдущим исследованием мультипликатор переменной экспортных цен резко сократился: в 3,5 раза для ВВП и почти в 10 раз для инвестиций. Хотя наше предыдущее исследование предполагало несколько иные спецификации уравнений, это, в общем, подтверждает сделанный выше тезис об ослаблении влияния внешнеэкономических факторов на экономику России.

Таблица 5

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных
по переменной **РІМ** (средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (К/Р)	-0,07
Численность занятых (L)	-0,02
ВВП (Q)	-0,14
Дефлятор ВВП (P)	0,08
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	-0,12
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	-0,16
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	-0,15
Доля зарплат в ВВП (SW)	0,01
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	-0,14
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	-0,18

Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	-0,17
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	-0,21
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	-0,24
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	-0,18
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	0,05
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	-0,37
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	-0,03
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	0,38
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	-0,13
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	-0,26
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	-0,11
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	-0,22
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	-0,48
Индекс потребительских цен (CPI)	0,12

Таблица 6

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных по переменной **РТАХ** (средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	-0,01
Численность занятых (L)	0,00
ВВП (Q)	-0,01
Дефлятор ВВП (P)	0,00
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	-0,02
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	-0,01
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	-0,05
Доля зарплат в ВВП (SW)	-0,01
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	-0,01
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,00
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	-0,07
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	0,01
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	-0,17
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	-0,08
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	-0,01
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	0,00
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	-0,01
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	0,00
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	0,00
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	-0,01
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	0,00
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	-0,01
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	-0,08
Индекс потребительских цен (CPI)	-0,01

Таблица 5 показывает, что рост импортных цен оказывает довольно сильное негативное влияние на экономику России. Сокращаются ВВП, инвестиции, чистая прибыль, реальная зарплата и потребление. Довольно резко реагирует банковский сектор и инвестиции за счет кредитов, усиливается инфляция.

Из таблицы 6 видно, что большинство переменных слабо реагирует на рост выплат налога на прибыль. Исключение составляют, естественно, переменные чистой прибыли, соответственно, инвестиции из собственных средств снижаются. Снижение чистого предельного дохода на капитал приводит также к снижению инвестиций за счет банковских кредитов.

Таблица 7

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных по переменной **INTAX** (средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	-0,17
Численность занятых (L)	0,00
ВВП (Q)	0,01
Дефлятор ВВП (P)	0,25
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	-0,10
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	0,21
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	-0,11
Доля зарплаты в ВВП (SW)	-0,11
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	-0,16
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,16
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	-0,20
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	-0,27
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	-0,27
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	-0,28
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	0,14
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	-0,21
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	-0,02
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	-0,39
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	-0,31
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	-0,16
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	-0,20
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	-0,17
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	-0,15
Индекс потребительских цен (CPI)	-0,07

Мы видим, что ВВП слабо реагирует на рост косвенных налогов, но они оказывают значительное отрицательное влияние на инвестиции. Это естественно, поскольку они существенно снижают прибыль и чистый предельный доход на капитал. Переменные банковского блока также существенно реагируют, что приводит к серьезному сокращению инвестиций за счет банковских кредитов. В целом мы видим, что основные фонды довольно существенно реагируют на изменение косвенных налогов. При этом, однако, увеличиваются инвестиции за счет государственного бюджета.

Рост косвенных налогов приводит к довольно серьезному увеличению дефлятора ВВП, однако потребительские цены реагируют отрицательно, что приводит к различной реакции средней зарплаты и потребительских расходов в зависимости от выбранного дефлятора.

Таблица 8

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных по переменной **M2** (средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	-0,17
Численность занятых (L)	0,01
ВВП (Q)	0,05
Дефлятор ВВП (P)	0,28
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	-0,03
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	0,15
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	0,15
Доля зарплаты в ВВП (SW)	-0,07
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	-0,15
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,03
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	0,13

Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	0,43
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	0,55
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	0,09
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	0,21
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	-0,21
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	0,02
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	-0,44
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	0,07
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	-0,12
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	-0,09
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	-0,11
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	0,36
Индекс потребительских цен (CPI)	0,10

Мы видим, что ВВП, и особенно инвестиции, положительно реагируют на рост денежной массы, хотя реакция последних слабее, чем в нашем предыдущем исследовании. Рост денежной массы приводит к повышению чистого предельного дохода на капитал и прибыли, растут инвестиции за счет всех источников финансирования.

Реакция обоих дефляторов меньше 1 %, что еще раз подчеркивает недостаток ликвидности в экономике России. При этом индекс потребительских цен реагирует слабее, чем дефлятор ВВП (очевидно, здесь играет роль большая степень регулирования потребительских цен), поэтому реакция средней зарплаты и потребительских расходов вновь различается при использовании разных дефляторов.

В целом результаты таблицы дают основание утверждать, что активная монетарная политика пойдет на пользу экономике России.

Таблица 9 показывает, что реакция основных переменных на рост государственных закупок в целом положительная, хоть и довольно слабая. Положительно реагирует прибыль, но отрицательно – государственные инвестиции, так как рост текущих расходов препятствует инвестициям из бюджета. Инфляция слабо реагирует на рост государственных закупок.

Таблица 9

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных по переменной **G** (средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	0,01
Численность занятых (L)	0,01
ВВП (Q)	0,05
Дефлятор ВВП (P)	0,00
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	0,03
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	0,01
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	0,06
Доля зарплаты в ВВП (SW)	-0,02
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	0,02
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,01
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	0,03
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	0,11
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	0,13
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	0,07
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	-0,19
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	0,01
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	0,05
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	0,01
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	0,08
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	0,03
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	0,04
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	0,03

Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	0,15
Индекс потребительских цен (CPI)	0,01

Таблица 10

Импульсные процентные мультипликаторы эндогенных переменных по переменной **NX**
(средние за 2012–2014 годы), %

Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	0,00
Численность занятых (L)	0,00
ВВП (Q)	0,02
Дефлятор ВВП (P)	0,00
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	0,02
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	0,01
Чистый предельный доход на основной капитал (NMRK)	0,03
Доля зарплаты в ВВП (SW)	0,00
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	0,01
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,00
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	0,04
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	0,05
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	0,06
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	0,03
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	0,03
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	0,01
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	0,03
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	0,00
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	0,04
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	0,02
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	0,02
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	0,02
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	0,07
Индекс потребительских цен (CPI)	0,01

Реакция на рост чистого экспорта положительная, что очевидно, но довольно слабая. Частично это может объясняться тем, что эффект этой переменной уже учтен в мультипликаторах экспортных и импортных цен.

Мультипликаторы прочих экзогенных переменных – курса рубля, счета капитала и прямых иностранных инвестиций весьма малы (нулевые с точностью до второго знака). Данный результат является еще одним свидетельством относительного ослабления влияния внешнеэкономических переменных на экономику России и слабой роли, которую оказывают переменные счета капитала.

8.3. Прогноз

Базовый вариант прогноза строился на следующих предпосылках относительно динамики экзогенных переменных.

Таблица 11

Динамика экзогенных переменных в базовом варианте прогноза

Переменная	Заданная динамика
N	Сокращение на 1 % в год
PEXP	Рост на 7 % в год
PIM	Рост на 5 % в год
M	Рост на 25 % в год
INTAX	Рост на 15 % в год
PTAX	Рост на 20 % в год
BASC	Константа на уровне 34,65 руб.

DOLLAR	Константа на уровне 30 руб.
G	Рост на 20 % в год
NX	Рост на 5 % в год
FDI	Константа на уровне 13 576 млн долл.
CAPI	Константа на уровне минус (отток) 15 000 млн долл.

Динамика экзогенных переменных в базовом варианте задана по следующим основаниям.

1. Динамика **численности экономически активного** населения основана на демографическом прогнозе Росстата о динамике населения в трудоспособном возрасте.

2. В 2007–2011 годах индекс **экспортных цен** рос со средним темпом 11,5 % в год. Мы заложили более скромное увеличение экспортных цен в базовый вариант.

3. В 2007–2011 годах индекс **цен импорта** рос со средним темпом 8,5 % в год. Нами заложено более медленное увеличение импортных цен в базовом варианте.

4. В 2007–2011 годах **чистый экспорт** рос со среднегодовым темпом 16,2 % в год. В базовый вариант заложен более медленный темп его роста.

5. Рост **денежной массы** в базовом варианте совпадает со среднегодовым темпом в 2007–2011 годах.

6. Среднегодовой рост величины уплаченных чистых **налогов на импорт и производство** в 2007–2011 годах был равен 17,4 % в год. Мы заложили более медленную их динамику в базовый вариант вследствие возможного замедления темпов роста.

7. В 2007–2011 годах уплата **налога на прибыль** росла со средним темпом 15,6 % в год. Мы заложили несколько более быструю динамику в ожидании повышения прибыльности экономики России и улучшения налогового администрирования.

Обоснованность заложенной динамики налоговых выплат поддерживается тем фактом, что в 2007–2011 годах средняя доля чистых налогов на импорт и производство в ВВП составила фактически 18,9 %, а прогнозная в рассмотренном ниже варианте прогноза на 2012–2014 годы – 18,5 % ВВП. Аналогично доля уплаченного налога на прибыль в 2007–2011 годах составила фактически 15,7 %, а в прогнозе на 2012–2014 годы – 15,2 %.

8. В 2007–2011 годах **государственные закупки** товаров и услуг росли со средним темпом 15,4 % в год. Мы заложили их более высокие темпы в прогнозном варианте в связи программой расширения государственных расходов, принятой на 2012–2014 годы.

9. В базовом варианте **курс рубля**, состояние **счета капитала** и входящие **прямые иностранные инвестиции** приняты постоянными на среднем уровне 2010 года (первые три переменные) и 2011 года (последняя).

Результаты базового варианта прогноза представлены в следующей таблице.

Таблица 12

Среднегодовые темпы роста эндогенных переменных в базовом варианте прогноза (в среднем за 2012–2014 годы), %

Переменная	Прогноз	Факт 2009–2011
Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	3,4	2,4
Численность занятых (L)	-0,4	-0,1
ВВП (Q)	5,4	0,0
Дефлятор ВВП (P)	13,1	9,3
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	7,3	1,9
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	8,5	2,2
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	3,0	1,4
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	4,2	1,8
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	17,5	-1,7
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	4,0	-1,8
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	3,7	0,2

Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	17,0	5,2
Инвестиции за счет консолидированного бюджета в реальном исчислении (IG/P)	12,5	-6,4
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	3,4	19,7
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	14,2	17,3
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	-5,6	1,8
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	10,0	-1,9
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	8,6	5,1
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	2,3	-2,0
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	7,1	3,1
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	7,0	-6,3
Индекс потребительских цен (CPI)	11,8	9,0

Итак, мы видим, что базовый вариант дает явное увеличение темпов роста экономики России в 2012–14 годах по сравнению с 2009–11 годами. Надо, однако, помнить, что в период 2009–11 попадает кризисный 2009 год, когда темпы роста были отрицательными с весьма глубоким падением. Повышается рост зарплаты и потребительских расходов в реальном исчислении, существенно растут инвестиции в основной капитал, прибыль и банковские кредиты.

Следует также отметить, что инфляция в 2012–14 годах также выше в прогнозном варианте, чем она была фактически в 2009–11 годах. Также следует упомянуть, что темпы роста, скорее всего, будут понижаться от 2012 года (на этот год базовый вариант дает 5.9 % рост ВВП) к 2014 году (5.0 %). Также заметно снижение темпов роста банковских депозитов, за исключением валютных депозитов организаций.

Второй вариант прогноза предполагает постоянное значение всех экзогенных переменных на уровне среднего значения 2010–2011 годов. Его результаты приведены в следующей таблице.

Таблица 13

Среднегодовые темпы роста эндогенных переменных в варианте прогноза с неизменными значениями экзогенных переменных (в среднем за 2012–2014 годы), %

Переменная	Прогноз	Базовый вариант
Объем основных фондов в реальном исчислении (K/P)	0,2	3,4
Численность занятых (L)	-0,3	-0,4
ВВП (Q)	1,9	5,4
Дефлятор ВВП (P)	-2,1	13,1
Средняя зарплата в реальном исчислении (W/P)	8,9	7,3
Средняя зарплата в реальном исчислении, дефлятор CPI (W/CPI)	0,6	8,5
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении (C/P)	9,0	3,0
Потребление домашних хозяйств в реальном исчислении, дефлятор CPI (C/CPI)	0,7	4,2
Инвестиции в основной капитал в реальном исчислении (I/P)	16,6	17,5
Валовая прибыль в реальном исчислении (ROK/P)	-8,2	4,0
Валовая прибыль за вычетом налога на прибыль, в реальном исчислении (NROK/P)	-9,3	3,7
Инвестиции за счет собственных средств в реальном исчислении (IO/P)	18,3	17,0
Инвестиции за счет консолидированного бюджета	8,7	12,5

в реальном исчислении (IG/P)		
Рублевые депозиты граждан в реальном исчислении (DEPRP/P)	12,0	3,4
Рублевые депозиты организаций в реальном исчислении (DEPRF/P)	-4,4	14,2
Валютные депозиты граждан в реальном исчислении (DEPVP/P)	23,8	-5,6
Валютные депозиты организаций в реальном исчислении (DEPVF/P)	-4,5	10,0
Рублевые кредиты организациям в реальном исчислении (CR/P)	2,3	8,6
Валютные кредиты организациям в реальном исчислении (CV/P)	1,6	2,3
Банковские кредиты в реальном исчислении (CT/P)	2,1	7,1
Инвестиции за счет банковских кредитов в реальном исчислении (IB/P)	-2,9	7,0
Индекс потребительских цен (CPI)	6,1	11,8

Мы видим, что в этом варианте темпы роста ВВП резко падают по сравнению с базовым вариантом, хотя инвестиции в реальном исчислении растут, несмотря на сокращение прибылей. Причина последнего состоит в том, что дефлятором выступает дефлятор ВВП, который снижается в этом варианте. В *номинальном исчислении* инвестиции в этом варианте снижаются на 29 % по сравнению с базовым вариантом. В этом радикальном варианте также снижается доля косвенных налогов в номинальном ВВП (их номинальная величина принята в качестве константы, а номинальный ВВП растет), что увеличивает предельный доход на капитал, что также способствует инвестициям. Играть свою роль и лаговые значения инвестиций, что отражает длительность строительного цикла.

Отметим также радикальное отличие динамики индекса потребительских цен от динамики дефлятора ВВП. Последний продолжает расти, так как в меньшей степени зависит от денежной массы, но зато прямо зависит от средней номинальной зарплаты, которая продолжает расти в этом варианте вследствие роста инвестиций. При этом налицо существенное снижение обоих показателей инфляции.

Нами было проанализировано еще несколько вариантов прогноза, их результаты представлены в следующей таблице. Ради сокращения изложения в ней отражены лишь принцип построения прогноза и реакция двух основных переменных – ВВП и инвестиций в основной капитал в реальном исчислении, отличие темпов их роста от базового варианта.

Суть всех этих вариантов состоит в следующем: динамика всех экзогенных переменных является идентичной базовому варианту, и лишь динамика одной из них отлична от последнего. Это отличие и показано в первом столбце следующей таблицы, а остальные три столбца показывают реакцию трех эндогенных переменных на это отличие по сравнению с базовым вариантом.

Второй столбец показывает реакцию ВВП, третий – дефлятора ВВП, четвертый – инвестиций в основной капитал в реальном исчислении, дефлятор ВВП.

Таблица 14

Темпы роста ВВП, инвестиций в основной капитал и дефлятора ВВП в вариантах прогноза (отличие от базового варианта, в %, в среднем за 2012–2014 годы)

1	2	3	4
Нулевое значение счета капитала	0,1	0,0	0,6
Рост входящих прямых иностранных инвестиций на 25 % в год (в долларах США)	0,0	0,0	0,2
Рост денежной массы на 60 % в год	2,5	12,1	8,8
Рост чистых налогов на импорт и производство на 30 % в год в текущих ценах	0,3	4,4	-2,7
Рост налога на прибыль на 40 % в год в текущих ценах	-0,2	0,0	-2,0
Рост государственных закупок на 40 % в год в текущих ценах	1,1	-0,2	1,2
Рост чистого экспорта в рублевом выражении на 25 % в год в текущих ценах	0,5	-0,1	1,0
Рост импортных цен на 15 % в год	-1,4	0,9	-2,2

в рублевом эквиваленте			
Падение экспортных цен на 30 % в год в рублевом эквиваленте	-5,0	0,1	-6,5

Прокомментируем результаты прогнозных расчетов.

1. В последние годы Россия имела чистое отрицательное сальдо по счету капитала, равное в среднем 15 млрд долл. в квартал. Вариант прогноза показывает динамику эндогенных переменных, если сальдо счета капитала станет нулевым (иными словами, отток капитала прекратится).

Модель показывает довольно слабое влияние данного факта на динамику ВВП, хотя реакция инвестиций в основной капитал более заметна. Сегодня величина сальдо счета капитала составляет примерно 4 % ВВП, но 16 % инвестиций, что отчасти объясняет подобную реакцию.

2. Рост входящих прямых иностранных инвестиций оказывает слабое влияние на экономические переменные России. Их величина в среднем составляет пока примерно 3,5 % ВВП и 14 % от инвестиций в основной капитал. Далеко не вся сумма иностранных инвестиций расходуется именно на инвестиции в основной капитал. В самые лучшие годы – 2005 и 2006 – инвестиции из-за рубежа составляли менее 7 % всех инвестиций в основной капитал, в 2007–2008 годах эта доля была еще ниже [см. 2. Табл. 2.6].

Все вместе это объясняет относительно слабое влияние ускорения роста прямых иностранных инвестиций на основные показатели России.

3. Ускорение роста денежной массы способно оказать весьма сильное влияние и на рост ВВП, и на инвестиции в основной капитал. Рост денежной массы оказывает позитивное влияние и на предельный доход на капитал, и на рост прибылей и банковских кредитов. Причиной этому является сохраняющаяся нехватка долгосрочной ликвидности в экономике России.

Однако это достигается за счет резкого усиления инфляции.

4. Рост налогов оказывает отрицательное влияние на инвестиции, что очевидно. При этом рост косвенных налогов имеет слабое, но положительное влияние на рост ВВП. Объяснением может служить, во-первых, то, что в этом варианте динамика государственных закупок на текущие нужды остается той же, что в базовом варианте. Это значит, что увеличиваются инвестиции за счет государственного бюджета, поскольку номинальный ВВП растет. Во-вторых, снижается доля зарплаты в ВВП, что стимулирует спрос на рабочую силу.

При этом рост косвенных налогов оказывает довольно сильное влияние на инфляцию, но не на потребительские цены.

5. Рост государственных закупок оказывает довольно сильное и положительное влияние на рост ВВП и инвестиций. Это объясняется тем, что данная переменная является важной составляющей совокупного спроса. При этом усиления инфляции не происходит, но мы должны помнить, что в этом варианте заложен рост денежной массы, эквивалентный базовому варианту.

6. Внешнеэкономические переменные оказывают сильное влияние на рост ВВП и инвестиций, хотя их влияние на инфляцию ослабляется.

9. Выводы

Рассмотренная модель и полученные на ее основе прогнозные варианты развития экономики России позволяют сделать следующие выводы.

1. Предстоящие три года – 2012–2014 – будут достаточно благоприятными для экономики России (если, конечно, мировая экономика не впадет в очередной кризис; но пока данные показывают, напротив, ее ожидаемое восстановление). Среднегодовые темпы роста экономики России превысят 5 % в год, и это обусловлено не только ростом экспортных цен, но и накопленным потенциалом экономики России, усилением влияния внутреннего спроса, грамотной денежно-кредитной политикой.

2. В то же время темпы роста экономики России будут снижаться после 2012 года. Это обусловлено не только тем, что экспортные цены не могут расти постоянно высокими темпами, но и неизбежным замедлением роста ресурсов банковской системы, низким

уровнем кредитов инвестиционного характера, недостаточным государственным инвестированием, ожидаемым падением предельного дохода на капитал. Данный тезис поддерживается снижением предложения трудовых ресурсов при сохраняющейся сильной зависимости от них экономики России. Рост государственных закупок, запланированный на 2012–2014 годы, будет обеспечен, скорее всего, повышением косвенных налогов, что приведет к снижению инвестиций. Подобные тенденции в будущем удастся переломить лишь при кардинальной перестройке российской экономики с целью повышения ее совокупной производительности.

3. Зависимость экономики России от экспортных и импортных цен, от сальдо торгового баланса остается высокой, но будет постепенно снижаться. Зависимость экономического роста и инвестиций от счета капитала остается слабой.

4. России в ближайшие годы следует проводить активную денежно-кредитную политику. Жесткая монетарная политика будет сдерживать экономический рост и инвестиционную активность. В то же время темпы роста денежной массы должны сохраняться на прежнем уровне, 20–30 % в год в номинальном исчислении, но не выше, чтобы не усилить инфляцию.

5. Рост государственных закупок в целом может позитивно повлиять на темпы экономического роста и инвестиций, так как усилит совокупный спрос. Это не приведет к усилению инфляции, если при этом не будут усиливаться темпы роста денежной массы.

Литература

1. Банк России. Официальный сайт. – URL: www.cbr.ru
2. Инвестиции в России за 2009 год. Электронная версия на сайте Росстата. – URL: www.gks.ru
3. Лаборатории среднесрочного прогнозирования воспроизводственных процессов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Официальный сайт. – URL: www.macroforecast.ru
4. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Прогнозирование динамики российской экономики на основе эконометрической модели инвестиций в основной капитал // Вестник Гуманитарного университета. Серия : Экономика. – 2010. – № 1(11). – С. 81–89.
5. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Среднесрочный прогноз динамики инвестиций в основной капитал в Российской Федерации с помощью эконометрической модели // Финансы и кредит. – 2010. – № 40(424). – Окт. – С. 16–22.
6. Мицек Е. Б. Эконометрический и статистический анализ инвестиций в основной капитал экономики России. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальный сайт. – URL: www.gks.ru
8. Green W. H. Econometric analysis. – 6th ed. – Pearson International Edition : Prentice Hall, 2008.
9. Johnston J., DiNardo J. Econometric methods. – 4th ed. – McGraw Hill, 2007.

УДК 336

Разумовская Елена Александровна

канд. экон. наук, профессор РАЕ, доцент кафедры
Финансов и бухгалтерского учета Гуманитарного ун-та
(г. Екатеринбург)

Elena A. Razumovskaya

Candidate of Economics, Professor of RANH,
Associate Professor at Finance and Accounting Chair,
Business and Management Department,
Liberal Arts University/ University for Humanities,
Ekaterinburg

Разумовский Денис Юрьевич

студент 3-го курса механического факультета
Уральского государственного ун-та путей сообщения
(г. Екатеринбург)

Denis Y. Razumovskiy

the student of Mechanical Faculty,
the Ural State University of Railway Transport,
Ekaterinburg

**СОЦИАЛЬНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬ-
НЫЙ ВЫБОР ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**SOCIAL AND INSTITUTIONAL
SOCIETY CHOICE IN MODERN
RUSSIA**

Аннотация

Статья отражает мнение авторов о диспропорциях при реформировании российской экономики. Показаны наиболее значимые направления государственного регулирования экономики и социальной политики. Выявлена взаимосвязь между принимаемыми финансовыми решениями и социальными последствиями таких решений для экономики и общества. Рассмотрены наиболее негативные показатели, которые российские граждане считают последствиями отечественных экономических реформ, по данным социологических опросов и статистики, среди которых: сокращение уровня доходов и сбережений, рост цен на потребительские товары и жилье, безработица, кредитомания, рост преступности и ряд других.

Ключевые слова: социально-экономические реформы, финансовые решения, эффективность государственного регулирования, патернализм, социальный капитал, социально-институциональный выбор общества.

Abstract

The article reflects the opinions of the authors of the imbalances in the reform of the Russian economy. It shows the most significant areas of state regulation of the economy and social policy. The interrelation between financial decisions and social consequences of such decisions for the economy and society are demonstrated. According to opinion polls and statistics Russian citizens consider the consequences of domestic economic reforms as negative indicators. The article depicts these consequences, including reducing the level of income and savings, the rise in prices for consumer goods and housing, unemployment, kreditomaniya, crime and others are considered in the article.

Keywords: socio-economic reforms, financial services, the effectiveness of state regulation, paternalism, social capital, social and institutional society choice.

Среди наиболее важных достижений отечественных реформ при формировании условий цивилизованных рыночных отношений остается стремление государства к сохранению ряда социальных гарантий для населения. Вопрос об эффективности и целесообразности государственного патернализма в этой сфере не находит однозначно положительного ответа со стороны специалистов в этой области. Социологические опросы и данные статистики так же выявляют негативное отношение населения к преобразованиям рыночного направления. Граждане полагают, что государство в лице всех его институтов ответственно за ряд негативных проявлений рынка и должно принимать меры по их преодолению. Так, по результатам исследований Г. Г. Силласте, существует целый спектр задач, требующих вмешательства со стороны властей, что отражает таблица 1.

Таблица 1

Мнение россиян о нерешенных задачах правительства [3]

Задачи, требующие решения со стороны правительства	% опрошенных
Государственный контроль за ценами и снижение	47
Борьба с коррупцией, приватизация государственной собственности	36
Обеспечение доступности жилья	36
Доступность %-х ставок по кредитам	34
Налоговое регулирование	33
Укрепление рубля, повышение его статуса	33
Укрепление порядка и законности	29
Финансовая поддержка сельского хозяйства	26
Контроль за выплатами задолженностей по заработной плате, пенсиям, пособиям, стипендиям	22
Финансовая поддержка госпредприятий и служащих бюджетной сферы	18

Проявления негативных социально-экономических последствий стремительного перехода к рынку резко отрицательно сказались на качестве жизни россиян. Эти последствия привели к большим людским, материальным, финансовым и нравственным потерям. Абсолютное большинство населения, испытав на себе тяжелые социальные последствия неподготовленного перехода к рыночной экономике, неоправданные лишения, изменило свое мнение в вопросе: что важнее – демократия или порядок. В начале 1990-х годов, под влиянием экономической и политической свободы, свыше 80 % россиян считали более важной демократию и свободу слова. Совершенно иной картина стала к концу 2000 года – по мнению 75 % опрошенных, главное – это порядок, поддерживаемый государством, а не экономические свободы [1]. Полученные данные наглядно характеризуют распространенность и осознанность большинством населения негативных социально-экономических последствий решений и методов их реализации правительством в экономической, социальной и финансовой сферах.

Экономический механизм отражает прямую взаимосвязь между блоками финансовых решений и социальными последствиями в обществе. Нарастание негативных социальных и экономических последствий решений власти в конечном счете должно побудить ее к коррекции принятых ранее решений и устранению допущенных просчетов. Поведенческие модели, исследующие реакции населения, его настрой и готовность поддержать реформы в государстве, в значительной мере связаны с уверенностью власти в правильности проводимых преобразований. В представлениях населения России и многих восточноевропейских стран преобладает точка зрения об отрицательных последствиях свободной рыночной экономики и снижения государственного регулирования процессов в обществе [2]. Властным институтам управленческого блока финансово-экономического механизма важно учитывать мнение населения и принимать взвешенные меры, опираясь на поддержку общества.

Определенные негативные социально-экономические явления, сопутствующие рыночной экономике и особенно ярко проявляющиеся в периоды экономических спадов, показаны в таблице 2.

Таблица 2

Экономический эконоцид

Показатели	Динамика
Уровень доходов населения	Сокращение
Величина сбережений	Сокращение
Доступность образования	Сокращение
Доступность здравоохранения и медицинского обслуживания	Сокращение
Уровень цен на потребительские товары	Рост

Рынок труда (безработица)	Рост
Кредитомания	Рост
Социально-экономическое положение семей	Ухудшение
Уровень преступности	Рост
Деадаптация населения	Ухудшение

Выявление направлений динамики основных показателей свидетельствует о преобладании пессимистических настроений в обществе и о таком характере изменений, которое возможно устранить или снизить только посредством государственного регулирования. При этом эффективность государственного регулирования зависит от сложности и масштаба решаемых задач и способности регулирующих органов эффективно исполнять свои функции. Столь же важна способность государства эффективно распоряжаться регулирующими полномочиями, в том числе своевременно и точно выбирать инструменты регулирования и профессионально применять их.

Несовершенство рынка в России создает множественные экстерналии, усложняющие и расширяющие круг задач экономического и финансового регулирования. Информационная асимметрия в отечественной экономике также весьма высока, отчасти вследствие быстрых экономических и социальных перемен, отчасти – ввиду недостаточной прозрачности частного и государственного секторов. В то же время практика государственного регулирования вызывает значительные нарекания на нецелевое применение регулятивных инструментов, коррупцию и некомпетентность. Одновременно, аналогичного регулятора столь же мощного и масштабного в стране пока нет. Единственным механизмом, который смог бы работать в том же направлении, – это не сформировавшийся в России корпоративный социально ответственный сектор. Потребность в неформальных механизмах усилилась вследствие возросшей централизации административных и налогово-бюджетных полномочий в России. Региональные и местные органы власти остаются ответственными за экономическое развитие и благосостояние подведомственных территорий, при этом их бюджеты и официальные регуляторные функции несколько сокращены. Идея привлечения бизнеса к развитию инфраструктуры, софинансирования социальных программ, что позволило бы сократить разрыв между полномочиями и ответственностью и получить новый источник средств. Основной причиной нежелания бизнеса участвовать в проектах и программах по собственной инициативе является несовершенство российского законодательства в вопросах налогового регулирования и незащищенность прав собственности. Обратная сторона этих проблем состоит в уступчивости отечественных компаний к давлению извне, что используется властями для принудительного вовлечения бизнеса к участию в финансировании социально-экономических программ и проектов. Кроме того, причиной уязвимости прав собственности в России является их недостаточная легитимность в глазах общественного мнения: приватизация 1990-х гг. и последующее перераспределение собственности рассматриваются в обществе как глубоко несправедливые, что ставит под сомнение надежность прав собственности. Разрозненность общества, разрыв в уровне доходов, диаметрально противоположные интересы его членов – все это говорит о неспособности к коллективным действиям в общих интересах, т. е. о низком показателе социального капитала. Нормы поведения, ценности, эффективность деятельности общественных организаций создают в обществе спрос на социально ответственное поведение со стороны всех его членов, в том числе – бизнеса.

Россия испытывает нехватку современного социального капитала, что подтверждают социологические исследования. В советском прошлом не культивировались гражданские инициативы, а радикальные и во многом хаотические перемены постсоветского периода выдвинули на первый план заботу о собственном экономическом благополучии и отрицательно отразились на солидарности и доверии в обществе. Слабость гражданского общества в России не позволяет рассчитывать на его ведущую роль в процессах социальной ответственности. На дефицит общественного участия в этих процессах указывает, помимо прочего, глубокий разрыв между представлениями населения о желательных приоритетах и фактическими направлениями социальных инвестиций российских компаний, а также распространенные сомнения в уместности предъявлять частным предприятиям и государству требований быть социально ответственными.

В условиях стремительной глобализации и интеграции стран, в том числе и России, в систему международных отношений обостряется необходимость поиска путей для обеспечения возможностей экономического роста. Традиционно, для стимулирования экономики, принято опираться на механизмы, направленные на сжатие социальных расходов и программ, сокращение финансирования социальной сферы и перенаправление средств в передовые, высокотехнологичные отрасли с высокой концентрацией капитала. В этой связи актуальным является исследование отдельных статей доходов бюджета и ключевых направлений расходов российского бюджета, поскольку экономика России имеет особенности, связанные с накопленными деформациями ее структуры и недостаточной развитостью ряда рыночных институтов.

Российские власти, учитывая специфику отечественной экономики и демографическую ситуацию, предпринимают меры, увеличивающие нагрузку на бюджет, ориентированные на поддержание социально уязвимых слоев населения. Подобные действия могут быть оправданы на данном этапе, однако в перспективе необходима реструктуризация системы финансирования социальной сферы, которая обеспечила бы диверсификацию социального бремени на бюджет, способствуя сокращению бюджетного дефицита и, в конечном итоге, ослабила бы патерналистическую нагрузку на государство. Достичь подобных результатов возможно через изменение практики финансирования социальных программ для достижения оптимальных объемов и структурного распределения средств, а также посредством совершенствования построения финансовой политики в области социальной сферы. Сегодняшняя российская экономическая модель предусматривает социальную ответственность единственно со стороны государства. Это отвлекает ресурсы в неэффективные направления, сокращая потенциал экономического роста. Поэтому России совершенно необходимо диверсифицировать экономику, с тем, чтобы в перспективе избегать сырьевой зависимости, делающей ее уязвимой от внешнеэкономических факторов. Занять значимое место среди развитых стран невозможно без по-настоящему диверсифицированной экономики с развитым сектором обрабатывающей промышленности и высоких технологий, поэтому повышение конкурентоспособности отечественных несырьевых секторов является стратегической задачей, решение которой способно ликвидировать факторы, тормозящие экономический рост.

Структурные диспропорции российской экономики, многообразие и сложность социально-экономических проблем в стране и ограниченные возможности государственного регулирования и бюджетной сферы создают условия для формирования в обществе социально ответственных отношений, которые могли бы преодолеть и постепенно сгладить эконцидальные проявления и экстерналии рыночной экономики.

Отрицательное отношение населения к преобразованиям рыночного направления нивелируется альтернативными механизмами регулирования, такими как социальная корпоративная ответственность. Уязвимой характеристикой российской экономики является зависимость состояния государственного бюджета, а значит, гарантий выполнения государством обязательств перед обществом, от мировых цен на энергоресурсы.

Литература

1. Ежегодник «Общественное мнение – 2000». – ВЦИОМ. – 2000. – № 12.
2. Полищук Л. И. Корпоративная социальная ответственность или государственное регулирование // Вопросы экономики. – 2009. – № 10.
3. Силласте Г. Г. Экономическая социология. – М. : Альфа-М ; Инфра-М, 2012.

УДК 331.1

Мецгер Александр Альбертович

Alexander A. Metzger

канд. технич. наук, ЗАО «Управляющая компания»
(г. Екатеринбург)

Candidate of Engineering, Director General of ZAO
"Upravlyauschaya companya", Ekaterinburg

**МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ТРАНСАКЦИОННЫХ
ИЗДЕРЖЕК**

**CORPORATE MANAGEMENT
IN THE CONTEXT OF TRANSACTION
COSTS THEORY**

Аннотация

Рассматриваются вопросы корпоративного управления в контексте теории транзакционных издержек. Проведен анализ транзакционных издержек для базовых моделей корпоративного управления. Высказано предположение о соответствии аутсайдерской модели механизму рыночного взаимодействия участников, а инсайдерской модели – механизму сетевого взаимодействия. Выделены условия рационального формирования различных моделей корпоративного управления по критерию минимизации транзакционных издержек. Определены условия формирования корпоративной модели по схеме иерархии.

Ключевые слова: транзакционные издержки, институциональная теория, рынок, сеть, иерархия, модель корпоративного управления, оппортунизм, инсайдерская модель, аутсайдерская модель, государственная корпорация.

Abstract

The article considers the issues of corporate governance in the context of transaction costs theory. The author of the article has analyzed transaction costs for basic models of corporate governance. He expresses a suggestion, that outsider model corresponds with a mechanism of market participant interaction, and insider model corresponds with a mechanism of network interaction. The author establishes conditions for rational formation of different corporate governance models, using a transaction costs minimization criterion. The article determines the conditions of the hierarchical formation of the corporate model.

Keywords: transaction costs, institutional theory, market, network, hierarchy, corporate governance model, opportunism, insider model, outsider model, state corporation.

Теория транзакционных издержек, основы которой были заложены работами Р. Коуза, а позднее и Новая институциональная теория (О. Вильямсон) составляют на сегодняшний день тот мейнстрим, в рамках которого с большим или меньшим успехом разрешаются многие вопросы организации и функционирования экономических организаций. В частности, или даже в первую очередь, практическим следствием стало объяснение логики формирования различных форм объединений предпринимательских единиц (интегрированные корпоративные структуры, сети и т. д.) или, напротив, сохранения предпринимательскими единицами рыночной свободы. Хрестоматийно верными сегодня представляются утверждения о том, что границы фирмы, степень жесткости ее интеграции с другими бизнес-единицами прямо пропорциональны уровню внешних транзакционных издержек. Например, схема рыночного взаимодействия экономических субъектов обеспечивает наибольшую эффективность (минимум транзакционных издержек) в условиях высокой однородности внешнего окружения (развитый рынок). Напротив, нарастание неоднородности ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот отдельной фирмой, приводит к стремительному росту транзакционных издержек и вынуждает развивать в большей или меньшей степени нерыночные механизмы взаимодействия – механизмы кооперации, а в пределе и формирование жестких иерархичных структур. Другими словами, в условиях развитого рынка издержки формирования и поддержания сети кооперации и, тем более, иерархии, кажутся и являются избыточными и неоправданными. Однако та же сеть, и тем более иерархия, становятся единственным средством преодоления и снижения стремительного роста транзакционных издержек (проявлений оппортунизма) в ус-

ловиях «слабого» рынка, характеризующегося высоким риском, неопределенностью и уникальностью вовлекаемых в оборот ресурсов. Таким образом, теория трансакционных издержек аргументированно позиционирует основные или базовые формы (модели) взаимодействия экономических субъектов: рынок, сеть и иерархию.

Вполне естественно, что идеи, заложенные в рассматриваемой теории трансакционных издержек и развиваемые институциональным подходом, успешно применяются в рамках корпоративного управления. Данное управление в самом широком смысле представляет собой формирование механизмов принятия и реализации управленческих решений в корпорации, которые, с одной стороны, обеспечивают сохранение позитивных аспектов объединения участников, а с другой стороны – минимизируют возникающие риски и издержки. Так, например, корпоративное управление активно использует такие ключевые понятия, как оппортунизм (менеджеров), информационная асимметрия (менеджеров и собственников), издержки составления контрактов с менеджерами и контроля их исполнения, т. е. понятия, которые и составляют методологическую основу и теории трансакционных издержек, и собственно институциональный подход.

Надо отметить, впрочем, что подобная прямая отсылка характерна для т. н. классического (узкого) подхода к корпоративному управлению, в котором корпорация рассматривается в узком контексте, как механизм объединения капиталов мелких (миноритарных) собственников в форме т. н. классической акционерной корпорации. Естественно, что в данном случае основной проблематикой корпоративного управления становится преодоление оппортунизма менеджеров корпорации – лиц, которые обладают возможностью извлекать квазиренду из своего особого положения (информационная асимметрия и т. д.). Подобное проявление оппортунизма менеджеров нарушает интересы как собственно прямых участников корпорации (акционеров), так других заинтересованных лиц (стейкхолдеров корпорации). Все это в отсутствие адекватных механизмов ставит под угрозу само существование корпорации, ее экономическую эффективность и устойчивость. Осознание подобной проблематики в рамках узкого подхода к корпоративному управлению и анализ наиболее эффективных практик подсказывает одновременно и набор адекватных мер по снижению оппортунизма менеджеров. Этот набор механизмов в своем обобщенном виде получил название **аутсайдерской модели** корпоративного управления. В основе данной модели лежит механизм рыночных отношений, осуществляемых в условиях низких трансакционных издержек. Развитый рынок ценных бумаг обеспечивает с минимальными затратами выполнение следующих функций: 1) диагностирования избыточных трансакционных издержек оппортунизма менеджеров и 2) обратной связи – корректировки поведения менеджеров. По сути дела модель сводится в макроэкономическом плане к поддержанию максимальной эффективности рынка ценных бумаг, а на уровне отдельной компании – к созданию внутренних механизмов трансляции генерируемых им сигналов на уровень менеджмента. Такими сигналами являются угроза со стороны рынка корпоративного контроля и система вознаграждения, основанная опять же на рыночных показателях эффективности компании. Важно отметить, что в данном подходе и в рамках данной модели проблематика корпоративного управления актуализируется и разрешается в системе отношений «менеджмент–акционеры». Интересы всех остальных участников – заинтересованных и зависимых от корпорации групп лиц (стейкхолдеры) обеспечиваются все тем же рыночным механизмом.

Менее отчетливо влияние теории трансакционных издержек прослеживается в случае расширительной трактовки корпоративного управления. В данном случае речь идет уже не о дисперсной, а концентрированной структуре собственности корпорации. Естественным образом снижается острота проблемы отчужденности собственников от управления, характерная для классической акционерной корпорации. Однако проблема оппортунизма не исчезает, а лишь меняет субъекта. Теперь основной проблемой становится оппортунизм контролирующих собственников, которые имеют возможность приватизировать квазиренду. Характерным отличием данной ситуации является отсутствие развитого рынка, который мог бы обеспечивать контролирующее воздействие на собственников, как это имеет место в аутсайдерской модели, рассмотренной выше. Тем не менее именно это обстоятельство, т. е. слабое развитие рыночных процессов обеспечивает условия для формирования альтернативной **инсайдерской модели** корпоративного управления. В рамках данной модели оппортунизм контролирующих собственников преодолевается

не за счет внешних по отношению к корпорации рыночных механизмов, а, напротив, созданием специфических внутренних механизмов. Отметим, что при этом меняется само содержание корпорации. Теперь это не сугубо экономический инструмент аккумуляции и перераспределения финансовых ресурсов ее участников (акционеров). Напротив, корпорация в своей расширительной трактовке (и в инсайдерской модели) это сложное социально-экономическое явление, которое призвано обеспечивать учет и согласование интересов как непосредственных участников (собственников и менеджеров), так и широкого круга заинтересованных и зависимых лиц (стейкхолдеров). По сути дела мы имеем некий аналог сетевых отношений указанных лиц (трудовой коллектив, партнеры, органы власти и пр.), в который, разумеется, входят и владельцы корпорации. Формат внутрисетевых отношений может быть самым различным – через систему формализованных процедур принятия решений, ограничений полномочий, в других случаях – через менее формализованные, но не менее действенные механизмы внутрикорпоративной этики, корпоративной культуры и т. д. Интересно отметить, что затраты на формирование данной сети являются определенной функцией от характера внешнего окружения подобной «метакорпорации». Они весьма высоки в случае, если альтернативные механизмы (например, развитый рынок) обеспечивают соблюдение интересов участников и для них ценным является сохранение «рыночной свободы». Напротив, ценность этой же свободы с точки зрения отдельного участника, снижается в условиях высокой неопределенности, когда и на первый план выходит стремление к минимизации риска. Субъект социально-экономических отношений готов пожертвовать частью своей рыночной свободы, получая взамен право распределять свои риски в рамках корпоративных отношений. Проще говоря, в этих условиях растет ценность «правил общежития», готовность участвовать в их разработке и готовность соблюдать эти правила.

Приведенные рассуждения позволяют сформулировать следующие логические соответствия или аналогии. Формат рыночных отношений, или «рынок» в терминологии теории фирмы, соответствует «аутсайдерской модели», в то время как формат «сеть» в значительной мере аналогична «инсайдерской модели» корпоративного управления. Одновременно возникает вопрос о том, какой модели в системе корпоративного управления в таком случае соответствует формат «иерархия». Некая система рассуждений позволяет предложить ответ на данный вопрос. Для этого достаточно рассмотреть те условия, при которых с точки зрения теории транзакционных издержек форматом организации бизнеса становится «иерархическая структура», или «иерархия». Определяющим, очевидно, является достижение такого уровня неопределенности и риска, при котором даже сетевое взаимодействие участников уже не способно обеспечить управляемость системой социальных и экономических отношений. Единственным субъектом, способным организовать и обеспечивать вовлечение ресурсов в процесс воспроизводства, становится такой институт, как государство. В результате мы имеем дело с принципиально иной концепцией корпорации.

С одной стороны, ее нельзя представить как механизм объединения финансовых ресурсов (аутсайдерская модель), в котором возникает проблема отчуждения права распоряжения этими ресурсами и классическая проблема оппортунизма менеджеров. Действительно, в государственной корпорации и собственником ресурсов, и субъектом, принимающим решения по распоряжению этими ресурсами, является одно лицо – государство.

С другой стороны, эту же корпорацию нельзя представить и как систему взаимного согласования интересов отдельных участников (инсайдерская модель). Все возможное множество локальных интересов обобщено в понятии «государственный интерес».

Таким образом, в ней очевидным образом устранены сами проблемы, на преодоление которых ориентированы две классические модели корпоративного управления, соответственно оппортунизм менеджеров и контролирующих собственников. Можно ли в этом случае считать, что модель государственной корпорации лишена проблем в сфере корпоративного управления? Пожалуй, нет, и об этом достаточно красноречиво свидетельствует практика функционирования отечественных госкорпораций, которые демонстрируют низкую экономическую эффективность, избыточные и неоправданные издержки, а порой и откровенные примеры злоупотреблений и коррупции.

Данные проблемы позволяют предположить, что отсутствие оппортунизма в конструкции государственной корпорации является лишь мнимым, а его опасность заключает-

ся в отсутствии надлежащих механизмов как диагностирования, так и преодоления. Действительно, для государственной корпорации полностью исключен такой механизм диагностирования избыточных транзакционных издержек и мотивации к их снижению, как рыночные показатели эффективности (аутсайдерская модель). С другой стороны, в этой корпорации отсутствуют внутренние «горизонтальные» механизмы сдержек и противовесов, которые в значительной мере обеспечивают, в том числе, «защиту от дурака» (инсайдерская модель). Вертикальные, выстроенные, как правило, по схеме жесткой иерархии управленческие механизмы позволяют быстро транслировать решения, даже если они основаны на недостаточной или некачественной информации. Таким образом, эффективность государственной корпорации зависит в первую очередь от качества государственных и общественных институтов, которые должны в этом случае обеспечивать как целеполагание, так и контроль ее деятельности.

Высказанные замечания относительно моделей корпоративного управления можно представить в традиционной для теории транзакционных издержек форме (рис. 1).

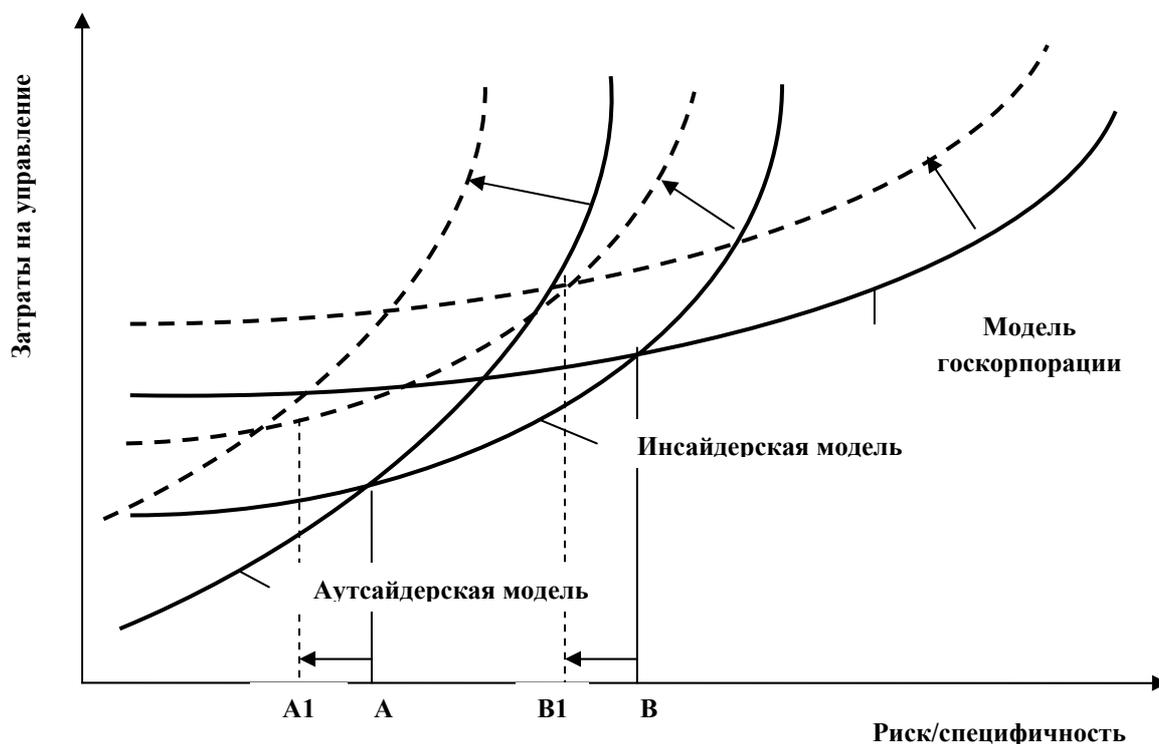

Рис. 1. Затраты на управление в моделях корпоративного управления

Как мы видим, в случае ограниченной специфичности факторов производства (труд, капитал и пр.) наименьшие издержки управления демонстрирует «аутсайдерская модель». Это легко объяснимо, поскольку низкие издержки транзакций между экономическими агентами создают оптимальные условия для развития эффективного рынка, что, в свою очередь (как было показано выше), критически важно для эффективного корпоративного управления по аутсайдерской модели.

Инсайдерская модель в этих же условиях демонстрирует несколько более высокие издержки на управление. Это обстоятельство можно объяснить, и достаточно просто, на следующих примерах. Представим себе рядового инвестора, который находится в состоянии выбора: приобрести акции корпорации А (аутсайдерская модель) или акции корпорации I (инсайдерская модель). Приобретая участие в корпорации А, инвестор может быть уверен, что правильно выстроенная аутсайдерская модель управления будет ориентирована на достижение высоких рыночных показателей. Более того, если ожидания рыночного успеха не будут оправданы, инвестор может с минимальными транзакционными издержками реинвестировать свой капитал. Все это в гораздо меньшей степени будет характерно для корпорации I. Теперь инвестор приобретает долю в корпорации, которая

ориентирована на достижение как его интересов, так и интересов широкого круга других участников. Это тоже может привести к рыночному успеху, но с несколько меньшей вероятностью – ведь сугубо рыночные показатели, особенно в краткосрочной перспективе, не являются доминантой для инсайдерской модели. В результате, даже при прочих равных условиях, инвестиции в корпорацию I представляются инвестору как более рискованные, и он будет требовать в данном случае большей отдачи на капитал (например, через повышенную норму дивидендных выплат). Последнее является той платой, которую экономический агент (инвестор) потребует за свой «отказ от рынка». Аналогичные рассуждения можно привести и для других категорий экономических агентов, для которых инсайдерская модель предлагает своеобразную защиту от внешнего окружения, но это окружение в данных условиях не является угрожающим.

Наконец, модель управления государственной корпорацией. Как мы видим, в данном случае издержки на управление являются наиболее значительными, поскольку, как было показано выше, отсутствуют сдерживающие внешние механизмы рыночного контроля или внутренние механизмы согласования интересов.

Картина начинает меняться по мере увеличения неоднородности или специфичности факторов производства. Издержки на управление, как видно на рис. 1, растут по всем трем анализируемым моделям, но растут с различным темпом. Наибольший темп роста демонстрирует аутсайдерская модель, и вот по каким причинам. Владелец ресурса, а теперь это уже достаточно специфический ресурс, с большим предубеждением будет относиться к аутсайдерской модели. Представим в качестве такого агента инвестора, но теперь уже видимо не рядового, а достаточно специфичного, например крупного. Владение специфичным ресурсом предполагает желание реализации соответствующей квазиренды. Однако в случае аутсайдерской модели это желание будет самым серьезным образом ограничиваться. Дело в том, что данная модель ориентирована на сугубо рыночные показатели, а это значит, что при изменении рыночной ситуации сохранение квазиренды ничем не гарантируется. Как следствие, на практике будет иметь место стремительный рост внутрикорпоративных конфликтов и издержек управления.

Инсайдерская модель в этом случае становится несколько более предпочтительной для владельца специфического ресурса. Модель корпоративного управления в этом случае предполагает достаточно стабильное сохранение статус-кво между интересами участников. Это значит, что сложившаяся система отношений, закреплённая внутрикорпоративными нормами и правилами, обеспечивает владельцам специфических активов большую уверенность в сохранении своих квазиренд. Можно это рассмотреть и с другой точки зрения. «Выход» из корпорации со специфическим ресурсом будет означать для его владельца гарантированную потерю квазиренды. В то же время сохранение своего положения в корпорации, принятие сложившихся «правил игры» позволяют рассчитывать на сохранение квазиренды.

Как следствие, при достижении определенного уровня специфичности ресурсов издержки управления корпорацией по варианту аутсайдерской модели сравниваются (точка А на рис. 1), а затем и начинают превосходить соответствующие издержки инсайдерской модели. Это означает не что иное, как естественную границу рационального применения аутсайдерской модели. На всем остальном поле выбор остается лишь за инсайдерской моделью и моделью государственной корпорации.

Решение дилеммы выбора между оставшимися вариантами лежит также в плоскости анализа функции издержек управления. Рост издержек управления по варианту инсайдерской модели в определенный момент начинает стремительно расти, поскольку внутренние процедуры согласования уже не справляются с нарастающей специфичностью владельцев ресурсов (рост конфликтов) или требуют своего дальнейшего усложнения, что в обоих случаях означает не что иное, как рост издержек управления. Иначе проявляются издержки управления в случае модели государственной корпорацией: они практически не растут по мере усложнения факторов производства и роста внешней неопределенности. Используя весьма образное сравнение, можно сказать, что модель государственной корпорации с самого рождения инфицирована всеми возможными болезнями, что никакое дополнительное ухудшение внешней обстановки не может существенно повлиять на ее самочувствие. В результате, на рис. 1 мы наблюдаем точку В – границу естественного ог-

раничения инсайдерской модели корпоративного управления, за которой начинается безраздельное господство института государственной корпорации.

В заключение рассмотрим реализацию и взаиморасположение моделей корпоративного управления в современных российских условиях, которые дают обширный материал для исследования всех трех базовых моделей.

Аутсайдерская модель корпоративного управления, в своем классическом варианте, должна обеспечивать не только преодоление оппортунизма менеджеров, но и учет интересов стейкхолдеров. Ключевым фактором являются низкие транзакционные издержки внешнего окружения. Иными словами, развитые рынки, которые позволяют запустить механизм снижения внутренних издержек управления. К сожалению, в современных российских условиях компания, реализующая аутсайдерскую модель, вынуждена нести дополнительные издержки, являющиеся платой за недостаточное развитие институтов. В качестве примера можно привести слабую защиту собственности, что приводит к прямым издержкам компании на создание внутренней системы контрмер по отслеживанию внешних угроз и компенсационных механизмов. Величина этих издержек особенно значительна, поскольку аутсайдерская модель ориентирована на рыночные механизмы защиты от враждебных поглощений («выше рыночная эффективность – ниже угроза поглощения») и не приспособлена к нетрадиционным формам корпоративных захватов. Снижение рыночной эффективности, в свою очередь, приводит к сбою рыночных сигналов для менеджеров корпорации и для ее собственников, что отражается в росте издержек управления и смещению соответствующего графика на рис. 1 влево и вверх.

Инсайдерская модель корпоративного управления в своем российском варианте на первый взгляд находится в более выигрышном положении, поскольку она в гораздо меньшей степени ориентирована на рыночные аспекты управления. Однако отсутствие внутренних прозрачных механизмов согласования интересов широкого круга стейкхолдеров, в том числе государства, и интересов владельцев корпорации позволяет последним извлекать избыточную квазиренду из своего положения. В результате – рост издержек управления и аналогичное смещение соответствующего графика на рис. 1.

Модель государственной корпорации, которая стала неотъемлемой частью российской практики последних лет, также демонстрирует рост издержек управления (см. рис. 1). Причины разнообразны, и в самом общем виде могут быть охарактеризованы как отсутствие гражданских или слабое развитие государственных институтов контроля.

В результате возникает достаточно интересная с точки зрения теории транзакционных издержек, но вполне объяснимая с точки зрения институционального подхода картина смещения моделей корпоративного управления. Во-первых, следует отметить стагнирующее положение аутсайдерской модели. Сразу отметим, что речь в этом случае не о тех имитациях данной модели, которые демонстрируют большинство публичных российских компаний. Наличие атрибутов инсайдерской модели (независимые директора, комитеты совета директоров и т. д.) в подобных случаях лишь прикрывает тот или иной вариант инсайдерской модели. Во-вторых, собственно инсайдерская модель корпоративного управления, которую практикуют большинство российских, во всяком случае приватизированных, предприятий, активно выдавливается форматом государственной корпорации.

Складывающиеся тенденции закономерным образом отражают стремление экономических агентов минимизировать внутренние издержки, выбирая наиболее подходящий формат корпорации и соответствующую модель управления. Однако вектор, который определяет характер данных издержек, лежит в сфере макроэкономики, а точнее, в сфере социально-экономических отношений. Именно отсутствие или слабое развитие институтов этих отношений приводит к негативным деформациям в корпоративной экономике современной России, сужает разнообразие и конкурентность форм корпоративных объединений, а в целом – гибкость и конкурентность национальной экономики.

УДК 339.138

Хмелькова Н. В.

канд. экон. наук, доцент, завкафедрой экономики
и информатизации Гуманитарного университета

Natal'ya V. Khmelkova

Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of Economics and Informatization Chair,
Applied Informatics Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К
ВЫБОРУ ОРГАНИЗАЦИИ-ПАРТНЕРА
ДЛЯ КО-БРЕНДИНГА**

**METHODOLOGICAL APPROACH TO
THE SELECTION OF CO-BRANDING
PARTNER ORGANIZATION**

Аннотация

Рассмотрен методологический подход, базирующийся на авторской концепции выбора партнера для ко-брендинга на основе оценки соответствия брендов организаций в стратегическом маркетинговом альянсе. Выделены модели конгруэнтного и неконгруэнтного ко-брендинга, раскрывается логика выбора партнера для заключения альянса в зависимости от стратегических целей организации по развитию бизнеса. Предложено понятие оптимальной когнитивной дистанции брендов в стратегическом маркетинговом альянсе, обосновывающее авторскую точку зрения на влияние соответствия брендов на результаты ко-брендинга. Авторский подход способствует развитию теории и практики ко-брендинга в направлении роста эффективности маркетингового сотрудничества организаций.

Ключевые слова: стратегический маркетинговый альянс, ко-брендинг, воспринимаемое соответствие брендов, конгруэнтный ко-брендинг, неконгруэнтный ко-брендинг, когнитивная дистанция брендов.

Abstract

Methodological approach, based on the author's concept of choosing a partner for co-branding based on the evaluation of compliance of brands of the organizations in strategic marketing alliance is considered. Models of congruent and incongruent co-branding are selected. Logic of a choice of the partner for an alliance, based on the strategic goals of the organization in business development is opened. Concept of an optimum cognitive distance of brands in the strategic marketing alliance, proving the author's point of view on influence of compliance of brands on results of co-branding is suggested. Author's approach promote the development of theory and practice of co-branding in the direction of increasing the effectiveness of marketing cooperation of the organizations.

Keywords: strategic marketing alliance, co-branding, perceived fit of brands, congruent co-branding, incongruent co-branding, cognitive distance of brands.

Современный этап развития рынка характеризуется трансформацией природы взаимодействий между организациями, выражающейся в переходе от антагонизма конкуренции и кооперации к кооперенции или конкурентному сотрудничеству, находящему институциональное воплощение в стратегических альянсах как форме хозяйственной интеграции.

Усиление стратегического значения кооперенции в маркетинговой сфере обуславливает возникновение многообразия стратегических маркетинговых альянсов, охватывающих различные элементы и уровни маркетинговой деятельности. В их числе стратегические альянсы, основанные на **ко-брендинге** – объединении брендов организаций в одном товарном предложении, обеспечивающем координацию действий партнеров по созданию более высокой потребительской ценности в сравнении с ситуацией продвижения товаров под одним брендом.

Как показывают исследования, число товаров, предлагаемых потребителям под совместными брендами, в последние годы неуклонно увеличивается, однако по существующей статистике до 70 % заключаемых маркетинговых альянсов не достигает поставленных целей, что позволяет судить о неоднозначности вопроса об их эффективности. Как утверждает в этой связи М. Линдстром, совместный брендинг может показаться простым, однако даже альянс признанных брендов не гарантирует, что их партнерство будет разви-

ваться как успешный союз. Главную причину как успеха, так и неудачи ко-брендинга он видит в том, что потребитель в отдельности может хорошо знать и понимать каждый из брендов, вовлеченных в партнерство, однако ко-брендинг предполагает необходимость их восприятия как единого целого [1. С. 140–142]. При этом, как справедливо отмечает Т. Гэд, каждый бренд представляет собственные ценности и точки зрения, являясь носителем уникального бренд-кода [2. С. 200].

Относительно невысокая эффективность практической реализации потенциала, заложенного в маркетинговом взаимодействии организаций, обуславливает выдвижение в качестве центральной темы научных исследований ко-брендинга проблемы выбора «правильного» партнера для заключения стратегического маркетингового альянса [3]. Такую постановку вопроса можно найти, например, у Т. Гэда, утверждающего, что «любой бренд только выигрывает от взаимодействия с правильными вещами в правильном окружении и с правильными людьми» [2. С. 227]. Д. Аакер также указывает на зависимость результатов ко-брендинга от выбора «правильного» партнера, отмечая, что «проблема совместного брендинга заключается в подборе подходящих друг другу брендов, а также поиске путей совместной работы двух организаций с двумя разными системами и культурами» [4]. Исходя из этого, в данной статье автором представлена методология выбора «правильного» партнера для ко-брендинга, основанная на оценке соответствия (сходства/различия) брендов сторон, образующих стратегический маркетинговый альянс. Разработанный подход нацелен на решение проблемы повышения эффективности межорганизационного маркетингового сотрудничества. Термин «правильный» в рассматриваемом контексте используется в лексическом значении данного слова, означающем в русском языке «такой, как нужно, соответствующий действительным потребностям, приводящий к нужным результатам» [5].

Концепция выбора партнера для ко-брендинга на основе соответствия брендов в стратегическом маркетинговом альянсе. Предлагаемая нами методология выбора организации-партнера для ко-брендинга основана на авторской концепции соответствия брендов в альянсе, представленной в виде структурно-логической схемы на рис. 1.

Ее отправной точкой выступают представления о целях в сфере развития брендов и задачах их позиционирования, которые организации предполагают реализовывать посредством ко-брендинга. Они, в нашем понимании, обусловлены спецификой той бизнес-среды, в которой приходится действовать хозяйствующим субъектам в современных условиях рынка. В последние десятилетия ее отличает неинкрементальный, прерывистый характер, когда изменения должны вноситься «без оглядки на прототип» [6].

Рис. 1. Концепция соответствия брендов в альянсе для выбора партнера для ко-брендинга

Ж. Н. Капферер отмечает, что в этой связи перед организациями постоянно возникает один и тот же вопрос: должны ли бренды быть ориентированы на уже имеющихся клиентов или следует заботиться о тех покупателях, которые будут приобретать ее продукцию завтра? В конечном итоге, он заявляет о необходимости делать и то и другое, называя данный принцип «**двойным управлением**» и указывая, что бренд-менеджмент необходимо уподобить маятнику, качающемуся от полюса «единообразия» и усиления существующего восприятия бренда к полюсу его «многообразия», динамизма и диверсификации [7. С. 162, 201, 204].

Следование логике двойного управления предполагает учет того, что бренд формируется и «оттачивается» на протяжении всего срока присутствия компании на рынке. «Хороший» бренд «живет» в ее культуре и ценностях, обретая в условиях постиндустриальной экономики характер интегратора многих важных бизнес-процессов. Поэтому, приступая к «разрушению» существующих представлений о бренде, организации следует помнить, что в его развитии должны сохраняться постоянство и преемственность, а результатом эволюции являться усиление основных ценностей и атрибутов, способствующих формированию отличительных особенностей и четкой идентификации организации ее потребителями. Как замечает Т. Гэд, товары появляются и исчезают с возрастающей скоростью, но бренд остается [2. С. 200].

При этом одновременно бренд должен меняться под влиянием трансформации вкусов, моды и стиля жизни потребителей, чтобы сохранять свою актуальность на длительном отрезке времени. В итоге единство стабильности и динамизма в развитии бизнеса должно обеспечить, с одной стороны, сохранение оригинального, узнаваемого лица организации, а с другой стороны, дать ей возможность следования за изменениями, диктуемыми временем [8]. К. Кристенсен в своей известной и влиятельной работе «Дилемма инноватора» («*The Innovator's Dilemma*») обосновывает в связи с этим существование двух типов инноваций, названных им «поддерживающими» (*sustaining innovations*) и «разрушительными» (*destructive innovations*). Согласно подходу Кристенсена, первые должны обеспечивать эволюционные изменения на уже существующих рынках организации, улучшать ее продукты или услуги по тем параметрам, которые уже признаны потребителями. Вторые – заметно менять траекторию развития бизнеса, создавать новые товары и рынки, что нередко приводит к их негативному восприятию фактическими клиентами организации, но вместе с тем обеспечивает движение вперед и «прорывной» характер инноваций [9].

Тезис о диалектическом характере эволюции и структуры брендов, сочетающем в себе элементы стабильности и динамизма, мы рассматриваем в качестве исходной методологической предпосылки для дальнейшего проектирования процесса выбора партнера для ко-брендинга. В свою очередь, его использование в рамках предлагаемого нами методологического подхода позволяет при выборе организации-партнера одновременно учитывать требования как существующих клиентов организации, так и тех, кто будет приобретать ее продукцию завтра.

Опираясь на такое понимание, мы критически оценили те подходы к решению рассматриваемого вопроса, которые на сегодняшний день сложились в теории ко-брендинга. По нашему мнению, они отличаются односторонним взглядом на проблему выбора «правильного» партнера для заключения стратегического маркетингового альянса, ее рассмотрением исключительно с позиции сходства брендов, объединившихся в альянс, при практически полном игнорировании аспекта, связанного с изучением влияния различий брендов на результаты ко-брендинга. В нашей концепции в дальнейшем они будут рассматриваться как потенциальный источник трансформации существующих представлений о брендах в рамках «разрушительных» инноваций.

Проведенный нами анализ литературы по данному вопросу показал, что роль единственного методологического основания для выбора партнера по ко-брендингу все эти годы играет парадигма «**воспринимаемого соответствия**», разработанная Д. Аакером и К. Л. Келлером, для расширений брендов и ставшая доминирующей научной идеей в ко-брендинге на текущем отрезке времени. Ее суть заключается в рассмотрении отношения потребителей к расширениям брендов как функции их субъективного восприятия степени

близости прототипичной категории для бренда¹ и той продуктовой категории, на которую он предполагает расширяться. Парадигма Аакера–Келлера, ставшая, по утверждению Ж.-Н. Капферера первым шагом к пониманию брендов, оказала значительное влияние на исследователей ко-брендинга, «перенесших» ее на стратегические маркетинговые альянсы и утверждавших, что партнеры в них должны объединяться исключительно исходя из критерия высокого уровня воспринимаемого соответствия их брендов, то есть относиться к одной или близким продуктовым категориям [7. С. 240].

Одними из первых в середине 90-х годов прошлого столетия к проблеме соответствия партнеров в рамках ко-брендинга обратились К. Ван Парк и его коллеги, предложившие понятие «**комплементарности**» (взаимодополняемости) брендов. Сторонники концепции «комплементарности» считали, что главным в успешном альянсе брендов является наличие между марками логической взаимодополняемости, что позволяет посредством ко-бренда максимизировать преимущества и минимизировать недостатки каждой из них [10]. Опираясь на исследование Ван Парка и его коллег, Б. Симонин и Дж. Рут [11] на рубеже XX и XXI веков расширили понятие «комплементарность» до более глобальной категории – «**воспринимаемое соответствие**» (*perceived fit*) брендов. Они также ввели термины «**соответствие брендов**» (*brand fit*) и «**соответствие продуктов**» (*product fit*), предложив рассматривать потребительскую оценку совместного брендинга организаций как функцию воспринимаемого соответствия их брендов. Соответствие брендов было определено ими как согласованность (сходство) имиджа брендов, а соответствие (сходство) продуктов – как связь продуктовых категорий, которые представляют марки, объединившиеся в альянс². Несмотря на мнение отдельных авторов о спорности такого разделения, подобное представление о соответствии брендов как би-пространственной концепции, отражающей связь между ними в терминах физических атрибутов и терминах имиджа, закрепилось в современной литературе по ко-брендингу.

Закономерным результатом пристального внимания научного сообщества к феномену влияния воспринимаемого соответствия на потребительское отношение к совместным брендам стал поиск глубинных причин, обуславливающих важность связей, существующих между брендами, для заключения успешного стратегического маркетингового альянса. В процессе поиска решения данной задачи исследователи ко-брендинга пришли к парадигме конгруэнтности как методологической основе выбора «правильного» партнера для заключения альянса [12]. На сегодняшний день сущность взаимодействий брендов в рамках альянсов принято раскрывать через категории «**конгруэнтность**» (*congruence*) /«**неконгруэнтность**» (*incongruence*).

Одно из классических пониманий конгруэнтности принадлежит Дж. Мандлеру, определившему ее как степень, в которой атрибуты, ассоциирующиеся с данным объектом, корреспондируют с уже существующими в сознании человека представлениями об объекте или его когнитивной схемой [13].

Теория схематизации исходит из предположения, что человек обладает определенными знаниями о чем-либо, приобретаемыми в процессе социализации, которые с течением времени складываются в определенные схемы. То есть, сталкиваясь с некоторой жизненной ситуацией, человек, как правило, уже имеет схематические представления об объекте и алгоритме поведения и стремится действовать в соответствии с ними, в особенности, если они доказали свою состоятельность в прошлом. Как отмечают Б. Льюис и Л. Портер [14], схемы организуют восприятие объекта, организуя ожидания в отношении него. Поэтому сторонники парадигмы конгруэнтности полагают, что под влиянием рекламы и в процессе опробования товаров и услуг в сознании потребителя возникают устойчивые структуры – «схемы продуктов» и «схемы брендов», которые по мере формирования начинают влиять на его суждения о товаре. Схемы брендов выступают субординированным уровнем схем продуктов и, как правило, содержат в себе основные черты тех из них, которые являются для брендов прототипичными.

¹ Прототип или флагман – это продукт, ассоциирующийся у большей части представителей целевого сегмента с данным брендом.

² В отличие от расширений брендов, где под соответствием понимается связь между прототипичной продуктовой категорией бренда и продуктовой категорией его расширения.

Понятие когнитивной схемы (*schemata*), или прототипа, является краеугольным камнем представлений о конгруэнтности, поскольку уровень соответствия может быть определен лишь по отношению к тем представлениям, которые уже сформированы. Применительно к ко-брендингу это означает, что к моменту заключения альянса в сознании потребителя уже существуют представления о брендах. Заключение альянса активирует существующие в его памяти схемы продуктов и брендов, и потребителю необходимо воспринять тот факт, что два бренда действуют на рынке совместно, и оценить, имеет ли альянс объединившихся компаний какой-либо смысл с точки зрения уже существующих у него представлений.

Таким образом, мы видим, что рассмотрение высокого уровня воспринимаемого соответствия в качестве обязательного условия для выбора партнера по совместному брендингу получило в литературе характер устоявшейся традиции. Это привело к тому, что изучение ко-брендинга все эти годы велось лишь в русле исследований альянсов организаций, работающих в рамках аналогичных, близких или взаимодополняющих областей бизнеса. При этом инновационные альянсы организаций, представляющих различные рынки и сферы деятельности, оставались вне рамок проводимых исследований, априори рассматриваясь большинством авторов как неэффективные и даже угрожающие для капитала ко-бренда.

Вместе с тем, как представляется ясным из анализа, проведенного выше, противоречивый характер внешнего окружения, в котором действует современный бизнес, требует инновационности в развитии брендов и, как следствие, формирует потребность в заключении альянсов с партнерами не только из «родственных» для организации сфер, но и отдаленных рынков. Поэтому парадигма воспринимаемого соответствия и конгруэнтности, являющаяся мейнстримом для теории ко-брендинга, в текущем тысячелетии, характеризуемом сверхдинамичными и турбулентными трансформациями внешней среды, становится излишне узкой и консервативной и теряет свою актуальность. Мы полагаем, что ее монополия и дальнейшее применение в качестве единственного основания для выбора партнеров по альянсу будет существенно обеднять представления о стратегическом потенциале роста и развития марки, который может быть реализован благодаря ее объединению с другими брендами. Более того, как следует из анализа эластичности бренда, экспансия в «близкие» для организации рыночные сегменты может быть эффективно реализована и в рамках традиционных расширений. Для этого не обязательно прибегать к ко-брендингу, хотя он также может быть использован в качестве одного из возможных вариантов рыночных действий. При этом особое стратегическое значение ко-брендинг приобретает в том случае, когда возникает потребность в расширении границ бренда для успешного осуществления «отдаленных» расширений или «разрушительных» для привычного восприятия бренда инноваций.

Исходя из этого, разработанная нами концепция нацелена на «снятие» возникшего методологического противоречия, преодоление «разрыва» между наличным состоянием теории и потребностями реальной практики. Решение данной задачи мы видим в расширении представлений о моделях ко-брендинга и принципах выбора «правильного» партнера для заключения стратегического маркетингового альянса за пределы границ парадигмы «воспринимаемого соответствия» и конгруэнтности.

Модели ко-брендинга и принципы выбора организации-партнера с учетом степени соответствия брендов в стратегическом маркетинговом альянсе. Мы предлагаем выделить в ко-брендинге не одну, как предписывает парадигма воспринимаемого соответствия, а две равнозначные модели стратегического маркетингового альянса, каждая из которых может выбираться объединяющимися организациями в зависимости от целей развития брендов и задач позиционирования, которые они преследуют на рассматриваемом временном отрезке:

1. Конгруэнтный ко-брендинг, заключение которого *соответствует ожиданиям потребителя и логично развивает то позиционирование брендов объединившихся организаций, которое уже существует в его сознании к моменту возникновения альянса.* Примером конгруэнтного ко-брендинга, к примеру, может служить альянс Adidas с действующим чемпионом мира по футболу командой Испании, для которой немецкий производитель делает спортивную экипировку. Соответственно, при конгруэнтном ко-брендинге у потребителя не будет возникать потребности в длительной процедуре обработки

(*processing*) новой информации о брендах, заключенной в альянсе, поскольку она не создает угрозы «размывания» уже сложившихся у него когнитивных схем.

2. Неконгруэнтный ко-брендинг, предполагающий объединение брендов организаций, альянс которых не вписывается в привычные ожидания потребителя, «ломает» его сложившиеся представления и формирует новое позиционирование брендов. Неконгруэнтным ко-брендингом мы считаем, к примеру, альянс Adidas и Nissan, представивших в 2005 году на автосалоне в Токио концепт-кар с ярким спортивным оформлением Nissan Note Inspired by Adidas, метко названный посетителями одного из форумов в сети Интернет «кроссовком»³. Таким образом, особенностью неконгруэнтного ко-брендинга является высокая, подчас экстремальная, степень неоднородности состава его участников по критерию продуктовой категории, отрасли, секториальной принадлежности и/или представляемого региона. Закономерно, что в этом случае потребителю приходится активно размышлять над новой информацией, решая, игнорировать или принимать ее во внимание, поскольку, если информация, выходящая за рамки привычных понятий, будет принята, стереотипные представления о брендах должны претерпеть изменения.

Предлагаемые определения разработаны нами на основе известного подхода С. Хеклера и Т. Чайлдера [15], предложивших би-пространственный взгляд на конгруэнтность как единство «ожиданий» (*expectancy congruence*) и «релевантности» (*relevancy congruence*).

Ожидания, в их трактовке, представляют суждения людей относительно развития событий в будущем в зависимости от существующих в их сознании устоявшихся представлений. С этой точки зрения уровень конгруэнтности определяется тем, насколько новая информация о событиях и объектах «укладывается» в уже сформировавшуюся у человека «картину мира».

Релевантность означает наличие во взаимодействиях различных объектов определенной логики, позволяющей установить между ними соответствие посредством ассоциаций. В этом смысле, конгруэнтность зависит от того, насколько новая информация, заключенная в стимулах⁴, способствует «закреплению» уже существующих когнитивных схем либо создает угрозы для их «размывания».

В нижеследующей таблице отражена разработанная нами система характеристик, включающая принципы выбора партнера для заключения альянса, позволяющая уточнить сущность различий двух моделей ко-брендинга. Как видно из таблицы, в нашем понимании, конгруэнтные маркетинговые альянсы нацелены на «закрепление» того позиционирования, которое уже сформировалось у брендов к моменту заключения альянса, а неконгруэнтные – являются инструментом, с помощью которого в бренды могут быть инкорпорированы «разрушительные» инновации.

Новизна предлагаемой нами концепции состоит в том, что впервые признается возможность выбора «правильного» партнера для ко-брендинга, не только исходя из соображений высокого воспринимаемого соответствия брендов объединяющихся организаций. Для реализации «разрушительных» инноваций организациям, напротив, необходимо объединяться с партнерами, союз с которыми не будет соответствовать привычным для потребителей ожиданиям, что в случае успеха обеспечит формирование новых стереотипов восприятия брендов.

³ <http://news.drom.ru/Nissan-Note-Inspired-by-Adidas-6292.html>

⁴ Другие события, объекты и люди, активизирующие существующие в памяти когнитивные схемы.

Конгруэнтный и неконгруэнтный ко-брендинг (сравнительная характеристика)

Характеристики	Модели	
	Конгруэнтный ко-брендинг	Неконгруэнтный ко-брендинг
Цель	Укрепление бренда	Диверсификация бренда
Партнеры	Из одинаковых или близких продуктовых категорий/секторов/отраслей/регионов	Из далеких продуктовых категорий/секторов/отраслей/регионов
Целевая аудитория	Существующие потребители	Существующие и новые потребители
Маркетинговый эффект	Укрепление сложившихся у потребителей представлений о брендах	Трансформация сложившихся у потребителей представлений о брендах
Характер влияния на бренд	«Поддерживающая» инновация	«Разрушительная» инновация
Связь между брендами	Логичная, очевидная, предсказуемая	Нелогичная, неочевидная, непредсказуемая
Принципы выбора «правильного» партнера	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сходство брендов (<i>fit</i>). 2. Укрепление существующего позиционирования. 3. Выбор партнера по альянсу в соответствии с ожиданиями потребителей 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Различия брендов (<i>discrepancy</i>). 2. Формирование нового позиционирования. 3. Выбор партнера по альянсу вразрез с ожиданиями потребителей

Мы считаем, что совместное использование обоих типов ко-брендинга обеспечит существенное расширение стратегических возможностей организаций, что наглядно иллюстрирует проекция выделенных нами моделей ко-брендинга на матрицу корпоративных стратегий роста И. Ансоффа (рис. 2).

Рис. 2. Конгруэнтный и неконгруэнтный ко-брендинг и стратегии роста компании по И. Ансоффу

Большое число неконгруэнтных стратегических маркетинговых альянсов, заключенных организациями в последние годы, наглядно свидетельствует об их стремлении всегда оставаться актуальными, удивлять и интриговать своих потребителей неожиданными шагами и нестандартными решениями. В неконгруэнтном ко-брендинге они ищут потенциал «ниспровержения» границ и «ломки» привычных представлений о своих брендах, что соответствует логике латерального мышления. Однако только потребитель может либо принять, либо отвергнуть предлагаемое ему новое видение на том основании, что взаимоотношения между брендами в альянсе не будут для него прозрачными, понятными или приемлемыми. Это может оказать негативное влияние на капитал создаваемого ко-бренда, что требует более детальной проработки, изучения и анализа проблемы влияния неконгруэнтности брендов объединяющихся организаций на потребительское восприятие предлагаемого им продукта.

Зависимость результативности ко-брендинга от соответствия брендов в стратегическом маркетинговом альянсе. Дж. Мандлер [13] отмечает, что в основе реакции человека на информацию, не соответствующую сложившимся у него когнитивным схемам, лежит попытка примирить ее с существующими представлениями и ассимилировать в них новые данные. Результатом является установление зависимости между степенью неконгруэнтности и оценкой объекта человеком в форме перевернутой U-образной кривой. Мандлер утверждает, что средний уровень неконгруэнтности будет оцениваться человеком более позитивно, чем полное соответствие или экстремальное несоответствие. При умеренной неконгруэнтности потребителю будут требоваться незначительные подвижки в сознании для установления связи между объектами. Поэтому он будет интерпретировать эту ситуацию как «интересную и позитивную», рассматривая ее как процесс обучения. В свою очередь, полная конгруэнтность будет восприниматься потребителями как слишком тривиальная и предсказуемая и, следовательно, не вызывать с их стороны заинтересованного отношения. Что касается ситуации экстремальной неконгруэнтности, то, как полагает Мандлер, ее следует избегать, поскольку она требует от человека наиболее значительных усилий на обработку информации, связанной с установлением связи между объектами и ассимиляцией новых данных, что может спровоцировать психологическое состояние фрустрации и беспомощности, следствием которого станут негативные потребительские оценки. Применительно к ко-брендингу все это означает, что наивысшую оценку следует ожидать в отношении умеренно неконгруэнтного альянса.

Хорошо известно, что значительные разрывы между тем, что потребитель ожидает, и тем, что он фактически получает, является источником потребительской неудовлетворенности и восприятия продукта как низкокачественного. В частности, данный вопрос хорошо разработан в маркетинге услуг в моделях качества услуги (SERVQUAL) и модели «расхождений» (GAP), предложенных А. Парашураманом, В. Зайтамл и Л. Бери [16]. Под «расхождением» понимается ситуация превышения ожиданий над оценкой, полученной в действительности. Соответственно, чем значительнее разрыв, тем выше вероятность того, что потребитель будет разочарован в сделанном им выборе. Только в том случае, когда разрыв отсутствует, потребитель будет считать себя полностью удовлетворенным.

Основываясь на данных положениях, мы включаем в предлагаемую нами концепцию выбора партнера для альянса представления о **когнитивной дистанции**, или когнитивном расстоянии между брендами. В широком смысле слова, когнитивная, или субъективная, дистанция является мысленным представлением субъекта о действительном расстоянии между объектами. Поэтому величина когнитивного расстояния отражает усилия субъекта, которые ему приходится затрачивать на сопряжение или увязывание объектов в единое целое на интуитивном или логическом уровне. Исходя из этого, термин «когнитивная дистанция», если трактовать его достаточно широко, можно использовать для описания самых различных процессов, связанных с формированием стереотипов восприятия и их последующим изменением, не обязательно обусловленных аспектами потребительского поведения.

Большой вклад в изучение данных вопросов внес голландский исследователь Б. Ноотеboom, разработавший «когнитивную теорию фирмы» и предложивший понятие «когнитивной дистанции» для описания неоднородности ресурсов компаний, проистекающей из различия опыта, знаний и компетенций работающих в них сотрудников [17]. Анализируя влияние когнитивной дистанции на уровень инновационной активности в стратегических альянсах, Ноотеboom и его коллеги выявили, что для реализации инноваций необходим высокий уровень неоднородности ресурсов, что позволяет формировать нетривиальные комбинации знаний и организационных способностей. Вместе с тем в условиях значительного уровня неоднородности требуется очень высокий уровень абсорбционных и коммуникационных способностей для преодоления возникающих в процессе взаимной работы противоречий. В итоге был сделан вывод, что существует оптимальная когнитивная дистанция, достаточно большая, чтобы сотрудничающие компании могли извлечь что-то новое из взаимодействия друг с другом, но и достаточно малая, чтобы их работники хорошо понимали друг друга, а взаимосвязь между когнитивной дистанцией и инновационной активностью имеет вид перевернутой U-образной кривой [18. С. 128].

В случае ко-брендинга объектами, разделенными когнитивной дистанцией, выступают бренды объединяющихся в альянс организаций. Как видно, если термин «воспринимаемое соответствие», который в настоящее время используется для оценки соответствия брендов в альянсе, предполагает акцент на степени близости партнеров, отсутствие или минимизацию когнитивного расстояния между ними, предлагаемый нами подход нацелен на поиск оптимального уровня когнитивной дистанции. Она должна обеспечивать потребителям достаточный уровень новизны впечатлений от потребления товара, предлагаемого под ко-брендом, формировать новые стереотипы восприятия, но не требовать при этом высоких когнитивных затрат на установление смысловой связи между брендами.

Исходя из этого, мы выявили зависимость, условно названную нами **«кривая капитала ко-бренда»**, представляющую собой перевернутую U-образную кривую, отражающую динамику ценности ко-бренда для потребителя при различных уровнях неконгруэнтности брендов в альянсе (рис. 3).

Внешний вид кривой мы объясняем одновременным разнонаправленным действием двух эффектов:

«эффекта новизны», предполагающего, что по мере роста неконгруэнтности брендов активизируется внимание и познавательный интерес потребителей к новой информации, связанной с объединением брендов, возникает возможность сопоставить новую информацию с теми знаниями о брендах, которыми потребитель уже обладает, что также является стимулом познавательной активности. Очевидно при этом, что объединение организации с партнером из аналогичной или близкой продуктовой категории/региона/отрасли не будет нести для потребителя существенного объема новой информации;

«эффекта сопряжения», предполагающего, что по мере нарастания неконгруэнтности ко-брендинга связь между брендами будет все более интуитивно и логически непонятной, что сделает их взаимодействие все менее очевидным для потребителя. Как следствие, от него будут требоваться возрастающие когнитивные усилия для увязки брендов в единое целое.

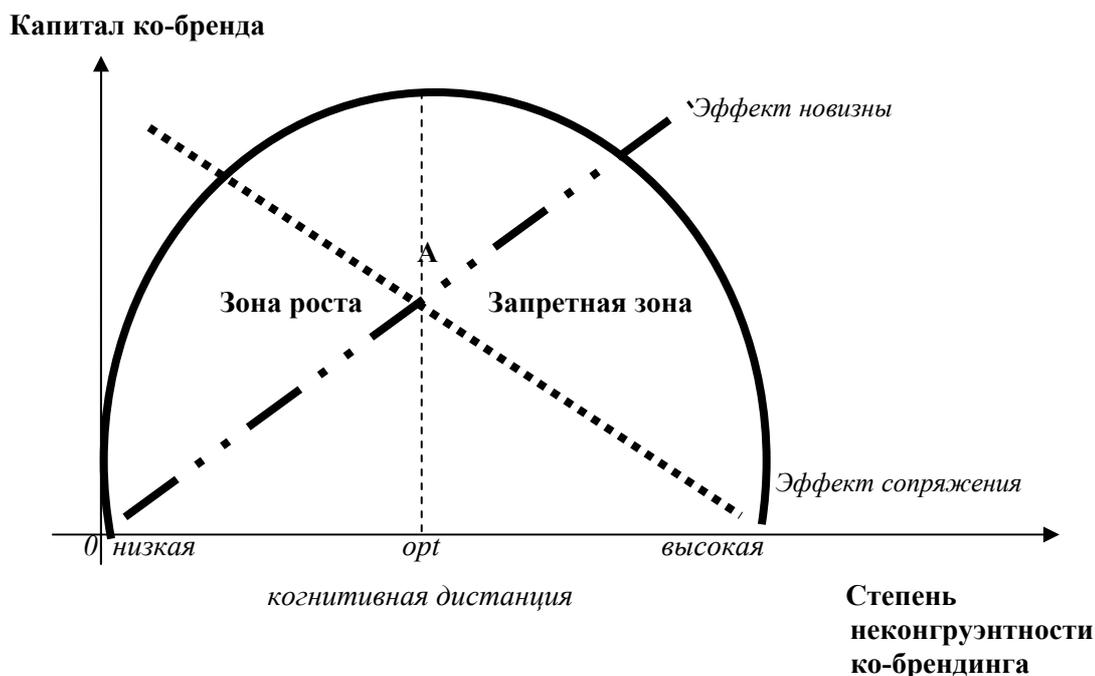

Рис. 3. Кривая капитала ко-бренда

Мы полагаем, что в процессе выбора товара, продвигаемого под совместным брендом, у потребителя будет возникать потребность в особой исследовательской процедуре, связанной с установлением связи между объединяющимися брендами, которые до заключения альянса действовали на рынке самостоятельно. Т. Гэд указывает, что ко-брендинг по своей сути имеет исследовательскую природу, представляя собой новейший способ изучения ценностного ландшафта, который может оказаться общим для многих брендов [2. С. 220, 226].

В итоге может быть определена оптимальная когнитивная дистанция, соответствующая ситуации равновесия, при которой усилия, затрачиваемые потребителем на выбор и оценку ко-бренда, будут полностью компенсироваться ценностью новых впечатлений и ассоциаций, возникающих благодаря объединению брендов организаций в новую для потребителя комбинацию (точка A на рис. 3). В свою очередь, неравновесные ситуации, образованные двумя зонами на графике, названными нами «зоной роста» капитала и, соответственно, «запретной зоной», будут разделяться оптимальной когнитивной дистанцией. В зону роста попадут альянсы с таким уровнем неконгруэнтности, который будет способствовать увеличению капитала ко-бренда. Запретную зону образуют альянсы, являющиеся, с точки зрения потребителей, экстремально неконгруэнтными. Их заключение грозит потерей контроля над имиджем и создает угрозу капиталу ко-бренда. Тогда оптимальная когнитивная дистанция будет соответствовать максимальному уровню капитала ко-бренда, который организации смогут создать за счет ко-брендинга.

Заключение. Организации, планирующие заключение стратегических маркетинговых альянсов, основанных на ко-брендинге, нуждаются в методологии поиска партнеров, обеспечивающих взаимовыгодное маркетинговое сотрудничество [19. С. 157]. Выбор «правильного» партнера по ко-брендингу является ключевым условием успеха его реализации. Практическое применение разработанной нами концепции выбора партнера по ко-брендингу, основанной на анализе стратегических целей организаций по развитию своих брендов в условиях быстроменяющейся бизнес-среды, будет способствовать росту эффективности сотрудничества организаций в маркетинговой сфере. Ее дальнейшее развитие и совершенствование обеспечит увеличение числа успешных стратегических маркетинговых альянсов, основанных на ко-брендинге.

Литература

1. Линдстром М. Бренд + бренд = успех? // Экономические стратегии. – 2006. – № 7. – С. 140–142.
 2. Гэд Т. 4D брэндинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001.
 3. Нao A. W., Hu M., Bruning E. An Examination of Global Brand Alliance Evaluation in a Congruence Paradigm // Proceedings of the Annual Conference of the Administrative Sciences Association of Canada (ASAC). – Niagara Falls, 2009.
 4. Аакер Д. А. Создание сильных брендов. – М. : Изд. дом Гребенникова, 2003.
 5. Толковый словарь русского языка : в 3 т. / ред. Д. Н. Ушаков. – М. : Вече : Мир книги, 2001.
 6. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. – СПб. : Питер, 2003.
 7. Капферер Ж. Н. Бренд навсегда. – М. : Вершина, 2007.
 8. Стратегии развития бизнеса / под ред. Г. Б. Клейнера. – М. : КОНСЭКО, 1998.
 9. Christensen K. The Innovator's Dilemma. – Harvard Business School, 1997.
 10. Park C. W., Jun S. Y., Shocker A. D. Composite Branding Alliances: An Investigation of Extension and Feedback Effects // Journal of Marketing Research. – 1996. Vol. 33. – November. – P. 453–466.
 11. Simonin B. L., Ruth J. A. Is a Company Known by the Company it Keeps? Assessing the Spillover Effects of Brand Alliances on Consumer Brand Attitudes // Journal of Marketing Research. – 1998. – № 35 (February). – P. 30–42.
 12. Tissier-Desbordes E., Jeridi I. Alliances de Marques: Vers une Meilleure Exploration de la Relation Perceptuelle Entre les Marques [Electronic resource]. – Access mode: www.marketing-trends-congress.com/2010.../Jeridi_Tissier_Desbordes.pdf.
 13. Mandler G. The Structure of Value: Accounting for Taste. In M.S. Clark T.T. Fiske (Eds.), Affect and Cognition: The 17th annual Carnegie symposium. – 1982. – P. 3–36.
 14. Lewis B., Porter L. In-Game Advertising Effects: Examining Player Perceptions of Advertising Schema Congruity in a Massively Multiplayer Online Role-Playing Game // Journal of Interactive Advertising. – 2010. – № 10 (2). – P. 46–60.
 15. Heckler S. E., Childers T. L. The Role of Expectancy and Relevancy in Memory for Verbal and Visual Information: What is Incongruity? // Journal of Consumer Research. – 1992. – Vol. 18. – № 1. – P. 475–492.
 16. Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and its Implications for Future Research // Journal of Marketing. – 1985. – № 49. – P. 41–50.
 17. Nooteboom B., Vanhaverbeke W., Duysters G. M., Gilsing V. A., van den Oord A. Optimal Cognitive Distance and Absorptive Capacity. – ECIS working paper 06-01, 2005.
 18. Логачев В. А., Жирнов Е. Е. Знание в новейших теориях фирмы // ЭКО. – 2007. – № 9. – С. 119–134.
- Агеносов А. В., Балашова И. О., Хмелькова Н. В. Инновационные процессы межфирменных взаимодействий в маркетинговых альянсах: проблема выбора партнера // Инновационные процессы и человеческий капитал : материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей (29–30 ноября 2012 г., Екатеринбург). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2012. – С. 155–159.

Раздел 3

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира

- 3.1. История и теория прав человека, правовой и политической культуры
- 3.2. Правовые проблемы становления рыночных отношений в России
- 3.3. Государство, общество, регионы:
политические, правовые и гуманитарные аспекты

История и теория прав человека, правовой и политической культуры

Направление научных исследований в области истории и теории прав человека, правовой и политической культуры – одно из актуальных в условиях современного российского общества. Несмотря на то, что здесь объединены несколько объектов исследования, само это направление является цельным и органичным, так как ключевым моментом в определении политической и правовой культуры является уровень свободы и прав человека в обществе, глубина осознания их политико-правовым сознанием общества и сформированная потребность в их защите, поддержании и развитии различными субъектами формирующегося гражданского общества. В результате получается, что исследовать названные объекты – права человека, политическую и правовую культуру – в отрыве друг от друга невозможно и, по всей видимости, не очень продуктивно.

Исторический аспект необходим для проведения комплексного анализа и моделирования процесса становления и развития российской политической и правовой культуры во всемирно-историческом масштабе, этапов зарождения представлений о правах человека и предпосылок для становления данного феномена в институциональном, политико-правовом контексте нашего общества. В рамках данного направления разрабатывается новая типология политической и правовой культуры с опорой на новые для российской гуманитарной науки методологические основания и ориентиры (персоналистский подход). В контексте мирового политико-правового развития изучается становление и развитие российской политической и правовой культуры, тенденции и перспективы их развития, которые нерасторжимо переплетаются с уровнем и объемом прав и свобод человека, степенью и глубиной их защищенности в условиях российского политического и правового контекста на разных этапах его развития, включая и современность.

Ученые:

д-р юр. наук, профессор, завкафедрой публичного права, декан юр. ф-та Гуманитарного ун-та, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция) А. П. Семитко;

д-р права, руководитель Центра сравнительного правоведения Гуманитарного ун-та Е. П. Криеф (Франция);

д-р полит. наук, профессор, завкафедрой прав человека, руководитель Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного ун-та С. И. Глушкова;

д-р юр. наук, профессор, завкафедрой теории и методологии правоведения С. И. Архипов;

канд. юр. наук, д-р права, завкафедрой европейского права и сравнительного правоведения А. Л. Бурков;

канд. ист. наук, доцент, завкафедрой истории государства и права А. В. Зайков;

канд. юр. наук, доцент С. А. Денисов;

канд. юр. наук, доцент В. А. Муравский;

канд. юр. наук, консультант Свердловского областного суда Г. С. Хайрова;

канд. юр. наук, адвокат Л. М. Чуркина;

канд. юр. наук, консультант аппарата уполномоченного по правам человека в Свердловской области А. В. Деменова.

Правовые проблемы становления рыночных отношений в России

Становление рыночных отношений в России невозможно без развитых правовых форм и институтов. И здесь, прежде всего, необходимо определение предмета, границ, методов и особенно принципов функционирования частного права и его ядра – права гражданского. Это можно добиться с одной стороны на пути разграничения частного права от права публичного, а с другой стороны – на пути определения и уточнения ключевых механизмов и несущих конструкций частного права, в особенности на пути изучения его принципиальных положений и ключевых особенностей. Вмешательство государства в экономическую сферу всегда было и, совершенно очевидно, останется в будущем, поэтому необходимо определение того бесспорного и очевидного частно-правового основания, которое должно быть выдержано и защищено несмотря ни на какие публичные, административно-правовые и тому подобные интересы и ориентиры. Это бесспорное основание

выражается в первую очередь в четких идеях и положениях, которые называют принципами правового регулирования.

Постепенная реализация разработанной несколько лет назад концепции совершенствования и развития гражданского законодательства в части внесения изменений в «экономическую конституцию» России – Гражданский кодекс РФ также показывает, что несмотря на величайшее множество конкретных гражданско-правовых механизмов и соответствующих юридических конструкций, разнообразие которых может быть бесконечным, относительное согласие имеется в области формулирования и закрепления принципов гражданско-правового регулирования имущественных и связанных с ними неимущественных и иных частно-правовых отношений. Однако конкретизация и практическое претворение в ткань правового регулирования рыночных отношений этих принципов требует серьезных научных исследований, так как даже формулировка некоторых принципиальных положений является совершенно новой для российского цивилистического сознания.

Ученые:

д-р юр. наук, профессор УРГЮА и Гуманитарного ун-та, завкафедрой частного права М. Н. Семякин;

канд. юр. наук, начальник ФКУ СО «Государственное юридическое бюро по Свердловской области» Е. С. Резник;

канд. юр. наук, канд. ист. наук, доцент С. Я. Гаген;

канд. юр. наук, доцент С. А. Денисов;

старшие преподаватели А. Ю. Маракунин, В. М. Танаев.

Государство, общество, регионы: политические, правовые и гуманитарные аспекты

Разработка в рамках этой темы комплексных научных проблем, охватывающих наиболее сложные и тонкие сферы общественной жизни – от политики и права до разнообразных проявлений духовно-культурного мира человека, обусловлена их естественной синкретичной слитностью как в общественном и индивидуальном сознании, так и в практическом опыте человечества. В свете этого факта нет ничего более естественного и органичного, чем возможность добиться существенного приращения знаний о современном обществе соединением усилий всех ученых-гуманитариев, работающих в Гуманитарном университете, – историков, социологов, правоведов, политологов, лингвистов, специалистов в области регионоведения и международных отношений. Существует несколько разделяемых гуманитариями принципов, которые существенно облегчают этот творческий альянс. Во-первых, это – верность институциональному подходу, который исходит из того, что в социальном мире ничего не может состояться без отражения в сознании человека и закрепления этой рефлексии в виде правовых и моральных норм, политических учреждений, обычаев, традиций, верований и учений. Во-вторых, это – историзм в понимании истоков, сущности и траекторий развития общественных институтов, феноменов общественного сознания и культуры, который заставляет нас всякий раз помнить о том, что у всех великих свершений современной цивилизации есть не менее великие предшественники. В-третьих, это – признание и принятие плюралистического разнообразия человеческих интересов и субсидиарности тех социальных форм, в которых они реализуются, – проще говоря, понимание того, что государство не тождественно обществу и что само общество представляет собой сложносочиненное единство самых больших общностей и мельчайших корпускул социальности.

В настоящее время, с той или иной степенью привязки к индивидуальным научным интересам, исследования ученых ГУ в рамках данной темы фокусируются на нескольких проблемах:

Феномены национализма, регионализма и другие формы идентичности социальных общностей в их историческом развитии (К. И. Зубков, С. С. Беляков, В. Н. Земцов);

Оптимизация взаимоотношений государства, регионов и локальных сообществ в разрезе права, политики, культуры (К. И. Зубков, О. Г. Бекшенев);

Развитие языка и структур межкультурного взаимодействия в современном глобализирующемся мире (И. Н. Борисова, О. Г. Сидорова).

д-р юр. наук, профессор, декан юридического ф-та, заведующий кафедрой публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург), приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция)

Doctor of Law, Professor, Head of Public Law Chair, Dean of Legal Department, Liberal Arts University/University for the Humanities, Ekaterinburg, Visiting Professor of Paris-Quest University (France)

ПЕРСОНОЦЕНТРИСТСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

THE PERSON – CENTERED APPROACH TO THE LEGAL CULTURE

Аннотация

Анализируются основания персонцентристского подхода к праву и правовой культуре общества, выделяются признаки, которые характеризуют персонцентристский тип правовой культуры.

Ключевые слова: право, правовая культура, тип правовой культуры, персонализм, персонцентристский подход, социцентризм, правовой прогресс.

Abstract

The bases of person in the center as the approach to law and legal culture and attributes which characterize types of legal culture are analyzed.

Keywords: law, legal culture, type of legal culture, personalism, the person in the center approach, sociocentrism, personocentrism, legal progress.

Персонцентристский подход к праву и правовой культуре (правовой системе) есть не что иное, как анализ их через призму личности как высшей ценности, т. е. через призму прав человека. Анализ же права и правовой культуры через призму прав человека позволяет отнести их либо к персонцентристскому либо к противоположному – непсонцентристскому, социцентристскому – типу. Такой подход позволяет выявить основания не только теории правовой культуры и прав человека, но и по-иному «переформатировать» всю теорию права в целом. Под правовой культурой в данной работе мы понимаем обусловленное духовным, социально-политическим и экономическим строем общества качественное состояние его правовой жизни, выражающееся в достигнутом уровне развития правосознания, правовой деятельности, юридических актов и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных социальных групп, всего населения), а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека [1].

Категория «правовая культура» используется для характеристики всей правовой системы страны в целом, но под определенным углом зрения. Поэтому, когда мы говорим о правовой культуре, мы говорим одновременно и о правовой системе, так как первая – это именно и есть вся правовая система, взятая в масштабе ее исторического развития (прогресса) и современного уровня развития с этой точки зрения.

В отличие от анализа иных предельно широких правовых категорий, при исследовании правовой культуры общества основной акцент смещен на изучение уровня развития правовых феноменов в целом, на описание и объяснение правовых ценностей и идеалов, а также имеющихся достижений в правовой сфере, отражающих объем прав и свобод человека и степень его защищенности в данном обществе. Понятие «правовая культура» всегда предполагает оценку «качества» правовой жизни того или иного общества в сравнении, прежде всего, с его идеалами и ценностями, а также и с наиболее развитыми правовыми образцами, где реализованы эти ценности и идеалы. Важнейшим критерием для оценки уровня правовой культуры служит уровень прав и свобод человека и гражданина в данном обществе: каков спектр указанных прав и свобод, каковы гарантии их соблюдения, насколько эффективны механизмы и процедуры их обеспечения и защиты и т. д. Соответственно развитие правовой культуры (правовой прогресс) – это увеличение объема и повышение уровня (а также изменение качества) прав и свобод человека и гражданина

в данном обществе и во всем мире, в конечном счете. В основе такого анализа лежит персоналистская методология, к рассмотрению которой мы сейчас приступаем.

Философская концепция, утверждающая примат человеческой личности по отношению к материальной необходимости и ко всем остальным феноменам цивилизации и культуры, называется персонализмом [2. С. 3].

Истоки такой концепции можно найти уже в античной философии. Так, Протагор утверждал, что человек есть мера всех вещей. Это – краткая и более или менее точная суть данного подхода. Другой исток персоналистической философии – в христианстве. Сolidный фундамент данной методологии в области этики заложен И. Кантом. Сам термин «персонализм» ввел в 1799 г. Шлейермахер [3. С. 605]. Идея активно обсуждалась в немецкой литературе в XIX в., затем – в начале XX в. – Максом Шелером; в это же время в США – основателем Бостонской школы персонализма Б. П. Боуном, а также Эдгаром С. Брайтменом и др. Во Франции эту идею развивали Ш. Ренувье (1815–1903), затем, весьма основательно, Э. Мунье (1905–1950) и Ж. Лакруа (1900–1986 гг.). Большой вклад в персоналистическую философию сделан Н. А. Бердяевым и Л. Шестовым. В российской дореволюционной юридической литературе данный подход в анализе правовых феноменов использовал А. И. Покровский (сам он ссылаясь на немецких юристов – Ласка и Радбруха) и некоторые другие юристы. В советской политико-правовой литературе эту методологию весьма продуктивно использовал А. В. Оболонский в процессе анализа им российской политической истории, позже она была воспринята С. С. Алексеевым, В. М. Шафировым [4], другими авторами. Автор данных строк использовал указанную методологию в своей докторской диссертации (1996 г.) для анализа развития правовой культуры – правового прогресса, критерием которого является уровень правовой защищенности личности, объем прав и свобод человека. Этот критерий был использован и для выделения в истории человечества двух типов правовой культуры (правовой системы) общества – персонцентристского и социцентристского типов, различающихся по их отношению к защите прав и свобод личности [5].

Центральное положение персонализма – это существование свободных и творческих личностей. Ценность человека, человеческой личности выше исторических ценностей могущественного государства и национальности, цветущей цивилизации и т. д. Личность, в соответствии с этой философией, не есть часть и не может быть частью в отношении к какому-либо целому, хотя бы к огромному целому, всему миру. Личность есть микрокосм, целый универсум (Н. А. Бердяев). Личность есть цель в себе, а не средство, она существует через себя. «Понимание человеческой личности как микрокосма противоположно пониманию органическо-иерархическому, которое превращает человека в подчиненную часть целого, общего, универсального. Но личность не есть часть универсума, универсум есть часть личности, ее качества. Таков парадокс персонализма» [6. С. 13]. Личность является не объектом, который можно было бы отделить от мира и изучать извне, но центром (отсюда и название этой философии: персонцентризм как тип цивилизации, культуры и философии), на который должна ориентироваться объективная Вселенная.

В то же самое время индивидуализм – это антипод персонализма и его злейший враг. Личность не может существовать вне общества. Личность существует лишь в той мере, в какой она существует для «другого». Первейшее дело личности заключается в том, чтобы совместно с другими строить общество личностей, где обычаи и образ жизни, общественные структуры и установления соответствовали бы требованиям личностного существования. Общество личностей основывается на ряде оригинальных принципов – таких, как необходимость «выйти за собственные пределы», т. е. отказаться от эгоцентризма, нарциссизма, индивидуализма, необходимость понимать «другого», искать себя в «другом», соединять отличные друг от друга позиции в согласии, а также взять на себя ответственность за судьбу «другого» и быть ему верным, необходимость отдавать, ибо экономика личности не строится на расчете и компенсации, это – экономика дарения (Э. Мунье).

Персонализм стремится к цивилизации, которую можно назвать персоналистской и общностной одновременно, поэтому ошибочно представлять его как антиколлективизм. Персонализм выступает лишь против обществ, закрытых для личности, не способных к персонализации. Он утверждает, что всеобщее нельзя создать, забывая о личности. «Мы не говорим более о свободе человека, мы – сторонники коллективизма и, утверждая это,

мы порываем со вчерашним миром. Суверенность внутреннего мира личности здесь никак не оспаривается» [7. С. 81].

Одна из ключевых идей персонализма – это мысль о единстве человечества: род человеческий имеет свою историю и коллективную судьбу, которую ни один индивид не в состоянии избежать. Эта идея вышла из христианства, воспринята Просвещением, марксизмом и, наконец, персонализмом. Мысль о едином человечестве тесно связана с идеей равенства, суть которого не в обособлении и разъединении, а в связанности человечества. Конечная цель человечества – сообщество духовных субъектов, где «каждый имеет цель в себе самом и одновременно во всех других» [7. С. 51].

Одним из важнейших средств создания персоналистской цивилизации является право, правовая культура, которая в таком обществе приобретает персонистский характер. Мир в соответствии с данной методологией движется к личностному универсуму. Основы его закладывает право, которое выступает посредником в человеческом общении, обеспечивает минимальный порядок и безопасность. Для существования свободной, автономной личности, уважающей себя и других, необходимы права и свободы, но не всякое общество способно их гарантировать. Например, общество с коллективистскими (социально-ориентированными, т. е. социалистскими) ценностями не может, да и не ставит себе целью, а потому и не пытается создавать такие гарантии. Общество с персонистскими ценностями может и должно обеспечить такие гарантии – гарантии правовой защищенности личности, персоны.

Персоналистский подход к правовым феноменам позволяет по-новому осветить проблемы возникновения, становления и развития правовой культуры, дает исходные методологические основания для разработки персоналистской, или персонистской, философии права и правовой истории, центральным пунктом которой выступают права и свободы личности. В данной парадигме оказывается, что даже само появление права, правового сознания и правовой культуры связано с выделением из общинного социума личности, персоны, связано с процессами индивидуализации культуры. Прогресс правовой культуры (правовой прогресс) – это расширение прав и свобод личности, повышение уровня их защищенности. Правовое развитие в целом идет от социалистского к персонистскому типу правовой культуры, т. е. к такому, в центре которого находится личность, ее права, свободы и законные интересы и все правовые средства, механизмы и институты которого направлены на поддержание центрального, ведущего положения личности как высшей ценности в культуре и обществе.

Хронологически эти два типа и, соответственно, этапа в развитии мировой правовой культуры можно обозначить следующим образом. Социалистский ее тип (и этап) существует от момента возникновения цивилизации, государства и права (от рубежа 4 и 3 тысячелетий до н. э.) и до конца XVIII века (во всемирном масштабе), затем следует переходный период, и с конца XX века можно говорить о становлении персонистского типа правовой культуры. В последнем случае защита прав и свобод личности ставится в центр деятельности государства, всех его органов и структур. Уровень правовой защищенности личности здесь – наиболее высокий (на данном этапе развития мирового сообщества), но еще, разумеется, весьма и весьма далекий от идеального и даже от более или менее совершенного уровня, если рассматривать этот тип во всемирно-историческом масштабе и с точки зрения выставляемых перед ним персонистскими идеями требований.

Однако сама задача, цель, которая осознана человечеством, политическими и прочими элитами, направляет деятельность мирового сообщества на защиту прав и свобод человека, на прекращение массовых и наиболее тяжких посягательств на эти ценности в каких бы то ни было странах.

Поскольку человек, персона есть центр всей человеческой жизни и истории, есть главная и наиважнейшая ценность, то такой подход естественным образом нацеливает юристов на защиту и охрану того, что составляет центр социально-исторической «вселенной», главную ее ценность. Наиболее эффективным средством для этого является право, совершенная судебная система и международная юстиция в том числе. Оценка правовой системы и правовой культуры в целом, а также всего правового развития с точки зрения того, насколько эффективно правовой инструментариум защищает человека, его права и свободы – составляет суть персонистского подхода к праву и к правам человека. В соответствии с таким подходом выделяются правовые системы, где права человека за-

щищаются максимально – персонцентристская правовая система (правовая культура) и противоположная ей система, где в центре социально-исторического развития находится какая-то иная ценность или идея – община, народность или нация, государство, общество, правящая элита и т. д., Бог, какая-то иная идея – например, коммунизм, тысячелетний рейх, единое религиозное сообщество верующих (умма) и прочие, подобные им ценности и интересы. Такое общество и соответствующая ему правовая система называются социо(системо)центризмом, хотя строго логически, а потому точнее было бы назвать этот тип общества, культуры и права «неперсонцентризмом», так как для персонцентристского подхода не имеет значения, какая ценность оказывается выше или важнее личности, персоны.

Типологическое деление процесса развития правовой культуры по критерию правового положения личности приводит к фиксации нескольких крупных эпох в этом процессе: становление правовой культуры связано с появлением личностного начала в истории; социоцентристский этап характеризуется медленным накоплением правовых механизмов и средств, защищающих личность, уточнением (расширением) самого понимания последней при приоритетном значении интересов целого, коллектива, социума. Переходный период отмечен первыми провозглашениями идеи прав человека и постепенным ее уточнением, расширением, совершенствованием. В юридической науке последний процесс нашел отражение в теории поколений прав и свобод человека. Причем осознание третьей волны последних знаменовало собой завершение перехода от социо- к персонцентристскому этапу развития правовой культуры.

Оба названных типа правовой культуры (правовой системы) направлены на защиту интересов как общества, так и личности, только в принципиально различном, даже противоположном отношении: в одном случае при возникновении между обществом и личностью правовых (и любых иных) коллизий приоритет всегда отдается социальным интересам в ущерб интересам и правам личности (социоцентризм), ибо личность выступает здесь лишь как средство для решения тех или иных социальных задач (человек – винтик), а в другом случае – делается попытка согласовать интересы общества и личности, найти взаимоприемлемый компромисс, и лишь при недостижении консенсуса приоритет отдается личности, ее правам и свободам при условии, что одновременно с этим не нарушаются права и свободы других личностей (персонцентризм).

Феномен прав и свобод человека в современном его понимании – результат развития мирового сообщества в период с конца XVIII века до настоящего времени. Если связывать само право с наличием и защитой, прежде всего, прав человека, то можно согласиться с утверждением Э. Ю. Соловьева о том, что «право по понятию», или полноценное, развитое право, возникло лишь в конце XVIII в.: «... лишь после того, как прозвучали великие Декларации прав человека и гражданина» [8. С. 6]. Таким образом, возникновение самого права (полноценного, развитого права) связывается с зарождением персонцентристской цивилизации.

Первый этап правового развития завершился в конце XVIII в., и начался переход к следующему типу правовой культуры. Поскольку этот последний вырастает из предшествующего, качественно отличающегося от него социоцентристского типа, постольку между ними не может не быть более или менее длительного (реально занявшего два века) переходного периода, или состояния, отмеченного кризисом и разложением старого, предшествующего типа правовой культуры, а также ростками нового типа. Завершение переходного периода, помимо серьезных качественных накоплений во всех сферах жизнедеятельности общества (экономической, политической, социальной, культурной и т. п.), необходимо связывать также с крахом во всемирно-историческом масштабе коммунистической идеи и соответствующей ей мировой социалистической системы (один из последних и достаточно крепких оплотов социоцентризма), произошедшем в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия. В настоящее время идет медленный, порой очень болезненный, процесс утверждения персонцентризма и соответствующей правовой культуры во всемирном масштабе.

Анализ правовой культуры (правовой системы), проведенный на основании того, являются ли права человека центром, высшей ценностью в данной правовой системе или нет, позволяет дать характеристику основным ее типам – персонцентристскому и социоцентристскому (противоположность первому).

Персоноцентристская правовая культура (правовая система), ставит в центр персону, личность, человека и характеризуется такими свойствами, которые свидетельствуют о том, что в социуме появилась и действует свободная, автономная личность с высоко развитым чувством собственного достоинства и потребностью в свободе. Необходимым экономическим основанием такой свободы и чувства собственного достоинства служит частная собственность на орудия и средства производства, которая объявляется священной и неприкосновенной, а также естественным, неотчуждаемым правом человека (французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г.). В конституциях современных персоноцентристски ориентированных государств право частной собственности закрепляется в более осторожных формулировках, предполагающих учет интересов не только самого индивида – частного собственника, но и общих интересов нации (в смысле: страны, государства), а также определяющих пределы частной собственности «с целью обеспечения ее социальной функции и доступности для всех» (например, ст. 42 Конституции Итальянской Республики).

В реальной экономической практике второй половины (и даже чуть раньше) XX в. значительно возросли роль государства и доля государственного сектора, особенно в сырьевых и энергетических отраслях, в объектах инфраструктуры. На смену государству – «ночному сторожу», пришло государство с большим кругом экономических и социальных функций – государство всеобщего благоденствия, или, скромнее и точнее, социальное государство. Однако в целом это не изменило основные принципы и институты капиталистической, рыночной экономики – такие, как частная собственность, свобода предпринимательской деятельности, свободное приложение человеком своих способностей к труду и бизнесу, частная инициатива и личный интерес, конкуренция и ограничение монополизма, опора на систему свободно складывающихся цен, или на рыночную систему, и т. д. И поэтому способ организации хозяйственной жизнедеятельности в этих странах может быть охарактеризован как свободная игра свободных рыночных сил при строгом соблюдении одинаковых для всех контрагентов рынка «правил игры», при ограничении монополизма и развитии конкуренции. Государственное регулирование осуществляется здесь с целью защиты этих принципов и институтов, а также устранения диспропорций в распределении доходов и богатства, контроля за уровнем занятости и инфляции, стимулирования экономического роста и повышения благосостояния населения, т. е. с целью предотвращения экономического эгоизма одних и социального иждивенчества других.

Положение основного субъекта производства характеризуется здесь свободной его возможностью прилагать свои способности к труду в любой сфере и в любой форме, т. е. максимальной свободой, с одной стороны, а также категорическим запретом принудительного труда, который характеризуется как рабство, т. е. как серьезное нарушение прав человека.

На основании указанных черт и признаков экономической сферы жизни общества в правовой культуре персоноцентристского типа формируются такие характеристики правового статуса человека, как право частной собственности, право на экономическую деятельность и ее результаты, право на хозяйственную инициативу и свободу выбора, выступающие, в свою очередь, правовым фундаментом рыночной экономической системы. Правда, не все могут и хотят быть предпринимателями, большая часть людей выступает в качестве наемных работников, потому международно-правовые акты, закрепляющие обычно наивысшие достижения в сфере правовой культуры, в частности Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., на первое место поставил право на труд. Оно включает право каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на которые свободно соглашается. Персоноцентристски ориентированная правовая культура закрепляет и гарантирует таким образом свободу и право на труд, защиту от безработицы, а также право на отдых, на справедливые и благоприятные условия труда, право на участие в забастовках, право на защиту своих экономических и социальных интересов через профессиональные союзы и т. д.

Уровень экономического развития, материальное благосостояние персоноцентристских обществ делает реальным целый комплекс социальных прав и свобод: право на социальное обеспечение и на социальное страхование в целом, право на достойный уровень жизни не только самого работника, но и его семьи, уровень, предусматривающий физио-

логически обоснованные нормы питания, жилья и других потребностей, право на непрерывное улучшение условий жизни, право на наивысший достигнутый уровень физического и психического здоровья, право на благоприятную окружающую среду и т. д. Государство в таком обществе называется «социальным», что находит свое выражение в основных законах, конституциях (например, конституции Италии, ФРГ, Швейцарии, Швеции и др.) и реальной практике государственных органов.

Политическая жизнь персонцентристских обществ характеризуется множеством самых различных субъектов – партий, движений, объединений и групп (профессиональных, половозрастных, этнических и т. д.), а также отдельных индивидов с примерным *формальным* равенством их возможностей в плане влияния на принятие политической властью решений (индивиды в основном действуют через объединения, партии и группы по интересам, хотя могут составить оппозицию государству в целом, действуя от себя лично через суд). На политической арене действует множество групп давления, допускается лоббистская и подобная ей деятельность, которая находится под законодательным и иным контролем, господствует принцип плюрализма.

Партийная система характеризуется ориентацией партий на интересы и мнения электората, их конкуренцией и состязательностью, наличием как минимум двух партий в обществе и т. д. Это – многопартийная система, полностью противоположная однопартийной или фиктивно многопартийной системе социцентристских государств.

Связь политической власти с населением может быть описана образно как *полилог* (*многоголосица*). Это своего рода «круглый стол» государственной власти с представителями всех слоев и групп населения, включая, естественно, любые, признаваемые обществом, меньшинства (этнические, политические, сексуальные и т. д.), круг которых постоянно расширяется. Общественное мнение имеет возможность серьезно корректировать направление внутренней и внешней политики государства, которое несет ответственность перед обществом за результаты своей деятельности.

В обществе достигается многомерный консенсус различных слоев, групп и классов общества, отработаны процедуры поиска компромиссов между ними за столом переговоров. Большую роль во всех этих процессах играют средства массовой информации, которые свободны и независимы. По степени своего влияния они метафорично сравниваются с четвертой ветвью власти.

В сфере духа, мировоззрения и культуры персонцентристское общество характеризуется отсутствием официально поддерживаемой идеологии, защитой плюрализма, толерантностью, допуском любых политических, идеологических, религиозных взглядов и течений, признанием культурных особенностей и ориентаций, исключая лишь те из них, которые направлены на разжигание социальной, расовой, религиозной розни и ненависти. Государство в таком обществе выступает как светское: церковь отделена от государства, а школа и образование – от церкви. Мировоззрение характеризуется пониманием сложности и неоднозначности мира, уникальности личности в нем, а также пониманием того, что высшей ценностью в обществе является личность, ее жизнь, честь и достоинство, и поэтому абсолютно необходимо соблюдение ее прав, свобод и законных интересов.

Складывается развитое гражданское общество – совокупность социальных, экономических, культурных, этнических, религиозных, этических, семейных отношений, центром которых выступает личность, реализующая и защищающая как свои частные интересы, так и общие интересы (если они игнорируются государством и деловыми кругами) через систему всевозможных ассоциаций, организаций, партий и прочих образований и групп. Это такое общество, которое достаточно сильно, чтобы исключить свою подчиненность государству, но, напротив, способно подчинить себе последнее, заставить работать его для удовлетворения своих интересов: в общественном сознании складывается всеобщее понимание служебной по отношению к обществу роли государства.

Степень концентрации государственной власти в одном центре здесь минимальная: власть разделена между различными государственными органами, составляющими три самостоятельные, относительно независимые ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную, которые не просто сдерживают и контролируют друг друга, а делают это для того, чтобы организовать более эффективное сотрудничество во имя достижения общих целей защиты прав человека.

Необходимость выполнения указанных целей, а также поддержания требуемого гражданским обществом уровня зависимости государства от общества определяет и способы формирования высших и местных органов государственной власти и управления. Прежде всего, это выборы основных звеньев государственной власти и управления в центре и на местах, выборы всеобщие, равные, прямые и при тайном голосовании.

Большую роль в защите прав и свобод человека играет суд. Его место в системе государственных органов может быть охарактеризовано как самостоятельное, независимое и равноправное с другими ветвями власти. Судебная деятельность базируется на таких принципах, как открытость (гласность) судебного производства, равенство сторон и состязательность процесса, свободный доступ населения к правосудию, обеспечение должной юридической процедуры, права на юридическую помощь, а также презумпция невиновности, запрещение карать за преступление, не предусмотренное законом, запрет обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность, и, наоборот, действие принципа обратной силы закона, смягчающего или устраняющего ответственность, запрет повторного наказания за одно и то же правонарушение, недействительность незаконно полученных доказательств, гарантии от самообвинения и др.

Сама государственность, или государственная «сфера» персонифицированного общества, может быть охарактеризована через такие категории, как демократическое и правовое государство, что выражается в общих принципах формирования, организации и деятельности государственной власти и ее взаимоотношений с гражданским обществом и с отдельным человеком (как напрямую, так и, обычно, через различные группы, ассоциации, партии и прочие сообщества, в которые этот человек входит). Важным основанием этих взаимоотношений служит приоритетность защиты прав и свобод человека от посягательств со стороны государства и любых иных образований, групп, организаций, отдельных лиц. Для этого государству вменяется в обязанность признавать неотчуждаемость прав и свобод человека, обязанность активно действовать в защиту этих прав, сохраняя баланс интересов общества и личности, создавать и поддерживать необходимый и достаточный механизм обеспечения прав и свобод, допускать возможность их самозащиты и защиты как внутри государства, так и в специально созданных международным сообществом судебных и иных органах, обеспечивать независимость судебной власти, ориентироваться на общепризнанные нормы и принципы международного права, возмещать ущерб, причиненный человеку незаконными действиями органов государственной власти, должностными лицами и т. д.

Все это находит свое непосредственное отражение и в правовой культуре (правовой системе) соответствующего типа, где складывается, функционирует и целенаправленно поддерживается, причем не только государством, но и гражданским обществом (что гораздо важнее) система гражданских, политических, культурных и иных прав и свобод: право на жизнь, личную свободу и неприкосновенность (поэтому применение смертной казни постепенно сокращается, а в дальнейшем будет отменено повсеместно), неприкосновенность жилища, достоинство личности, право на частную жизнь, свободу передвижения и выбора места жительства, право покинуть страну и свободно возвращаться в нее, запрет на лишение человека гражданства своей страны, свобода совести и вероисповедания, свобода слова, свобода печати и информации, право на мирные собрания и публичные манифестации, право на объединение в различные союзы, ассоциации, партии и организации, право на участие в управлении делами государства, право на сопротивление угнетению, право избирать и избираться, право петиций, а также свобода духовной жизни и творчества, право на образование и участие в культурной жизни и т. д. Равноправными субъектами правовой жизни общества являются все лица, как физические, так и юридические, как общественные, так и государственные. Существуют специфические юридические средства контроля за государственной властью (конституционная юстиция, обжалование в суд действий и решений государственных органов и должностных лиц).

В персонифицированных правовых культурах (правовых системах) самый широкий на сегодня спектр гражданских (личных) и политических, экономических, социальных и культурных прав и свобод, самый высокий уровень их защиты, наиболее отработанные процедуры, механизмы и институты такой защиты. Особым вниманием и заботой окружены права различных меньшинств: отношение к ним является одной из важнейших «лакмусовых бумажек» самой правовой и демократической государственности.

Фундаментальным признаком персонцентристской правовой культуры, абсолютным (но не заменяющим все остальные) критерием правового прогресса является отсутствие смертной казни как применяемой государством меры принуждения к лицам, совершившим преступление. Поэтому в большинстве развитых, персонцентристски ориентированных государствах она отменена. Жизнь в персонцентристском правовом сознании и культуре – абсолютная ценность.

В общественно-политической и правовой жизни персонцентристских систем утверждается пафос договорных отношений, начиная от знаменитой идеи общественного договора (метафора, содержащая квинтэссенцию взаимоотношений гражданского общества и государства) в публичном праве и кончая бесчисленным количеством всевозможных договоров в сфере частного права. Последнее в таком обществе занимает важные, если не ведущие позиции, и без полноценного развития частного права магистральные пути человеческой цивилизации будут закрыты, дальнейший ее прогресс невозможен.

Акцент на правах, свободах, дозволениях и иных правовых возможностях не означает, что рассматриваемая правовая культура отвергает обязанности и умаляет роль ответственности, организованности и дисциплины. Напротив, последние феномены рассматриваются общественно-правовым сознанием, государственными органами и должностными лицами как первейшие условия, необходимые для того, чтобы права и свободы человека стали реальностью. Более того, последнее время (вторая половина прошлого и начало текущего столетия) развитые правовые культуры характеризуются более чем умеренным пафосом в отношении абсолютного, ничем не ограниченного индивидуализма, свойственного эпохе зарождения и становления персонцентристских обществ (практически – это эпоха становления и развития раннего, «молодого» капитализма, если обозначить данный период в категориях марксизма). В настоящее время не только политикам, но и всему населению любого персонцентристского государства стало понятно, что интересы каждой отдельной личности могут быть обеспечены лишь при условии обеспечения интересов всего социального целого, признания значимости которых серьезно уточнило границы свободы каждого отдельного индивида. Персонцентристское общество – это такое общество (в данном отношении), которое уже переболело болезнью ничем не ограниченного индивидуализма, свойственного переходному от социо- к персонцентризму периоду.

Рассмотренные характеристики персонцентристского общества и соответствующего ему типа правовой культуры даны в идеально-типологическом ключе, т. е. как вытекающие из логики и глубинных закономерностей данной системы, из целей, ценностей и ориентиров развития, находящих отражение в реальной жизни данного общества. Данный тип правовой культуры образуется лишь соответствующей устойчивой совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих признаков, т. е. их системой. Одного, двух, а иногда и чуть большего количества признаков бывает еще совсем не достаточно для четкой констатации соответствующего типа правовой культуры. Кроме того, возможны различные исключения из правил, встречаются противоречивые, необычные сочетания признаков и другие нюансы, возникающие после того, как абстрактное формационное деление всемирно-правовой истории на два типа и этапа правового развития начинает дополняться конкретно-историческим, цивилизационным рассмотрением культурно-правовых типов и разновидностей (так же и для социоцентристского общества).

Литература

1. Это определение правовой культуры (через качественное состояние правовой жизни общества и степень гарантированности прав и свобод человека) впервые сформулировано и введено в российскую юридическую науку автором данных строк в 1986 г. в кандидатской диссертации и в последующих публикациях (Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, структура, противоречия : автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Свердловск, 1986 ; Он же. Правовая культура социалистического общества: сущность, определение // Правоведение. – 1987. – № 4 ; Теория государства и права : учебник для вузов. – 3-е изд. / под ред. В. Д. Перевалова. – М., 2006. – С. 213). Это важно констатировать, так как данное определение широко воспринято в нашей литературе и часто дается без ссылки на его автора.

2. См.: Мунье Э. Что такое персонализм? – М., 1994; (Он же. Персонализм. – М., 1992 ; Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995 ; Он же. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М., 1994 ; Он же. О назначении человека. – М., 1993 ; Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. – М., 2004 ; Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург, 1996 ; Права человека : энциклопедический словарь. – М., 2012. С. 25–41 ; Dictionnaire des concepts philosophiques. – P. : Larousse, CNRS Editions, 2006).
3. Dictionnaire des concepts philosophiques. – P. : Larousse, CNRS Editions, 2006.
4. Шафиров В. М. Обеспечение права: человекоцентристский подход. – Красноярск, 2005.
5. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс : автореф. дис. ... д-ра юр. наук. – Екатеринбург, 1996 ; Его же. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА : Изд-во Гуманитарного университета, 1996.
6. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека.
7. Мунье Э. Что такое персонализм? – М., 1994.
8. Вопросы философии. 1990. № 6.

УДК 343

Камышин Владимир Анатольевич

канд. юр. наук, доцент кафедры публичного права
Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Vladimir A. Kamyshin

Candidate of Law, Associate Professor at Public Law
Chair, Legal Department,
Liberal Arts University/University For Humanities,
Ekaterinburg

**РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОЗНАНИЯ.
СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
ПЛЮСЫ И МИНУСЫ**

**REORGANIZATION OF COGNITION.
CRIMINAL PROCEEDINGS
INITIATION STAGES:
ADVANTAGES AND DISADVANTAGES**

Аннотация

Познание в стадии возбуждения уголовного дела традиционно отличается от познания в иных стадиях уголовного процесса: 1) по цели (проверить сообщение о преступлении), 2) действиям, направленным на проверку (которые не могут быть принудительными), 3) результатом (как правило, не является доказательством), 4) отсутствием регламентации статуса участников. Изменения УПК РФ от 4 марта 2013 года коснулись всех направлений. Введен свидетельский иммунитет, право на адвоката, расширен круг следственных действий, стало возможным использовать результаты проверки в качестве доказательств. Детальная регламентация является несомненным плюсом познания в первой стадии процесса, однако дозволение проводить принудительные следственные действия, использовать без перепроверки результаты оперативно-розыскных действий и иных проверочных действий ставит под угрозу всю концепцию доказательственной деятельности уголовного судопроизводства России.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доказательства, проверочные действия, оперативно-розыскная информация, иные документы, вещественные доказательства, заключение эксперта, заключение специалиста, концепция уголовного процесса.

Abstract

The Cognition at the stage of criminal proceedings excitation traditionally differs from the cognition at other stages of the criminal process: 1) by objective (you should check the message of the crime); 2) by actions directed at inspection (they can't be forced); 3) by results (as a rule, they are not evidence in this case); 4) by the lack of the participants status regulation. Changes of the Criminal procedure code of the Russian Federation from March 4, 2013 have touched all the activities. The witness immunity and the right for a lawyer have appeared, the range of investigative actions has been expanded, and it has become possible to use the results of the inspection as evidence. There is no doubt that the detailed regulation is an advantage of the cognition of the first stage of the process. However, the permission to conduct compulsory investigative measures and to use the results of the operatively-search actions and other validation activities without the recheck threaten the whole concept of the evidential activity of the Russian criminal process.

Keywords: the institution of criminal proceedings, evidence, validation activities, operatively-search actions, other documents, physical evidence, the expert's conclusion, the conclusion of the expert, the concept of the criminal process.

Федеральным законом РФ от 04 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Закон) в уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) внесены очередные изменения и дополнения, затронувшие, в частности, стадию возбуждения уголовного дела.

Изменение законодательной базы относительно первой стадии уголовного судопроизводства коснулось, прежде всего, познавательной деятельности, которая именуется «проведением процессуальных действий, направленных на проверку сообщений о преступлении», или «проверочных действий». Можно выделить четыре направления развития изменений уголовно-процессуального закона:

1. Часть 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена целым рядом процессуальных действий, направленных на проверку сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. В итоге перечень проверочных действий стал следующим:

- получение объяснений;
- получение образцов для сравнительного исследования;
- истребование документов и предметов;
- изъятие предметов и документов в порядке, предусмотренном УПК РФ;
- назначение судебной экспертизы;
- осмотр места происшествия;
- осмотр документов;
- осмотр предметов;
- осмотр трупов;
- освидетельствование (процессуальное);
- требование производства документальных проверок и ревизий;
- поручение органу дознания о проведении ОРМ.

2. Процедура проверочных действий детализирована в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где указано,

что их участникам разъясняются права и обязанности;

что они могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства;

что в случае необходимости, участникам обеспечивается безопасность в части сокрытия анкетных данных и присвоения псевдонима, в ч. 3 ст. 144 УПК РФ;

что при продлении срока проверки необходимо соблюдать требование о наличии «конкретных, фактических обстоятельств, послуживших основанием для такого продления».

3. Права участников стадии возбуждения уголовного дела при проведении процессуальных действий, направленных на проверку сообщений о преступлении, расширены.

Помимо традиционной возможности «приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа», указанный Закон предусмотрел обязанность органов уголовного преследования обеспечить участвующим в процессуальных действиях лицам «возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные решения затрагивают их интересы», а именно:

- право участников стадии возбуждения уголовного дела «не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников» (свидетельский иммунитет);

- право участников, вовлеченных в проверочные действия, пользоваться услугами адвоката.

4. Полученные в ходе проверки сообщений о преступлении сведения получили возможность использоваться в качестве доказательств в последующих стадиях уголовного процесса, при условии соблюдения положения ст. 75 и 89 УПК РФ.

Все указанные изменения касаются познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела: способов получения сведений (доказательств), процедуры познавательной деятельности при проверке сообщения о преступлении, статуса участников процессуально-познавательных действий, реализации их прав, видов сведений, полученных в ходе проверочных действий и возможности их использования в качестве доказательств.

Реорганизация познания стадии возбуждения уголовного дела коснулась не только расширения проверочных действий, как кажется на первый взгляд. Она, во-первых, изменила цель познания первой стадии уголовного процесса. Если ранее таковой являлось установление факта преступления, вернее, наличия или отсутствия признаков преступления (объекта или объективной стороны), то теперь – раскрытие преступления (!) становится задачей и предварительного расследования, и стадии возбуждения уголовного дела.

Данный вывод построен не только на расширении перечня следственных действий, но и на прямом указании законодателя на возможность использовать результаты проверочных действий в качестве доказательств (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Более того, Законом № 23-ФЗ в УПК РФ введена такая форма предварительного расследования, как «сокращенное дознание». Термин «сокращение» применен как к срокам (до 15 суток) так и предмету доказывания (необходимо установить только главный факт), к способам полу-

чения доказательств (основная их часть – это проверочные действия стадии возбуждения уголовного дела) и к доказательствам (как правило, полученным по горячим следам в первой стадии уголовного процесса).

В п. 4 ст. 226.5 УПК РФ указано, что при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель вправе не производить следственные и процессуальные действия, «направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам...».

Известно, что любая стадия – это относительно самостоятельная, но взаимосвязанная часть уголовного процесса, которая характеризуется собственными задачами, субъектами, процедурой, итоговым решением. Представляется, что «перетекание» цели, задач, способов (следственных действий) из второй стадии в первую приводит к стиранию грани между ними и является методологической ошибкой в построении процессуальной формы современного уголовного судопроизводства России.

Новаторство законодателя коснулось не столько стадии возбуждения уголовного дела, сколько теории доказательств. Как ранее расширением системы доказательств путем введения «заключения и показаний специалиста» (п. 3.1. ч. 2 ст. 73 УПК РФ), так и сейчас стиранием граней познавательной деятельности и распространением следственных действий на первую стадию уголовного процесса, по меткому замечанию профессора В. Божьева, «сделан шаг к тому, чтобы торпедировать основу доказательственного права, выраженную в ч. 1 ст. 74 УПК»¹.

Концептуальное положение «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых... устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу...» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), в нашем случае использует словосочетание «уголовное дело» (доказательства по уголовному делу, обстоятельства по уголовному делу, производство по уголовному делу). Основным способом собирания доказательств, следственные действия также проводились до принятия Закона именно «по уголовному делу» (гл. 22, 23 УПК РФ). Момент появления «уголовного дела» – вынесение постановления о возбуждении уголовного дела.

Любое следственное действие в своей основе носит принудительный характер. Требование о возбуждении уголовного дела для осуществления доказательственной деятельности и получения доказательств позволяло исключить необоснованное применение государственного принуждения к лицам, вовлеченным в уголовный процесс, до установления факта преступления. Проведение следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела в общем порядке (а не в виде исключения, как ранее – осмотр места происшествия) в итоге приведет к деформации содержания основного свойства доказательства – допустимости. А это, в свою очередь, повлияет на требование доброкачественности получения сведений-доказательств и, в результате, на реальную возможность установления объективной истины по делу.

С принятием Закона и введением изменений и дополнений в УПК РФ выявились ряд противоречий познавательной деятельности стадии возбуждения уголовного дела:

- Возможность как обращения к исследованию специалиста, так и назначения судебной экспертизы. Не ясно, когда и зачем получать заключение специалиста, если заключение эксперта формализовано и, априори, является «доброкачественнее», чем заключение специалиста.

- Указание на истребование и изъятие предметов и документов не в виде получения добровольно представленных материалов, а в соответствии с УПК РФ. Иными словами, изъять предметы и документы возможно любым способом, предусмотренным Уголовно-процессуальным законом. Отсутствие конкретного перечня позволяет говорить о возможности проведения обыска, выемки и иных следственных действий, направленных на изъятие материалов, поскольку «изъятие» – это родовое понятие. В этом случае перечень проверочных действий расширяется еще больше. Ради справедливости, следует отметить, что в особенной части уголовно-процессуального кодекса в нормах, регламентирующих

¹ Божьев В. П. Изменения УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. – 2005. – № 5. – С. 23.

конкретные следственные действия, такое положение пока не нашло своего продолжения.

- Получение по отдельному поручению результатов оперативно-разыскных действий и возможность их использования в качестве доказательств. Однако процедура «легализации» в УПК РФ не предложена. Следует ли говорить о том, что выполнение требований «Закона об оперативно-разыскной деятельности» при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ) в стадии возбуждения уголовного дела, придает результатам ОРМ статус «доказательств»?

- Появление в стадии возбуждения уголовного дела вещественных доказательств. Так, в ч. 1 ст. 202 УПК РФ указано, что следователь вправе получать образцы для сравнительного исследования, с целью проверить оставлены ли они на вещественных доказательствах. То есть вещественные доказательства могут быть получены и в первой стадии, но особенности процедуры постановки в статус вещественного доказательства не указаны. Следует ли выносить постановление о приобщении к делу в качестве вещественных доказательств? Но уголовного дела до составления «постановления о возбуждении уголовного дела» просто нет.

- Возможность использования объяснений вместо показаний. Однако процедура получения объяснений в отличие от процедуры получения показаний не регламентирована. Прежде всего, нет такой гарантии объективности полученных сведений, как предупреждения о даче заведомо ложных объяснений.

Можно было бы не обращать внимания на указанные и иные проблемы, которые нарастают, как снежный ком, если бы мы говорили о реальном построении состязательного процесса и соответствующей реорганизации досудебной процедуры. Сторонников у данной позиции достаточно много. Однако следует признать, что провозглашение состязательности и реальное положение вещей не соответствуют друг другу. Современный отечественный уголовный процесс объективно детерминирован как смешанный: публично-следственный (разыскной) в досудебных стадиях и гласный публично-состязательный – в суде.

Возвращаясь к анализу плюсов и минусов изменения познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, следует отметить, что ряд положений, указанных в Законе, имеет позитивное значение как для теории уголовного судопроизводства, так и для правоприменительной практики:

1. Детализация стадии по задачам, участникам, срокам, процедуре. Как известно, формализация направлена на устранение произвольности толкования УПК РФ и исключает произвол со стороны органов уголовного преследования.

2. Расширение прав участников стадии возбуждения уголовного дела (свидетельский иммунитет, право на адвоката), что уравнивает обвинительную функцию органов уголовного преследования.

3. Указание на возможность использования результатов проверочных действий в качестве доказательств: объяснений, истребованных предметов и документов, результатов оперативно-разыскной деятельности. По сути, развитие доказательственной деятельности идет по пути реализации концепции «свободного» доказательства, о которой мы писали еще в 1998 году². Система доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) приобретает универсальный характер.

Представляется, что выявленные проблемы, соотношение плюсов и минусов познавательной деятельности стадии возбуждения уголовного дела требуют скрупулезного анализа, прежде всего с точки зрения методологии построения уголовного процесса и доктринального его толкования с учетом объективно сложившейся процессуальной формы производства по уголовным делам в современной России. Не претендуя на истину в последней инстанции, мы хотели бы еще раз обратить внимание на три основных вывода:

1. Тенденция ликвидации стадии возбуждения уголовного дела путем ее поглощения стадией предварительного расследования приведет к содержательному изменению всего уголовного процесса.

² Давлетов А. А., Камышин В. А. «Свободное» доказательство в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 91. См. также: Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе : автореф. ... дис. канд. юр. наук. – Ижевск, 1998.

2. Как справедливо отмечают А. А. Давлетов и Л. А. Кравчук, возможность применения принудительных мер позволяет говорить о восстановлении схемы массовых репрессий, когда отсутствие сдерживающего механизма «включает» обвинительный уклон с момента получения заявления о преступлении и, как следствие – обвинительный приговор³.

3. Основной способ собирания доказательств, следственные действия, в своей процедуре, условиях, форме закрепления направлены на получение допустимого доказательства, что позволяет полно, всесторонне и объективно расследовать преступление и устанавливать истину по делу. Устранение основного требования для их проведения – установление факта совершенного преступления (вынесение постановления о возбуждении уголовного дела) может привести не только к произволу со стороны органов уголовного преследования, но и к отмене концептуального положения доказательственного права.

³ Давлетов А. А., Кравчук Л. А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 114–120.

УДК 008075.8

Суворов Дмитрий Владимирович

кандидат культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Dmitriy V. Suvorov

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Business and Management Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**О СПЕЦИФИКЕ
РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

**RUSSIAN CIVILIZATION SPECIFIC
REALITIES**

Аннотация

Статья Д. В. Суворова посвящена исследованию своеобразия цивилизационного развития России и российских модернизационных процессов. В работе рассматривается процесс культурно-исторического развития России как смены субцивилизаций, обладающих рядом макроцивилизационных черт и в то же время характеризующихся наличием имманентных каждой из них фундаментальных особенностей, а также специфическая особенность отечественных модернизаций, происходящих как последовательность волн модернизации.

Ключевые слова: модернизация, субцивилизация, периоды цивилизации, культурно-исторический тип, хронотоп, макроцивилизация, дискретность, идеальный тип, модус цивилизации.

Abstract

The article is dedicated to the study of the characteristics of civilization development of Russia and of Russian modernization processes. The paper considers the process of cultural-historical development of Russia as a change of subcivilizations with some macrocivilizational features and at the same time, characterized by the presence of each of the fundamental inherent characteristics, as well as the specific features of domestic upgrades taking place as a series of waves of modernization.

Keywords: modernization, subcivilization, civilization periods, cultural and historical type, chronotype, macrocivilization, discretization, ideal type, civilization mode.

«Историософское осмысление пути России – одна из постоянных тем и проблем русской мысли. Представляется, что в резко изменившейся жизненной ситуации наших дней эта традиция нуждается в продолжении и развитии. Уже недостаточен анализ историософских идей прошлого; необходим сегодняшней, рожденный сегодняшним положением дел анализ «русского пути»: слишком серьезен и значителен пережитый и накопленный Россией опыт, чтобы не попытаться его заново осмыслить» [10. С. 13]. Эта констатация В. Кантора может послужить эпиграфом ко всему данному исследованию (и к рассматриваемой в нем проблематике), тем более что, по совершенно верному замечанию В. Копалова, все аспекты историософии «связаны с прогностической функцией философии истории, со стремлением обнаружить смысл истории и ее отдаленные перспективы» [7. С. 305].

Существенной проблемой является тот неоднократно констатируемый в последнее время факт, что традиционные (особенно для советского и постсоветского социумов) историософские схемы чем дальше, тем больше оказываются трудноприменимыми для объяснения и осмысления исторического пути России (и не только России!). По отношению к российским реалиям данная проблематика стоит многократно более остро – по причинам особого социокультурного положения сегодняшней России, о котором точно выразился В. Кемеров: «Россия 90-х гг. нашего столетия (т. е. XX века. – Д. С.), вступив на путь реформации, оказывается перед своеобразным парадоксом. Она стремится включиться в постсовременный мир, отказывающийся от одномерных представлений об индустриальном, экономическом, техническом и научном развитии человечества. Вместе с тем она не может опереться на твердую почву социальных и культурных форм, воспроизводящих общественную систему, то есть на надежную связанность ее элементов во времени и пространстве, элементарную согласуемость действий и помыслов людей в их социальной жизни» [11. С. 213].

Такой диагноз представляется точным, однако можно сделать следующее уточняющее дополнение. Отмеченный В. Кемеровым парадокс проистекает из того, что в современной России – едва ли не впервые за несколько столетий – имеет место полномасштабный цивилизационный и связанный с ним аксиологический кризис, коренящийся в потере Россией традиционного (для нескольких последних веков) имперского статуса. Можно констатировать совершенно определенно: современная (постсоветская) Россия еще не обрела устойчивой самоидентификации (как в свое время высказался Н. Гоголь, «велико незнание России посреди России») [4. С. 5]. К тому же – и это уже неоднократно отмечено современными исследователями – состояние «посткоммунизма» (термин Б. Капустина) в принципе не дает на сегодняшний день окончательной возможности идентифицировать современное социокультурное состояние в привычных и отработанных категориях [15. С. 16].

Таким образом, на повестку дня выдвигается проблема – выяснение фундаментальных характеристик российской цивилизации. Очевидно, что «философия истории всегда представляет собой попытку универсального понимания истории, отыскание во внешнем многообразии и непохожести локальных культур, стран и народов единое основание исторического развития человечества» [17. С. 134]. Общеизвестно, что споры о месте российской цивилизации в этом самом «едином основании исторического развития человечества» и об имманентно присущей ей специфике составляют чуть ли не главную семантическую основу всей отечественной публицистики, общественных наук и (в значительной степени) литературы на протяжении последних 200 лет (а фактически еще раньше – начиная, как минимум, с церковной реформы XVII в.). При этом, однако, зачастую за кадром остается вопрос особой важности: о какой, собственно, российской цивилизации конкретно идет речь? И это составляет главную узловую точку проблемы.

В своей известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. Бердяев произвел констатацию, имеющую прямое отношение к интересующей нас проблеме. «В истории, – сообщает философ, – мы видим пять разных России: Россию киевскую. Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую, советскую Россию» [3. С. 7] (впоследствии Бердяев гипотетически предсказал и появление новой, постсоветской России)¹. Позднее философ повторил свой прогноз в работе «Русская идея» [16. С. 449]. То есть, в нашей отечественной истории (и истории культуры) необходимо говорить не о единой, последовательно развивающейся цивилизационной линии (не только о ней – единая российская цивилизация, разумеется – реальность), а о нескольких последовательно сменяющих друг друга типах более дробного, нежели цивилизация, порядка. Иначе говоря, того плавного течения исторического процесса, которое обычно описывается в учебниках и традиционно ориентированных исследованиях, в реальности нет – вместо него имеет место неоднократная и радикальная трансформация основ отечественной цивилизации.

Фактически у Бердяева речь идет о «периодах цивилизации»; термин введен Н. Данилевским, и последний обосновал его следующим образом: «Под периодом цивилизации разумею я время, в течение которого народы, составляющие тип – вышед из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование, как самобытных политических единиц... – проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залогов в духовной природе»² [6. С. 52–53]. Определение Данилевского можно скорректировать только в одном пункте – в смысле исключительно духовного приоритета понимания вышеописанного феномена: как увидим в дальнейшем, картина в данном случае имеет место более сложная и многоуровневая.

¹ В наши дни А. Флиер практически буквально повторил бердяевский диагноз, разделив историю отечественной цивилизации на три дискретных отрезка; отличие флиеровской типологии от бердяевской только в том, что А. Флиер объединил – неоправданно, на наш взгляд – киевскую и «татарскую» эпохи, с одной стороны, и все эпохи, начиная с начала XVIII в. – с другой (последний период А. Флиер назвал «имперским»). (См.: Российская цивилизация / под ред. М. Мчедлова. – М., 2003. – С. 14.)

² Предшественником Н. Данилевского в этом пункте рассуждений можно считать Г. Риккерта (книга «Учебник по мировой истории в органическом изложении») [12. С. 51].

Последний момент принципиально важен для нашего разговора, поскольку подводит нас к еще одному концепту, необходимому нам в дальнейшем исследовании. Речь пойдет о феноменальных явлениях более дробного, нежели собственно цивилизация, порядка.

Как известно, в свое время Н. Данилевский ввел понятие «культурно-исторического типа» как «исторического организма» в истории цивилизации, имея в виду *исторически отграниченные* социокультурные макрофеномены, сосуществующие или сменяющие друг друга в рамках существования единого цивилизационного феномена. То есть все или большинство фундаментальных характеристик, репрезентирующих данную цивилизацию, являются константными; и в то же время какие-то основополагающие элементы внутри данного цивилизационного бытия модальны и даже мутабельны, и их исторически обусловленная мутабельность имеет следствием появление «исторических организмов» – устойчивых «модусов» цивилизации, объединенных некими макрочертами, но в то же время имеющих имманентный только каждому из них набор признаков (цивилизационных, культурных, ментальных, даже природных – скажем, геополитических). Причем данная мутабельность может как постепенно накапливаться, так и достаточно резко вторгаться в последовательный ход социокультурной эволюции; но в любом случае будет происходить парадигмальный сдвиг внутри единого цивилизационного феномена, и новое цивилизационное состояние будет приобретать принципиально новый набор качеств и признаков. А. Флиер назвал (применительно к России) такие сменяющие друг друга цивилизационные состояния «*субцивилизациями*» [18. С. 14] – по аналогии с культурологией, где есть общепринятое понятие субкультуры: «Субкультура – наиболее крупные сегменты целостных... культур, отличающихся определенной местной спецификой тех или иных черт (или комплексов черт)» [20. С. 152]. Соответственно, субцивилизации можно определить как *особые «исторические организации», являющиеся модификациями целостной цивилизации, как наиболее крупный сегмент целостной цивилизации, отличающийся пространственно-временной, ценностно-духовной, культурно-материальной и социально организационной спецификами, позволяющими выделить данный феномен из цивилизации в целом.* Таким образом, именно введение концепта «субцивилизации» позволяет полнее раскрыть главную специфику историко-культурного развития России – вышеописанное сочетание цивилизационного единства и дискретности. Разумеется, что каждая из таких субцивилизаций с чисто научной точки зрения будет не чем иным, как именно «идеальным типом» – в самом что ни на есть веберовском смысле слова.

Бердяевская констатация (назовем ее «моделью Бердяева») в своем семантическом контексте раскрывает и еще одну характерную черту российского цивилизационного развития. Поскольку каждая из названных «Россий» содержательно и культурно самостоятельна (а это у Бердяева подчеркнуто даже терминологически – философ прямо говорит о «разных Россиях»), то на стыках между ними возникает ситуация частичного разрыва преемственности. То есть эволюция российского социокультурного мира шла и идет как бы не совсем «по Гегелю» – вместо хрестоматийного «закона отрицания отрицания» наблюдается скорее некая культурологическая дискретность, носящая подчас характер «отряхания праха с ног». Бердяев точно определил главный феноменальный аспект российской цивилизационной эволюции словами: «Развитие России было катастрофическим» [16. С. 449] (т. е. не-последовательным, дискретным). Следовательно, фундаментальную семантику отечественной цивилизации можно определить как сочетание единства и дискретности [12. С. 51].

Итак, российскому историческому пути и российской цивилизации свойственна дискретность. Это выражается в самом способе существования России как формирования и кристаллизации сменяющих друг друга и антагонистичных по отношению друг к другу субцивилизаций. Последние имеют различную парадигму развития, различное самопонимание и – главное – различные культурные корни. Происходит это, во-первых, в силу геополитического фактора (евразийское местоположение и историческое бытие России) и, во-вторых, в силу вживания России в различные культурные миры, с которыми она соприкасалась в течение своей истории (последнее порождает различные формы социальной и культурной маргинальности). Отсюда – свойственные российской истории и российской культурно-цивилизационной эволюции разрывы преемственности, «тектонические сдвиги» на границах субцивилизаций (события XIII, XVII и начала XX веков). Внутри страны это приводило и приводит к синдрому «расколотого общества», результатом

которого становится воспроизводство «гибридных», химерических форм в государственной и социокультурной областях, чреватое нарастанием внутренней нестабильности и – на стыках субцивилизаций – провоцирующее срывы в неэволюционное, деструктивное развитие.

Можно, используя терминологию М. Бахтина, констатировать в каждом «периоде цивилизации» наличие индивидуального хронотопа [2. С. 9] – «существующей взаимосвязи временных и пространственных отношений», которая, говоря словами Д. Горина, «концентрирует в себе различные временные реальности... время человеческой жизни, историческое время, представления о Вечности и является своеобразным структурирующим основанием смыслового пространства, в которое вписываются значения каждого конкретного события» [5. С. 29]. Иначе говоря, каждый «период цивилизации» России был не только фактически противопоставлен предыдущему, но и осмыслял себя в символических формах по данной матрице. Следовательно, первой и главной проблемой становится необходимость, во-первых, определить культурологическое и цивилизационное «лицо» каждой конкретной «России» (в бердяевском понимании) и, во-вторых, понять механизмы взаимоотношений и взаимодействий каждого конкретного «лица» с другими культурами и цивилизациями, а также его матрицу эволюции.

Для российской историософии данная проблематика важна вдвойне.

В силу синтетичности российской культуры (и цивилизационного облика) – по диагнозу Г. Померанца, «России... пришлось вживаться в несколько культурных миров (или, как я это назвал, субэйкумен). От чересполосицы культурных пластов – «широта» русской культуры и ее незавершенность» [14. С. 133]. Используя формулировку В. Лоскутова, «исторический мир России – это мир **разно**-стояния; он притягивает и одновременно отталкивает от себя иные миры, призывает человека к миротворчеству и преграждает ему путь» [8. С. 12]. Еще более категоричен А. Ахиезер: «Россия – расколотое общество... потому что в ней действуют одновременно противоположные, пытающиеся стать господствующими логики. Каждая из этих логик по-своему рациональна и несет в себе свой собственный проект жизнеустройства, культурную программу, каждая воплощается в социальные институты, образы и традиции... Обе логики почвенны; ни одна из них не является «чуждой», «наносной». Но это не рядорасположенные логики: они связаны генетически» [1. С. 10]. То есть вопрос стоит следующим образом: в каких конкретных формах в рамках каждой данной «России» проходит диалог культур и «вживание в культурные миры»? В связи с этим необходимо сделать следующее уточнение.

Говоря о проблематике цивилизационной дискретности в истории России, нельзя обойти вниманием кардинальный аспект проблемы. Как известно, Х. Ортега-и-Гассет употреблял слово «Европа» в культурологическом смысле: «понятием “Европа” Ортега-и-Гассет объединяет все те регионы, которые в своем развитии усвоили плоды европейской культурной традиции» [8. С. 24]. Если следовать этой точке зрения, то явно неправомерно выделять российскую цивилизацию в отдельный, противопоставленный европейскому тип (как это делает, например, А. Тойнби): в данном вопросе, скорее, имеет смысл солидаризироваться с Вл. Соловьевым в том, что «мы – бесповоротные европейцы», и с М. Мамардашвили, заявившим: «Россия сама – хочет она или не хочет – неотделимая часть европейской цивилизации» [19. С. 492]. Такой вывод логичен потому, что, во-первых, российская цивилизация исторически и «гомологически» восходит к реалиям европейского Средневековья; во-вторых, аксиологические характеристики отечественной культуры – при всем ее своеобразии (во многом восходящей к специфике восточно-христианского культурного мира) – имеют общехристианские корни, что однозначно привязывает Россию, при всей неоспоримой оригинальности ее историко-культурного бытия, к европейской эйкумене и направляет вектор ее цивилизационного и социокультурного развития. Цивилизационно-культурным фундаментом российской цивилизации – как в чисто культурном, так и в историческом значении – остается европейская цивилизация. Г. Померанц прямо констатировал, что «самая цветущая пора русской культуры – это культура европеизированной России» [9. С. 126]. На это самым решительным образом указывал и И. Ильин; об этом же, впоследствии, – у Д. Лихачева: «Россия никогда не

была Востоком» [13. С. 35]³. Этот фактор – прежде всего, в силу христианского генезиса российской цивилизации и культуры – является константно действующим на всем протяжении российской истории: при всех нюансах собственных представлений на эту тему Россия никогда не была «азиатским» феноменом, а представляла и представляет собой оригинальную модификацию европейской макроцивилизации. Главным фактором европейской идентификации России служит аксиологический фактор (выраженный в первую очередь через христианские корни российской духовной культуры).

В то же время – и это есть данность на всем протяжении исторического пути России – природные (в частности, геополитические) факторы, по мере расширения страны на восток, явственно играли достаточно «антиевропейскую» (в цивилизационно-культурном смысле) роль: в частности, они формировали такие черты менталитета, которые духовно и на уровне подсознания дистанцировали российский макро- и микрокосмос от собственного цивилизационно-культурного «праисточника» (на этом подробно останавливалось в своих исследованиях большинство отечественных классических историков, начиная с В. Ключевского). Исторически в рамках каждого периода цивилизации действовала различная матрица соотношения «европейского» и «антиевропейского» – отсюда и резкость переходов на грани каждого периода, и частичные разрывы преемственности, и идеология «отвержения предыдущего этапа». Причем на вектор действия «европейских» и «антиевропейских» факторов сказывались причины как иррационального, так и рационального характера – в частности, сознательная (зачастую вопреки объективным историческим условиям) консервация или даже реанимация элементов и черт одного конкретного периода цивилизации в рамках другого. Здесь необходимо учитывать фактор неоднородности исторического и цивилизационного развития, вводить в систему координат феномен «разрушительных тенденций культуры» (выражение Г. Померанца).

Осложняющим фактором российской цивилизационной эволюции следует признать последствия советского эксперимента (имевшего к тому же мощные предпосылки во всех областях российской социокультурной жизни). Результатом происшедшего является ситуация цивилизационного и аксиологического кризиса, необходимость построения новой цивилизационной идентичности, нахождения своего нового места и роли в мире. Ситуация усугубляется тем, что фундаментальная европейская основа российской цивилизации, фактически и феноменально оставаясь незыблемой, в сознании россиян подорвана до основания; в то же время все «антиевропейские» ментальные элементы в России несистемны и не могут стать системными (потому не могут сыграть интегрирующую роль). Поэтому футурологический прогноз по поводу формирующейся постсоветской субцивилизации на сегодняшний день крайне расплывчат и у представителей разных историософских дискурсов отличается крайней амбивалентностью.

Тем не менее, мощная инерция развития нововременной отечественной культуры (имеющей – на это в свое время особо обращал внимание И. Ильин – однозначно европейское культурное происхождение), безусловно, создала в России определенный ресурс дальнейшего движения в этом направлении. Прежде всего, современная логика глобализации как формы мирового и перманентно проявляющегося модернизационного процесса заставляет при принятии управленческих решений в той или иной степени придерживаться реалистических парадигм развития и не уклоняться в сторону «виртуальной ретроспективности». Главное же – созданные в эпоху Нового времени и не уничтоженные в тоталитарные годы традиции российского либерализма (аккумулированные, в частности, в духовной культуре), являющиеся мощным ресурсом движения вперед. Соединение этих традиций со специфичными для России цивилизационно-культурными компонентами есть, по признанию многих исследователей, основа и резерв преодоления социокультурной гибридности и стабильного движения в будущее.

³ Это касается и исторического прошлого нашей страны: по точному замечанию И. Клямкина, максимальные заслуги российской монархии связаны именно с теми годами, в которые «она максимально открылась Западу» [9. С. 402].

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта : в 3 т. – М. : Изд-во ФО СССР, 1998. – Т. 1.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман : сборник. – СПб. : Азбука, 2000. – 300 с.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
4. Голик Н. В. Проблемы модернизации России // Философские науки. – 2003. – № 11. – С. 21.
5. Горин Д. Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации. – М. : Едиториал, 2003. – 280 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – СПб. : Глаголь : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1991. – 513 с.
7. Двадцать лекций по философии / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Кемеров. – Екатеринбург : БКИ, 2001. – 406 с.
8. Жизненные миры философии : сборник научных статей. – Екатеринбург, 1999. – 247 с.
9. Западники и националисты: возможен ли диалог? / сост. А. Трапкова. – М. : ОГИ, 2003. – 480 с.
10. Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. – М. : РОССПЭН, 1997. – 479 с.
11. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 215 с.
12. Кузнецова Т. В. Философская теория культуры: этапы развития // Философские науки. – 2003. – № 7. – С. 43–60.
13. Лихачев Д. С. Раздумья о России. – СПб. : Логос, 1999. – 672 с.
14. Померанц Г. С. Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый мир. – 1995. – № 8. – С. 131–142.
15. Проблема религиозно-культурной идентичности в русской мысли XIX–XX веков: современное прочтение / сост. Г. Я. Миненков. – Минск : ЕГУ, 2003. – 656 с.
16. Размышления о России и русских: штрихи к истории русского национального характера / сост. С. К. Иванова ; ред. Ю. П. Сенокосова. – М. : Прогресс, 1994. – 464 с.
17. Разум власти прирастает наукой: интеллектуальный портрет ведущих ученых Уральской академии государственной службы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. акад. гос. службы, 2001. – 303 с.
18. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энциклопедический словарь / под ред. М. П. Мчедлова. – М. : Республика, 2001. – 544 с.
19. Философия не кончается... : из истории отечественной философии. XX век, 1960–1980 годы. – М. : РОССПЭН, 1999. – 768 с.
20. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М. : Академический проект, 2000. – 496 с.

УДК 94(497.5)

Беляков Сергей Станиславович

канд. истор. наук, доцент кафедры регионоведения
Гуманитарного ун-та, заместитель главного редактора
журнала «Урал» (г. Екатеринбург)

Sergey S. Belyakov

Candidate of History,
Associate Professor at Area Studies Chair,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Deputy Editor-in-Chief of the «Ural» Magazine,
Ekaterinburg

**ХОРВАТСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ
УТОПИЯ В ИДЕОЛОГИИ
УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ**

**CROATIAN PEASANT UTOPIA IN THE
IDEOLOGY OF USTASHI MOVEMENT**

Аннотация

Статья посвящена изучению идеологии хорватского национализма конца 1920-х – 1930–40-х годов. В тот период хорватский национализм ориентировался преимущественно на сельское население. Отсюда и ориентация социально-экономической программы на хорватское крестьянство. Основное внимание в исследовании уделяется публицистическим сочинениям известного хорватского писателя Миле Будака. Именно Будак заложил основы программы Усташского движения в решении крестьянского вопроса. В то же время идеи, разработанные Будаком и лидером усташей Анте Павеличем, никогда не были воплощены в реальность.

Ключевые слова: хорваты, крестьянство, идеология, национализм, аграризм, усташа, партия, движение.

Abstract

The paper studies the ideology of Croatian nationalism of the late 1920's – 1930's and 40's. At that time, Croat nationalism oriented mainly in rural areas. Hence the orientation of social and economic programs in the Croatian peasantry. The focus of the research is given to the writings of famous Croatian writer Mile Budak. That laid the foundation for the program of Budak Ustashi movement in addressing the peasant question. At the same time, the ideas developed by Budak and Ustashi leader Ante Pavelic were never put into reality.

Keywords: croats, the peasantry, ideology, nationalism, agrarianism, Ustashi, party, movement.

Формирование националистического массового движения в хорватских землях Югославии относится к 1920-м гг., когда значительную часть населения страны составляли крестьяне. Социальная структура хорватского общества обусловила многие особенности хорватского национализма 1920–30-х гг., когда роль ведущей хорватской политической партии, объединившей большую часть хорватского электората королевской Югославии, перешла к Хорватской крестьянской партии (ХКП).

Гибель лидера ХКП Степана Радича, убитого в Скупшине в июне 1928 г. сербским депутатом, повлекла за собой стремительную радикализацию хорватского национального движения, на первые роли в котором стали выдвигаться политики, способные не останавливаться перед любыми средствами во имя достижения высшей цели – создания хорватского национального государства. В числе таких политиков оказались секретарь Хорватской партии права Анте Павелич, эмигрировавший в январе 1929 г. В эмиграции Павелич создал Хорватскую усташскую (повстанческую) организацию, вскоре переименованную в Усташское движение. Первоначально усташа не имели собственной социально-экономической программы и даже не поднимали вопрос о социально-экономическом устройстве будущего хорватского государства. Связано это было, как мы уже отмечали, с тем, что данная проблема, равно как и проблема политического устройства, рассматривалась усташами как второстепенная в сравнении с основной задачей Усташского движения – борьбой за создание независимого хорватского национального государства.

Немалую роль в разработке этой программы сыграл известный хорватский писатель Миле Будак, прежде близкий к ХКП.

В Архиве Военно-исторического института, в фонде НГХ, хранится его сочинение, озаглавленное «Некоторые мысли об устройстве свободного и независимого хорватского государства» [1].

Будак начинает свое сочинение с критики своих товарищей, оставляющих без внимания вопрос о будущем устройстве хорватского государства. Да, прежде всего следует завоевать «свободу для нации и государства», но это не значит, что не следует уже сейчас задуматься об устройстве будущего государства: «...всякий разумный человек, прежде чем строить здание, начертит его план в своей голове» [1. С. 367]. Миле Будак, известный сторонник традиционных хорватских (в первую очередь – крестьянских) ценностей, полагал, что Хорватии следует идти тем путем, «который указывают прошлое и настоящее хорватского народа и его образ жизни». А поскольку значительную часть хорватского населения составляет крестьянство и «можно утверждать, что наше хорватское Отечество... есть не что иное, как совокупность крестьянских хозяйств», а рабочие, горожане (торговцы и ремесленники) и интеллектуалы (если только они действительно хорваты, а не «чужеземцы») – также недавние выходцы из деревни и, следовательно, во многом сохранили деревенский менталитет, то и будущее хорватское государство должно быть в первую очередь государством крестьянским [1. С. 368, 369].

Будак решительно критикует и коммунизм, и капитализм не только за то, что оба общественных строя представляют собой «два... вида рабства для человеческой души», но и за то, что коммунизм и капитализм «одинаково далеки от души хорватского народа, чужды ей». Коммунизм и капитализм делают человека рабом чужой воли: «Разница лишь в том, что какого-нибудь Рокфеллера или Штерна заменит какой-нибудь Троцкий, который прежде звался Бронштейном» [1. С. 368]. Хорватское крестьянское государство должно быть равно далеким и от коммунизма, и от капитализма.

«Крестьянский народ – крестьянское государство... это наш подлинный идеал», – писал Будак [1. С. 369]. Для создания такого государства необходим целый ряд преобразований. На первое место Будак ставил, естественно, земельную реформу, которая одновременно стала бы реформой административно-территориального устройства. Цель реформы – возрождение и укрепление задруги, большесемейной общины, одного из столпов традиционного уклада жизни хорватского (и, кстати, сербского) народа. Задруга («совокупность домочадцев, которые принадлежат к одному [семейному] очагу») должна была стать единственным собственником земли. Задружную землю запрещалось бы продавать, делить, дабы не нанести вред хозяйству задруги, не подорвать его. Свободные крестьянские хозяйства, защищенные принципом задружной собственности, составляли бы сельские общины. Управление в этих общинах было бы возложено на самих сельских хозяев и на взрослых членов их семей. Несколько сельских общин должны были составлять котор, а несколько которов – жупанию. Все хорватское государство должно было быть разделено на эти жупании. На всех уровнях, от общин до жупаний, власть должна была принадлежать не государственным чиновникам, а органам местного самоуправления. Таким образом, достигался желанный идеал: задруга гарантировала бы достаток, не допускала обеднения и обезземеливания крестьян, а развитие широкой системы местного самоуправления, по мнению Будака, означало бы, что власть принадлежит непосредственно хорватским крестьянам [1. С. 370].

Еще более оригинальной должна была быть реформа торговли. Будак понимал, что возрождение натурального хозяйства в XX в. невозможно. Но и сохранять положение, при котором торговля находится не в руках хорватского крестьянина, а в руках «спекулянтов», нельзя. Поэтому Будак предложил иметь в каждой общине задругу, занимающуюся торговлей и обменом. «Все сельские задруги состоят в общинном, общинные – в жупанийском, а последние – в государственном союзе, и, таким образом, каждая задруга состоит под надзором союза и государства» [1. С. 371]. Такая система должна была исключить спекуляцию. Кроме того, Будак предлагал целый ряд реформ, которые не были прописаны столь подробно: от реформы законодательной (в основу законодательства хорватского государства должны быть положены полузабытые принципы хорватского обычного права) до введения обязательного ношения традиционной хорватской одежды [1. С. 373–376].

Нельзя сказать, что программа Будака была чем-либо новым, из ряда вон выходящим. В сущности, это был вариант (правда, довольно-таки радикальный) аграризма, осо-

бого идейного течения конца XIX – начала XX в., ставшего своеобразным ответом аграрного общества на вызов модернизации. Сторонникам этой идеологии представлялось, что сохранение и развитие сельских патриархальных отношений, распространение их на все общество, переустройство государства с учетом интересов сельской общины способны преодолеть противоречия современного общества, позволят избежать как социальных пороков капитализма, так и социалистического соблазна. Интересно, что еще в конце XIX в. в идеологии сербской Народной радикальной партии появилась концепция «народного государства», в ряде положений перекликавшаяся с программой М. Будака [2. С. 291–322]. Перекликается программа Будака и с идеей «крестьянской республики», являвшейся составной частью идеологии ХКП. Это не удивительно: М. Будака в 1929–1932 гг. поддерживал хорошие связи с руководством этой партии, в том числе и лично с В. Мачеком, ставшим ее лидером после гибели С. Радича.

Крестьянская утопия Будака, разумеется, не была осуществлена, но определенное влияние на других усташских идеологов, в том числе на Павелича, взгляды Будака все же оказали. Двенадцатый и шестнадцатый «усташские принципы», разработанные Павеличем и ставшие основой идеологии усташства («крестьянство – основа государства», «источник хорватской силы и прогресса»), почти буквально повторяют идеи, высказанные Будаком: «Крестьянство – основа и источник всякой жизни, а потому и подлинный носитель всякой власти в хорватском государстве. И помимо того, все слои хорватского народа, составляющие единое народное целое... имеют не только [крестьянские] корни и происхождение, но и прочную семейную связь с селом. Тот, кто в Хорватии не происходит из крестьянской семьи, тот в девяност годах из ста не хорватского происхождения, не хорватской крови, а пришелец-иноземец <...> Ремесла, домашнее рукоделие и торговля должны быть помощниками в... крестьянском и народном хозяйстве. Эти сферы жизни должны стать областью частной деятельности и источником достойной жизни... а не способом накопления народной собственности в руках капиталистов» [3]. 13 декабря 1933 г. Главный усташский штаб (фактически, сам Павелич) издал специальное распоряжение, в котором говорилось, что Усташское движение – это настоящее «крестьянское движение, потому что усташа – крестьяне и крестьянские сыны, и смысл Усташского движения в том, чтобы в свободном хорватском государстве правил не кто иной, как крестьяне, объединенные в усташскую организацию» [4. С. 93]. В листовке, распространявшейся от имени Павелича в 1937 г. в хорватских землях Югославии, вновь прозвучала сформулированная Будаком идея о том, что хорватский народ состоит из крестьянства, представители же других слоев общества также имеют крестьянские корни, если только они действительно хорваты, а не чужеземцы [5].

Этот «усташский аграризм» был обусловлен рядом обстоятельств. Крестьянство в межвоенный период оставалось самой многочисленной категорией хорватского населения, хорватский рабочий класс также в значительной степени сохранял связь с деревней. Крестьянство служило главной опорой Хорватской крестьянской партии, объединившей едва ли не весь хорватский народ для борьбы с Белградом. Наконец, основой социальной базы усташей было опять-таки крестьянство: в 1930-х гг. более 70 процентов усташей-эмигрантов (сколько-нибудь надежных данных о численности и социальном составе усташей в Югославии не существует) происходило из крестьян (к их числу относились и сезонные рабочие, завербованные в Бельгии, в Италии или в США, тоже крестьяне по происхождению) [6]. Крестьянское происхождение имели и многие усташские лидеры, А. Павелич был внуком крестьянина, М. Будака – крестьянским сыном.

Усташа и после создания Независимого государства Хорватия (апрель 1941 г.) продолжали активно использовать прокрестьянскую риторику. Павелич в радиообращениях к хорватскому народу (пятого, седьмого и восьмого апреля 1941 г.) говорил о «хорватском крестьянском народе» и обещал, что только этот «крестьянский народ» и будет править в независимом хорватском государстве. С. Кватерник, еще будучи «исполняющим обязанности» Поглавника (вождя, фюрера), обратился к хорватскому крестьянству. Он отметил будто бы решающий вклад крестьянства в борьбу за создание НГХ и выразил уверенность в том, что хорватское крестьянство станет твердым фундаментом, на котором будет стоять хорватское государство [4. С. 134]. В своем майском выступлении на площади св. Марка (21 мая 1941 г.) Павелич обещал, что хорватское государство будет служить исключительно интересам хорватских крестьян и рабочих, что в нем не будет ни

богатых, ни бедных. «Крестьянский народ» Павелич вновь назвал «носителем всей власти в хорватском государстве». «Плуг и борона – хлеб хорвату, а усташи его защита», – провозгласил Павелич усташский лозунг [7. С. 37]. В своем послании к Хорватскому государственному сабору Павелич обращал внимание делегатов на то, что им предстоит «создать такой внутренний порядок в нашем Независимом государстве Хорватия, чтобы оно... было настоящим домом для хорватского крестьянина <...> Мы крестьянский народ» [4. С. 228–229]. Д. Црлен в своем подробнейшем комментарии к «Усташским принципам» уделил много места восхвалению «созидательной энергии» хорватского крестьянина, называя его «хранителем народного духа и государственности», повторяя тезис о крестьянском происхождении всех истинных хорватов [4. С. 84]. В усташском «Уложении» говорилось о том, что, поскольку крестьянство составляет большую часть населения, Усташское движение действует прежде всего во имя его интересов, не забывая, однако, интересы других классов [4. С. 277–278]. А. Бонифачич утверждал, что «хорватское крестьянство воплощает собой почву и чистоту крови» [8. С. 24].

Однако о существовании в усташской идеологии четкой, хорошо разработанной концепции «крестьянского государства» говорить не приходится. Утопическая теория Будака не стала официально принятой. Павелич лишь использовал привлекательные лозунги, апеллировал к хорватскому традиционализму, однако для проведения решительных преобразований, которые превратили бы НГХ в «крестьянскую республику», у правителей НГХ не было ни возможности (в стране шла война), ни желания. Патриархальная утопия встретила и противников среди влиятельных усташских функционеров. Иво Богдан в еженедельнике «Спремность», хотя и высказался за сохранение «старых добрых обычаев», посчитал сомнительной идею возрождения задруги, отметив, что успешность развития сельского хозяйства будет зависеть от введения на селе достижений технического прогресса – электрификации, создания современного здравоохранения, строительства школ, кинотеатров и т. д. [9. С. 2]. Публицист Милан Ившич, напротив, защищал задругу, полагая, что именно «задружный дух» может служить надежной основой сильного хорватского государства [10. С. 6]. С симпатией писал о «хорватской республике как объединении свободных крестьянских хозяйств» и Ю. Маканец [11. С. 14]. Сам факт существования чего-то подобного дискуссии или, по крайней мере, несовпадение мнений в государстве, где печать (и в первую очередь издания, подобные «Спремности») находилась под жестким государственным контролем и была призвана обслуживать интересы режима, говорит об отсутствии официальной, догматизированной теории, которая бы определяла место и роль хорватского крестьянства в системе усташского государства. Красивые слова о «крестьянском государстве» не могли ее заменить. НГХ было разделено на жупании, однако власть в жупаниях и которах принадлежала государственным чиновникам и усташским функционерам, о широком крестьянском самоуправлении и о введении задружной собственности не было и речи.

Следует помнить, что «Усташские принципы» – первый программный документ, сохранивший в себе не только национальную программу, но и элементы программы социально-экономической, создавался в период системного кризиса капиталистической системы. «Великая депрессия» заставила многих усомниться в ценностях либерального общества. В то же время коммунизм далеко не всем казался приемлемой альтернативой. На повестку дня встал вопрос о поиске некоего «третьего пути». Такой путь виделся Павеличу, Будаку и их окружению в возврате к традиционным, патриархальным ценностям, а также в заимствовании некоторых элементов социалистической (или христианско-социалистической) программы. Тринадцатый усташский принцип гласил: «Все материальные и духовные ценности в хорватском государстве – собственность хорватского народа, и он один имеет право распоряжаться ими и использовать их. Природные богатства хорватского Отечества, в особенности его леса и руды, не могут быть предметом частной торговли. Земля является собственностью того, кто сам со своей семьей ее обрабатывает, то есть крестьянина» [3]. Этот «крестьянский социализм» свидетельствует о родстве не с коммунистической программой, а, скорее, с эклектичной идеологией Хорватской крестьянской партии, сочетавшей социальный католицизм с социалистическими элементами и патриархальными традициями хорватского крестьянства.

Литература

1. Budak M. Nekoliko misli o uređenju slobodne i nezavisne hrvatske države // Krizman B. Ustaše i Treće Reich. Knj. 2. – S. 367–376.
2. Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). – М., 1998.
3. Ustaša. 1941. Br. 1.
4. Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. Zagreb, 1995.
5. Архив Србији и Црне Горе. Фонд 37 (Фонд Милана Стојадиновића), фасц. 19. Л. 425.
6. Архив Србији и Црне Горе. Фонд 14 (Министарство унутарњих послова, Одељење за државну заштиту), фасц. 27. Л. 600–624.
7. Država seljaka i radnika. Govor Poglavnika 21. svibnja 1941 // Doktor Pavelić riješio Hrvatsko pitanje. – Zagreb, 1942.
8. Bonifačić A. Zwischen Jupiter und Mars: Kroatiens bekenntnis zu Europa.
9. Bogdan I. Hrvatsko selo i napredak // Spremnost. – 1942. – № 23.
10. Ivšić M. Najsavršenja radna zajednica // Spremnost. – 1944. – № 99.
11. Makanec J. Hrvatski vidici: Nacionalno-politicki eseji. – Zagreb, 1944.

УДК 94(47).05:2

Зубков Константин Иванович

канд. истор. наук, доцент, заведующий кафедрой
регионоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Konstantin I. Zubkov

Candidate of History, Associate Professor,
Head of Area Studies Chair,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ
ДИФФУЗИИ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК
ПЕТРОВСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИИ: СЛУЧАЙ РЕЛИГИОЗНОЙ
СФЕРЫ**

**CULTURAL DIFFUSION MECHANISM
IN THE CONTEXT OF FORMING
PREREQUISITES
FOR THE PETRINE MODERNIZATION
IN RUSSIA: THE CASE OF RELIGIOUS
PRACTICE**

Аннотация

В статье исследуются механизмы процесса культурной диффузии европейских моделей взаимодействия религиозной и политической сфер в структуры Российского государства и общества XVI – начала XVIII в. Автор на примерах конкретных ситуаций показано, как под влиянием этих заимствуемых образцов происходила трансформация традиционных начал русской жизни, подготовившая проведение церковной реформы Петра I в 1721–1724 гг. Вместе с тем доказывается, что усвоение европейских моделей на русской почве происходило более сложным путем, чем это обычно предполагает теория культурной диффузии: успех культурных заимствований зависел от того, насколько органично и актуально они могли вписываться в формат русской традиции.

Ключевые слова: церковь, религия, государство, культурная диффузия, модернизация, секуляризация, реформа, Просвещение.

Abstract

The article investigates mechanisms of cultural diffusion by which the European patterns of interaction between the religious and political spheres influenced the structures of the Russian state and society of the 16th – early 18th centuries. Relying upon the instances of concrete situations, the author displays how these borrowed patterns transformed traditional basis of the Russian life, preparing the implementation of the ecclesiastical reform by Peter the Great in 1721–24. Meanwhile, it is argued that the adoption of the European patterns on the Russian soil had been going by a more complicated way than it is supposed by the theory of cultural diffusion: the success of cultural borrowings depended on how organic and actual were they to be embedded into the framework of the Russian tradition.

Keywords: church, religion, state, cultural diffusion, modernization, secularization, reform, Enlightenment.

В оценке источников, хода и последствий петровской модернизации России начала XVIII в., несомненно, центральное место занимает проблема «европеизации» – процесса, обычно представляемого в виде мощной волны прямых и по большей части форсированных культурных заимствований и копирований западноевропейской «современности». Сразу оговорюсь, что не отношу себя к числу тех, кто склонен объяснять принципиальные модернизационные сдвиги в культуре преобразуемого общества прямым переносом передовых европейских образцов на туземную почву. Даже при отождествлении многих петровских нововведений с эксплицитными проявлениями культурной диффузии, в которых весьма отчетливо прочитываются исходный прототип, мотивация и наглядные плоды внешних заимствований в конкретных областях общественной жизни, необходимо все же заметить, что скорость и результативность этих заимствований во многом зависели как от глубины предшествовавших им внутренних трансформаций ценностно-символической структуры общества-«реципиента», так и от той метафизической «оболочки», в которую облекался сам процесс культурной диффузии. Иными словами, для более глубокого понимания механизма культурной диффузии необходимо видеть в нем взаимообразный, встречный процесс адаптации ищущих контакта культур и раздвинуть границы его анализа до определения основных параметров того идейно-культурного формата, который

как бы с двух сторон – со стороны общества-«реципиента» и со стороны «донорской» культуры – обуславливал и делал возможным этот контакт.

В этом же контексте важно исследовать и ту глубину воздействия внешних диффузионных влияний на общество-«реципиент», в частности понять, насколько последнее способно модернизироваться, не утрачивая при этом ценностно-смысловых структур, составляющих «ядро» его культурно-цивилизационной самобытности. Определяя самосознание общества, эти структуры становятся стержнем его геополитической «суверенности» как способности при внешних воздействиях любой природы и интенсивности сохранять отчетливое видение собственных интересов и целей и последовательно их реализовывать. В структуре петровской модернизации, по меньшей мере одна важнейшая сфера могла бы быть выделена в качестве того базового компонента национально-государственного существования, без которого невозможно было в ту эпоху представить сохранение геополитической и культурно-цивилизационной идентичности России, – это религия. Религиозная сфера, как правило, и воспринималась в русском культурном дискурсе как традиционный, охранительно-консервативный компонент, менее всего способный подвергаться ценностно-смысловым «мутациям» под воздействием внешних заимствований. Важно проанализировать, насколько религия в общем контексте Петровских реформ подвергалась видоизменениям и в каком смысле следует их трактовать.

В историографии уже прочно утвердилось представление о том, что так называемая «старомосковская» традиция – как противостоящая смелым преобразовательным замыслам Петра рутинная реальность – к рубежу XVII–XVIII вв. сама едва ли может рассматриваться как внутренне однородная, монолитная, непроницаемая для внешних влияний культурная субстанция. Как убедительно показывает в своих работах А. М. Панченко, до Петра «европеизация» уже в течение нескольких поколений производила обновляющую инкультурацию русской жизни и просматривалась в ней если не в виде устойчивой восходящей тенденции, то, по крайней мере, как некоторое внушительное по охвату жизненных проявлений «неоднородное и пестрое наследство»¹. Правда, столь же бесспорным является подчеркнутый в свое время А. С. Лаппо-Данилевским факт напряженной раздвоенности, определявшей культурный прогресс России в XVII в., – раздвоенности, выражавшей достаточно сложный, драматичный переход русского общества к полноценному усвоению и переработке шедших с европейского Запада влияний, превращению их из внешнего, по большей части эпигенетического фактора эволюции в механизм сознательного и целенаправленного обновления культурных оснований². По-видимому, именно в этом последнем смысле – с точки зрения преодоления этой раздвоенности и ясно обозначенной определенности правительственного курса – можно квалифицировать Петровские реформы как подлинную культурную «революцию».

На наш взгляд, подготовленную предшествующим развитием русской жизни интенсификацию процессов культурной диффузии в правление Петра I нельзя объяснять только продолжающимся обновлением культурного «поля» зримыми приметами западноевропейских влияний – появлением в русской городской среде отдельных «вкраплений» западного быта (Немецкая слобода в Москве), а в быту правящей элиты предметов европейского домашнего обихода, придворного театра, внедрением элементов европейской военной науки и полков «иноземного строя», распространением образцов западной книжной и художественной культуры, возникновением первых образовательных учреждений по типу западных и тому подобным новациями – и, как можно было бы предположить, их накоплением до определенной «критической массы», то здесь, то там предназначенной прорывать «оболочку» национальной традиции. Довольно резкой чертой, отделявшей в XVII в. Россию от Европы в культурном отношении, не устранило даже наличие в правящем слое когорты по-европейски образованных людей отчетливой «западнической» ориентации (А. С. Матвеев, А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. М. Ртищев, В. В. Голицын и др.). Гораздо более важными для понимания причин успеха петровской «европеизации» Рос-

¹ Панченко А. М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. (XVII – начало XVIII века). – М., 1996. – Т. III. – С. 505.

² Об этом подробнее см.: Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. – М., 1990. – С. 17–24.

сии как широкомасштабного проекта преобразований являются процессы, протекавшие в подспудном, «глубинном» слое национальной культуры. Речь идет, прежде всего, о принципиальных изменениях самой русской культурной модели (скорее структурных, чем элементных), которые можно уподобить сдвигам цивилизационного характера. По сравнению с поверхностными заимствованиями, фиксируемыми в «верхнем» слое бытовой культуры, эти изменения характеризуются неизмеримо более сложным, преображенным, зачастую переосмысленным в национальном контексте характером усвоения западных влияний – причем влияний по большей части латентных, затрагивающих даже не идеологический строй культуры, но ее сокровенную метафизику и всю связанную с ней систему ценностей. Этот уровень бытования культуры отличает известная парадоксальность: с одной стороны, происходящие в нем структурные сдвиги до такой степени ограничиваются превращениями в замкнутом круге ценностей и символов национальной культуры, что их исходные западноевропейские прообразы угадываются в них с большим трудом и возникает соблазн отнести их к разряду случайных контаминаций; с другой же стороны, только такого уровня сдвиги в самом «ядре» национальной культуры отмечены широтой, способной обеспечить надежную почву для более или менее органичного усвоения внешних символов западноевропейской жизни.

К числу таких принципиальных культурных сдвигов, подготовивших петровские преобразования, можно отнести в первую очередь изменения во внешне-ориентированном, геополитическом и религиозном самосознании русской культуры. Как отмечал Е. Ф. Шмурло, новые международные задачи, со всей определенностью обозначившиеся перед Россией в XVII в. как ее геополитическая миссия, «не были чем-либо ясно осознанным, не были целью, поставленной намеренно; пока никто еще их тогда даже не формулировал – они сложились исторически, без участия чьей-либо индивидуальной воли; их создала вся обстановка жизни, весь предыдущий ход событий»³. Еще в XVI в. Русь мыслила себя по преимуществу в категориях «одинокого» православного царства, предназначенного после падения Византии хранить «светоч» истинного христианства и тем приготавливающего себя к Спасению. Самодостаточный характер этой миссии и связанный с ней комплекс исключительности не могли не служить стимулом к прогрессирующей культурной самоизоляции России от Европы. Показательно, что возвращение русско-православного самосознания к мышлению масштабам всей *Slavia orthodoxa* происходило в XVII в. в результате серии внешних толчков, в которых религиозно-племенной и внешнеполитический аспекты оказались тесно связанными. Смута и польская интервенция начала XVII в. насильственно втягивают Россию в «магнитное поле» епископального соперничества и конфессиональных конфликтов, которые в то время как никогда сильно будоражили Европу. Краткое воцарение на московском престоле католического перекрещенца Лжедмитрия, личность которого А. М. Панченко характеризует как законченный тип «европейского авантюриста», конфессиональная пестрота его пришлого двора (католики, православные, социниане-«ариане») могли рассматриваться в миниатюре как трансляция на русскую почву той конфессиональной ситуации, которая сложилась в Речи Посполитой⁴, и как толчок к обостренной рефлексии православного самосознания по поводу отношения не только к своим религиозным антитезам, но и к тому цинично-релятивному в своих послылках, секулярному, сугубо политическому стилю мышления, в духе которого теперь развертывается борьба за власть. Проницательный голландец Исаак Масса убедительно квалифицирует в своих записках свержение самозванца и смену власти в Москве весной 1606 г. как умело разыгранную перед наивным народом религиозную мистерию «восстановления» попорченной веры: подозрительно воспринимавшиеся боярами признаки необычного, «отклоняющегося» поведения Лжедмитрия в конце концов нашли универсальное объяснение его «неподлинности», прежде всего, в череде инкриминированных ему религиозных преступлений: чародействе, творимом «по наущению дьявола», еретичестве («ибо не чтит праздников и не соблюдал постов, а также не ходил в церковь»), действиях по указке иезуитов и самого папы и т. п. Самозванцу вменялись в вину не только такие внушенные письмами папы «преобразования» страны, как стремление «к очищению

³ Шмурло Е. Ф. История России. 862–1917 гг. – М., 2001. – С. 248.

⁴ Панченко А. М. Русская культура накануне петровских реформ. – Л., 1984. – С. 16–17.

церкви от всех греческих алтарей и икон» и обманному перекрещиванию народа римскими иконами, но и открытие школ, «чтобы обучать детей, как это делают в Польше»⁵.

Фактически, еще раньше подобное же травмирующее воздействие на русско-православное самосознание оказала Люблинская уния 1569 г., отдавшая православную Литовскую Русь в объятия католической Польши. Историческая задача возвращения «отчужденных» русско-литовских земель в лоно России, до этого рассматривавшаяся как преимущественно внутренняя, как бы продолжающая политику «собирания» русских земель, превращалась тем самым во внешнеполитическую, образуя прочнейшую, хотя и напряженную, перманентно конфликтную, связанность русско-польских и католическо-православных отношений. Нелишне заметить, что и сама польско-католическая экспансия на восток во многом предстает как отражение более широких религиозных брожений, охвативших Европу: резко возросшая активность католической церкви на востоке континента, ее настойчивая работа по обращению «схизматиков» были, по существу, разновидностью реванша, за счет которого католицизм пытался компенсировать невозвратные потери в ходе Реформации своей паствы в Западной и Центральной Европе. Усиление позиций католицизма в русско-литовских землях придает религиозной проблематике совершенно новый смысловой контекст. Немаловажным штрихом к этой новой для России ситуации является и то, что в это время для всей Европы в целом жизненно важное значение приобретает еще одно геополитически обусловленное измерение международных отношений, как будто оправдывающее напряженный характер межконфессиональных борений в европейском христианстве, но ставящее их в подчиненное положение по отношению к геополитической проблематике. Осада Вены в 1529 г. турецкими войсками на весь XVI в. сделала актуальными планы создания объединенного фронта христианских народов против османской угрозы. На волне успехов, достигнутых Польшей на завершающем этапе Ливонской войны, Стефаном Баторием вынашиваются амбициозные планы объединенными усилиями католической Польши и поверженных московских «схизматиков» кардинально решить задачу освобождения балканских христианских народов от иноверного ига Османской империи. Это, в свою очередь, послужило прямым прологом к возникновению и пропаганде идей католическо-православной унии. В 1589 г. константинопольский патриарх Иеремия II рукоположил киевским митрополитом сторонника унии – архимандрита Минского Вознесенского монастыря Михаила Рогозу, а в 1595 г. православные епископы – луцкий Кирилл и владимирский Ипатий представили папе Клименту VIII проект восстановления церковной унии в Киевской православной митрополии. В октябре 1596 г. в Бресте поместный церковный собор, созданный под водительством Михаила Рогозы, утверждает акт об унии⁶. (Небезынтересно отметить, что это явное торжество католицизма в деле подчинения «схизматиков» папскому престолу и рассмотрение унии как обрядовой уступки и переходного этапа на пути к полному окатоличиванию православного населения западно-русских земель не отменяли и антиосманского подтекста ее заключения. Неслучайно один из противников унии, экзарх константинопольского патриарха Никифор после проведения в Бресте альтернативного собора, направленного на защиту православия, был заключен в тюрьму по обвинению в шпионаже в пользу Турции.)

Таким образом, к началу XVII в. Россия вовлекается в сложный контекст религиозных споров и конфликтов, в которых вольно или невольно проецируется и третий конфессиональный фактор в лице господствовавшего в Юго-Восточной Европе ислама. Сам же конфликт между православием и католичеством моделируется и как своеобразный «канал» культурной диффузии. Дело в том, что униатская проблема существенно разнообразила палитру религиозных оттенков, характеризовавших конфессиональную ситуацию в Восточной Европе. Помимо вполне объяснимых колебаний в вероисповедных вопросах среди православных иерархов западнорусских земель, обозначившихся мотивов искания в них политической выгоды, общую «мозаичность» конфессиональной картины дополняли фактически автокефальный статус православного епископата на западнорусских землях, его подчинение по обряду рукоположения антиохийскому и константинопольскому патриархам. Характерно, что в заключенном в январе 1654 г. Переяславском договоре о переходе Малороссии под власть московского царя еще специально оговари-

⁵ О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса, Петр Петрей. – М., 1997. – С. 125.

⁶ История религии : в 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 205.

валась самостоятельность Киевской митрополии по отношению к русской церкви. Хотя в 1685 г. по соглашению московского патриарха Иоакима и гетмана Малороссии Ивана Самойловича Киевская митрополия соединяется с Русской православной церковью, киевский митрополит продолжает исполнять роль официального посредника в сношениях русского и польского правительств по церковным делам и контролировать четыре православные епархии на территории Речи Посполитой: Могилевскую, Луцкую, Львовскую и Перемышльскую⁷.

Вынужденная «интернационализация» вопроса о защите позиций православия перед натиском католической экспансии создала новые мощные стимулы для внутреннего обновления православной церкви. Двумя надежными опорами православия в Западной Руси являлись украинское казачество и утвердившиеся в городах Речи Посполитой внесловенные православные братства. Возникновение последних относится еще к XV в., однако именно в первой половине XVII в. их деятельность приобретает едва ли не решающее значение в межконфессиональной схватке России и Польши за украинско-белорусскую паству. Существовая в условиях острого противоборства с католической экспансией и находясь на переднем крае борьбы с ней, православные братства становились важными генерирующими центрами православной учености, а в интересах полемики с идейным противником они энергично осваивали достижения латинско-католической схоластической науки. В создаваемых для этих целей православных «братских» школах изучались церковно-славянский, греческий, латинский и польский языки, традиционные для средневековой образованности тривиум (грамматика, диалектика, или логика, риторика) и квадриум (арифметика, геометрия, астрономия, музыка), создавались передовые для своего времени учебники (прежде всего, для обучения русскому языку); большое значение в преподавании придавалось изучению богословских предметов, искусству проповеди и гомилетике (богословской полемики).

Существование этих очагов православия в условиях иноверного гнета и откровенной политической дискриминации оборачивалось повышением общего тонуса духовной жизни православных общин (включая их активную проповедническую и миссионерскую деятельность) и намечало тенденцию к интенсивному усвоению православием плодов западноевропейской схоластики – уже не только как средства идейной борьбы с католичеством, но и как атрибута христианской учености вообще. Развивавшаяся в Малороссии христианская ученость оказывалась в большей степени погруженной в стихию новых культурных веяний, чем московское православие, долгое время пребывавшее в состоянии духовного оцепенения. Известно, например, что украинские «братские» школы в XVII в. повсеместно служили образцом для создания учреждений духовного (и отчасти светского) образования в России. Все новое проникало в русское православие незаметно, подспудно, в облике восстановления традиции. Поэтому нараставшее с середины XVII в. религиозно-культурное сопряжение Москвы и Малороссии, знаменовавшее как будто восстановление (!) единства и непоколебимости православной веры, на деле служило мощным источником трансляции новых идей и тенденций в осознании отношений между религией и политикой, верой и наукой, клиром и мирянами.

Немаловажно в этой связи заметить, что устроенные по корпоративному бессловенному принципу православные братства не только открывали России западную схоластическую ученость, но и, развиваясь во враждебном политическом окружении, вырабатывали новые, более демократичные принципы организации церковной жизни. Все содержание клира, а также оказание взаимопомощи и благотворительности в рамках православных общин обеспечивались на средства общих касс, в связи с чем братства принимали непосредственное участие в выборе епископов и митрополитов, могли до известной степени контролировать церковную иерархию. Напряженная борьба за души мирян, которую приходилось вести православным братствам, должна была придавать особое значение распространению православной образованности, а также укреплению единства клира и мирян. Это до известной степени сближало православные братства если не по догматике, то по духу с «диссидентскими», внецерковными версиями протестантизма, культивировавшими народное просвещение и вдохновенный евангелизм. В этой атмосфере естест-

⁷ История религии : в 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 208.

венными должны были выглядеть если не явное тяготение, то эпизодические апелляции к оппозиционному католицизму западноевропейской рационалистической традиции.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что бурный и конфликтный XVII век при всем видимом нарастании полемического накала в трактовке догматических вопросов нес в себе симптомы ослабления и даже известного кризиса религиозной сферы не только в Западной, но и в Восточной Европе. На востоке континента растущая секуляризация общественного сознания если не проявлялась прямо в жестком разграничении светской и духовной сфер, то, по крайней мере, обнаруживала себя в возросшей его подвижности и пластичности в вопросах вероисповедания. С очевидностью открывалась совершенная зависимость церкви от «большой» политики, превращение ее в служебное орудие реализации амбициозных политических проектов, что проявлялось не только в большей простоте и легкости обращений из одной конфессии в другую в политических целях, но и в явно обозначившемся политиканстве самого духовенства. Униатство (как и вообще конфессиональная ситуация в Западной Руси) весьма показательны в этом отношении: оно демонстрировало принципиальную возможность разграничения обрядово-догматической и политической сторон религии. Прагматизм в вопросах вероисповедания становился общим знаменем времени.

В Западной Европе этот кризис религиозной сферы предстает с предельной ясностью: его выражением становится смена господствующих религиозно-культурных парадигм, механизм которой обнаруживает тесную взаимосвязь между конфессиональными и политическими идентичностями. Английский исследователь М. Уайт описывает этот феномен как своеобразную «революцию лояльностей», знаменовавшую переход от Средневековья к Новому времени – от феодального миропорядка к миру национальных государств. В характерной для средневекового человека «концентрической» модели идентичности, как отмечает Уайт, «средний круг», отождествлявшийся с национально-государственной принадлежностью индивида, был наиболее смутным и эфемерным, поскольку почти полностью размывался более сильными идентичностями – преданностью своему феодальному сеньору («ближний круг»), с которым человек находился в регулярном контакте, и приобщенностью к «вселенскому» христианскому сообществу («внешний круг»), которое в лице церковных авторитетов властвовало над человеком духовно, наделяя смыслом каждый аспект его существования. Вместе с решительными успехами политической централизации ситуация принципиально изменяется: лояльность феодальному сюзеру исчезала, постепенно расширяясь до лояльности национальному суверену как единственному гаранту «справедливости» и «порядка» в государстве, и уже в этом качестве сама национальная монархия бросала вызов католической церкви как силе подчеркнута вненациональной, управляемой из далекого Рима⁸. Дистанцированный от национальной политической сцены, высший церковный авторитет (папа Римский) воспринимался как все более и более абстрактный символ, в то время как во внутренней национальной жизни европейских государств коррумпированность самой католической церкви и в то же время присущий ей придиричивый догматизм вызывали все большую и вполне предметную ненависть. В странах победившей Реформации эта ситуация привела к постепенному вытеснению католицизма национальными евангелическими церквями, в системе организации которых прочно утверждается принцип подчинения еkkлeзии высшей светской власти. Неслучайно, что лютеровская Реформация в Германии получила в позднейших оценках, помимо сугубо религиозного, и определенное политическое измерение – «национальной революции», противопоставившей «светской власти Рима – политическое самоопределение немецкого народа». Однако это была, прежде всего, «революция духа», примирившая последний с самим собой, а не с внешними церковными авторитетами⁹. Даже если считать данную схему излишне теоретичной и упрощенной, слабо учитывающей подвижный баланс противоборства Реформации и Контрреформации, то все же в границах XVII столетия имеется немало других ярких свидетельств того, что религия, отстаивающая абстрактный идеал Потустороннего, бесповоротно утрачивает свою интегральную власть над общественным сознанием и внутренним духовным миром личности.

⁸ Wight Martin. Power Politics / Ed. By Hedley Bull and Carsten Holbraad. – L., 1999. – P. 25.

⁹ Фокин И. Мартин Лютер и немецкая Реформация // Мартин Лютер. 95 тезисов. – СПб., 2002. – С. III–IV.

Несколько иначе обстояло дело в Восточной Европе, где, напротив, приобретшие политическую остроту вопросы выбора вероисповедания в тот период фактически сливались с выбором способа национального существования в виде победы той или иной геополитической ориентации (на Рим, Москву или Стамбул). Но и в том и в другом случае тенденция подчинения церковной жизни целям «большой» политики обнаруживается с достаточной ясностью.

Не менее прагматичным становилось отношение между религией и просвещением. Несмотря на непримиримый догматический и политический конфликт с католицизмом, западнорусское православие культивировало вполне комплиментарное отношение к «латинской» учености. Эта своеобразная субкультура настолько пропитывала украинскую православную традицию, что она, уже будучи перенесенной в Московскую Русь, воспринималась ревнителями православной веры как «латиномудрствующее», подозрительно схожее с католицизмом и потому еретическое направление. Для жаждущих знаний православных священников западная схоластическая ученость превращалась в своеобразную самоцель, ради которой считалось вполне допустимым временное, пусть и всего лишь показное, отречение от «отеческой» веры. На Украине в конце XVII в., например, вполне рутинной становилась практика, когда выпускники знаменитой Могилянской академии («коллегии») при православном Киево-Братском монастыре, во многом копировавшей, кстати, программу обучения иезуитских школ, отправлялись продолжать учебу не только в Польшу, но и в Рим, где иезуитами же по повелению папы Григория VIII для подготовки униатских миссионеров из среды славян была учреждена специальная коллегия Св. Афанасия¹⁰. По возвращении из-за границы иезуитским воспитанникам оставалось лишь замолить грех вероотступничества и вернуться в лоно православия. Самоценность учения в конечном счете оправдывала прогрессирующий вероисповедный релятивизм.

Нечто подобное этой эстафете учености начиналось в Москве. Как отмечал М. К. Любавский, подобно тому, как Украина тянулась за образованностью к Западу, Московская Русь пока еще медленно и неуверенно, но все же втягивалась в орбиту малороссийского церковного влияния. Например, в 1640-х гг., еще до массовых переездов в Москву европейски образованных украинских священников, любителем просвещения боярином Ф. М. Ртищевым на собственные средства на Воробьевых горах в Москве был устроен Андреевский монастырь, где выписанные из Киева и ряда других монастырей ученые монахи обучали русскую молодежь славянской, греческой и латинской грамматике, риторике, философии и прочим «западным» наукам. Наиболее отличившиеся и жаждущие более обширных познаний ученики отправлялись за счет Ф. М. Ртищева доучиваться в Киево-Могилянскую академию¹¹.

Те культурно-религиозные новации, которые в XVII в. ярко проявились в украинском православии, после присоединения Левобережной Украины с Киевом к России в 1667 г. уже, по существу, могли рассматриваться и как часть русской церковной жизни – по крайней мере, в аспекте складывания условий для их более свободной циркуляции в русском обществе. Однако в целом Московская Русь оставалась более инертной, косной, догматичной средой с точки зрения способности и желания воспринимать внешние влияния, в том числе и становящуюся все более привлекательной западную ученость. Если касаться наиболее продвинутых образцов последней, то общую ситуацию можно было бы охарактеризовать следующим образом: то, что на Украине становилось достоянием многих и вполне рутинной практикой, в России было начинаниями просвещенных одиночек, зачастую не имевшими продолжения.

Вместе с тем, и для России в XVII в. можно констатировать глубокие, хотя и не столь очевидные, сдвиги в метафизике культурно-религиозной жизни. Они вполне аналогичны тому, что имело место в Малороссии, однако отражали несколько иные геокультурные ориентиры и содержательные предпочтения. А. С. Лаппо-Данилевский объясняет это большей вероисповедной цельностью тогдашней русской культуры, в которой критерии религиозной оценки приходящих извне знаний всецело продолжали господствовать и исключали возможность более или менее четкого выделения из них собственно светского

¹⁰ Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. – М., 1994. – С. 11, 16.

¹¹ Любавский М. К. Русская история XVII–XVIII вв. – СПб., 2002. – С. 152.

компонента¹². Тем не менее А. М. Панченко и в этой цельной своим религиозным духом традиционности усматривает отдельные новаторские стороны: они выразились не только в участвовавших фактах неканонического «отклоняющегося поведения» и еретичества, в распространении еще мыслимых в рамках православной традиции, но уже отчетливо внецерковных, «народных» форм религиозности, но и в большей обращенности клира к социальному служению и попытках некоторой демократизации религиозного обихода. Даже весьма консервативный и почти не затронутый идеями секуляризации кружок «ревнителей благочестия» («боголюбцев»), в 1645–1652 гг. задававший тон в официальной церковной политике, уже стремится по-своему ревизовать древнерусский церковный обиход, призывая вместо созерцательной неподвижности монастырских заточений «спасаться в миру», заводить школы и богадельни, т.е. открываться «миру». Новацией становилось и то, что исповедно-духовное «учительство» как форма общения клира с мирянами сменялось жанром личной проповеди перед массовым слушателем, эффект которой многократно усиливался через печатные «поучительные словеса», распространение книгопечатания. Это была уже своеобразная «просветительская» струя, но еще целиком облеченная в религиозную форму и даже как будто инспирировавшая известный взлет религиозности¹³. Если же спроецировать эти новые веяния на позднейшие, ярко обнаружившиеся в русском расколе социальные импликации в толковании обрядово-догматических проблем, то можно констатировать, что оживление ранее почти неподвижной религиозной жизни, пронизывающая ее экзальтация и ее схождение в «мир» являлись симптомами зарождения собственно русской версии Реформации, парадоксальная черта которой заключалась, однако, в том, что ревизию обряда жестко проводила в жизнь как раз официальная церковь, а традиционализм с его явным «национально-охранительным» уклоном – вожди раскола.

Религиозный критерий, господствовавший в восприятии и оценке русским православием идей просветительства, во многом обусловил то, что, наряду с подозрительно встречаемыми латинско-польскими влияниями, шедшими через Малороссию и на поверку реализовавшими более спрямленный, радикальный путь сближения России с Западом, русским православием закономерно был использован и более щадящий его самолюбие, отраженный вариант просвещения, представленный «греко-эллинской» образованностью, культивируемой восточными православными церквями. Перед откровенным «западничеством» он обладал, по крайней мере, тем преимуществом, что снимал смущавший сознание вопрос о конфессиональной принадлежности приобретаемых знаний и замыкал просветительство в рамки православной традиции.

Однако первоначальный успех так называемых «восточников» на ниве русского просвещения опирался не только на подкупающий факт «единоверного» происхождения идей и знаний, которые несли на Русь греческие учителя, но и на глубоко укорененные в русском сознании притягательные символы – на вновь обретавшие актуальность византийские политические концепции, в которых русское самодержавие находило свое исторический смысл, и на идею «Святой Руси» как единственного «светоча» православной веры и ее политического палладиума. Значительно усилившееся в XVII в., русское самодержавие в условиях продолжающейся борьбы с Крымом и Турцией, приобретавшей теперь уже почти общеевропейское, экуменическое и подчеркнуто религиозное значение, не могло не примерять на себя роль покровителя восточно-православных церквей и надежды балканских христиан на избавление от «басурманского» ига. Вместе с тем, подчеркнутое сакрально-религиозное оформление этой политической идеи удивительным образом разбудило в Русской православной церкви такие политические амбиции, которых оно никогда, уже веками пребывая под покровительством великокняжеской, а потом и царской власти, не проявляло. Если для молодого царя Алексея Михайловича идея превращения Русского государства во Вселенскую Греко-Российскую Восточную империю выглядела привлекательной, но политически далекой и туманной, то патриарху Никону, опиравшемуся на сохранявшиеся систематические контакты с иерархами «низведенных долу» восточно-православных церквей, грандиозная идея обретения духовной власти вселенского размаха виделась куда более практичной и осуществимой. Исследуя причины и подопле-

¹² Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. – С. 17–18.

¹³ См.: Панченко А. М. Русская культура... – С. 24–27.

ку раскола, А. В. Карташев едва ли не главным побудительным мотивом богослужебной реформы Никона называет обуревавшую его идею «осуществить через Москву Вселенское православное Царство»¹⁴. И. А. Кривелев при этом отмечает, что энергично начатая деятельность Никона и его окружения по исправлению богослужебных книг по греческому чину вдохновлялась не только желанием «подобрать» под себя восточные греческие церкви, но и привести к полной «покорности» свою собственную: это была «пробная лагерная тревога» на беспрекословную верность патриарху при довольно циничном отношении его самого к «душеспасительной» стороне вопроса¹⁵.

Расколовшая русское общество реформа богослужения по единоверному, но все же «иноземному» обряду была той единственной существенной подвижкой в общем устройении Русской православной церкви, в которой можно было усмотреть отчетливое адресное влияние зарубежного образца. Присутствие в ней яркого просветительского начала – особенно на фоне впечатляющего по духовной силе полемического творчества вождей антиниконианства – с полным основанием можно ставить под сомнение, но при этом нельзя отрицать ее громадного значения как индикатора важных политических процессов. Несостоявшиеся теократические притязания Никона, как и весь напряженный поединок между «царством» и «священством», были явно запоздалыми по общему духу эпохи. Можно было бы усмотреть в этом подмеченную еще А. С. Лаппо-Данилевским закономерность, характеризующую культурную диффузию как растянутый во времени процесс: происходившая в Западной Европе смена культурно-просветительских парадигм и их конфессиональных доминант (в частности, смена католической культуры протестантской) на востоке Европы запаздывала примерно на век-полтора¹⁶. Однако в нашем случае, даже принимая отчасти эту посылку, видимый архаизм конфликта между царем и патриархом не может объясняться во всей полноте даже влиянием отсталого и ущербного образца (греческого), подчеркивавшего эфемерность «царства» перед вечностью веры. Этот архаизм, по существу, маскирует новизну, достаточно современную и для тогдашней Европы – возросшую политизацию и прагматизацию конфессиональных вопросов, которая латентно подготавливала секуляризацию общественного сознания.

Однако на Западе и в России этот общий феномен приобретал существенно разную конфигурацию. Если в Западной Европе секуляризация общественного сознания шла по линии высвобождения дела просвещения из-под влияния церкви, придания ему светского характера, то в России, учитывая неизбежность стадийного отставания, она находила соответствие западному образцу в основном в завершении процесса секуляризации государства. Иначе говоря, высвобождающейся из-под влияния церкви «культуре» как функции формирующегося общества западного типа в России, в этот переломный период субститутутом служило «государство», одерживающее окончательную победу над церковью. Если анализировать с этих позиций проведенную Петром I в 1721–1724 гг. церковную реформу, то вопрос о роли культурной диффузии в принятии того или иного иностранного образца государственного управления церковью не сводится, конечно, лишь к проблеме выбора между католическими симпатиями Стефана Яворского или протестантскими – Феофана Прокоповича. Значение здесь, скорее, имеет исходное позиционирование самого государства по отношению к обществу и церкви, ресурсы его «свободы» (можно сказать, и произвола) в реформировании хотя и основательно поколебленных, но все еще глубоко традиционных институтов. Как явствовало из самой буквы «Духовного регламента» 1721 г., учрежденная Петром Духовная коллегия есть «Коллегиум правительское под Державным Монархом есть и от Монарха установлено»¹⁷, – что ясно свидетельствовало не только о полном подчинении церкви государству, но и о превращении управления церковью в разновидность и отрасль государственного управления. Если сам коллегиальный принцип государственного управления был, как это уже в достаточной степени выяснено, заимствован Петром из шведской модели государственного устройст-

¹⁴ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. – М., 1991. – Т. I. – С. 148.

¹⁵ Кривелев И. А. История религий. – М., 1976. – Т. 2. – С. 35.

¹⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч. – С. 19.

¹⁷ Регламент или Устав духовных коллегий, по которому она знает долженства своя, и всех духовных чинов, також и мирских лиц, поелику онаыя Управлению Духовному подлежат, и при том в отправление дел своих поступать имеет // Смирнов В. Г. Указ. соч. – С. 142.

ва¹⁸ (что лишний раз подчеркивает значение конфликта как превращенного механизма культурной диффузии!), то столь же очевидно, что синодальная организация Русской православной церкви может быть соотнесена с синодальным (по существу, общинным, конституциональным и в силу этого достаточно демократичным) строем протестантских евангелических церквей Западной Европы лишь по внешней форме, но не по содержанию деятельности и принципам организации. Содержащиеся в подготовленном Феофаном Прокоповичем «Духовном регламенте» аллюзии и аргументы в пользу коллегиального управления церковной жизнью, помимо ссылок на примеры классической древности, хотя и в общей форме, но слишком очевидно намекают на драматичные реалии предыдущего царствования, в первую очередь на достопамятную «распрю» между царем и верховным пастырем, упорно именовавшим себя «великим государем». «Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но, великою Высочайшего пастыря честию и славою удивляемый помышляет, что таковой правитель есть то второй Государь Самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл. Что же егда еще и плевелныя властолюбивых духовных разговоры приложатся, и сухому хврастию огонь подложат?» – риторически вопрошал автор «Регламента»¹⁹. Это, разумеется, не снимает вовсе вопроса о роли предпочтительных культурных ориентаций лиц, стоявших у кормила церковной реформы (комплиментарное отношение и Петра I, и самого Феофана Прокоповича к протестантскому рационализму уже является достаточно доказанным фактом), хотя бы даже с точки зрения внешних ее отправлений, но известное сужение вероятного «поля» культурной диффузии и осторожность в истолковании культурных тенденций в свете всего вышеизложенного представляется далеко не лишней.

Вместе с тем, говоря о механизмах культурной диффузии в процессе ранних модернизаций, следует не меньшее внимание уделить и тем специфическим формам адаптации содержания и качеств «донорской» культуры, благодаря которым перенос составляющих ее содержание идей и ценностей на новую почву становится возможным и реальным. К тому же такой анализ абсолютно необходим для правильной интерпретации самих модернизационных процессов. Очевидно, что занимавший предшествующую историографию вопрос о «буржуазности» или «крепостническом характере» реформ Петра I если не снимается вообще, то основательно видоизменяется, если рассматривать самого Петра как одного из первых представителей начинающегося русского Просвещения и составляющей его основу рационалистической тенденции.

Перенимающий эстафету из XVII века, русский абсолютизм предстает в контексте петровской модернизации не столько как политический строй или политический режим, венчающий собой компромисс различных фракций дворянского класса, сколько как системообразующий и личностно-ориентированный прототип новой социальной организации общества – причем понимаемой опять же в типичном для Просвещения смысле. Отсюда и то неподвластное строгой социально-классовой идентификации особое качество развития, которое А. Я. Аврехом было в свое время охарактеризовано в известной дискуссии об абсолютизме как «предбуржуазность»²⁰ (термин, как представляется с высоты сегодняшнего времени, не очень удачный, хотя сама исследовательская парадигма заслуживает того, чтобы вернуться к ней на новом этапе изучения). В контексте первой русской модернизации и питавшего ее просвещенческого рационализма абсолютизм следует рассматривать скорее не как органичный продукт развития общественных отношений с заранее положенными ему пределами, но как «тотальную», руководимую «свободным разумом» проективную культуру, в которой представление о единственно «разумной» реальности и есть в значительной степени сама воссоздаваемая реальность.

По большому счету, эпоха Просвещения почти не знает компромиссов и сомнений относительно всеобщей и конечной правоты «разума», который сам мыслится как вещь

¹⁸ См. об этом интересную статью Э. П. Федосовой: Fedosova E. P. Swedish Experience in Russian Statehood // State and Minorities. A Symposium on National Processes in Russia and Scandinavia. Stockholm, 1997. – P. 21–28.

¹⁹ Регламент или Устав духовных коллегий... – С. 143.

²⁰ См.: Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. – 1968. – № 2 ; Он же. Утраченное «равновесие» // История СССР. – 1971. – № 4.

достаточно самовластная и деспотичная. Раннее Просвещение больше, чем что-либо еще, допускало и освящало своим культом интеллектуализма деспотизм обретшего подлинную и безраздельную свободу индивидуального разума. «... Результаты разумного инстинкта превращаются более сильными особями рода, в которых именно поэтому этот инстинкт выражается наиболее громко и сильно, вследствие столько же естественного, сколько излишне торопливого стремления возвысить до себя весь род, или, скорее, поставить себя самих на место рода, в авторитет, приказывающий внешним образом и осуществляемый принудительными мерами»²¹ – эта более чем красноречивая характеристика предпосылок перехода к «царству разума» как будто списана И.-Г. Фихте с фигуры Петра Великого.

Иначе говоря, европейское Просвещение, мысля категориями абстрактного человека и сводя прогресс преимущественно к «робинзонаде» интеллектуальных форм, выработало достаточно безнациональную и бескачественную, можно сказать универсальную, парадигму общественных преобразований, в рамках которой антитеза «цивилизации» и «варварства» теряла свою географическую и этнокультурную заданность, обретая взамен всемирность. Это-то и делало просветительскую идеологию удивительно пластичной и адаптивной, позволяло ей «завоевывать» все новые и новые страны (прежде всего, конечно, на европейской «полупериферии»). Своим космополитизмом Просвещение принципиально отрицало национальные, социально-кастовые и конфессиональные барьеры, сдерживающие свободную циркуляцию передовых идей и знаний среди просвещенных умов континента. Новый дух открытости исподволь вовлекал в свою орбиту и Россию. В 1711 г. знаменитый В. Г. Лейбниц во время встречи с Петром I в Торгау, уже покоренный «властелином, призванным более, чем всякий другой, споспешествовать мировой цивилизации в обширном смысле этого слова», убеждает царя не только способствовать организации всемирной «республики ученых», но и развернуть перед Папой план созыва Вселенского собора, призванного установить унию латинской и греческой церквей. В первом письме философа к русскому царю (январь 1712 г.) его космополитические убеждения, как и мысли об избранности просветительского сообщества как носителя идеи всемирности, выражаются предельно откровенно: «Я не принадлежу к числу тех, которые питают страсть к своему отечеству или какой-либо другой нации, мои помыслы направлены на благо всего человеческого рода; ибо я считаю отечеством Небо и его согражданами всех благомыслящих людей...»²²

В подобном же духе, позднее, знаменитому законодателю просветительской «моды» Вольтеру главная «польза» и смысл науки виделись, прежде всего, «в сравнении законов и нравов чужих стран с собственными, которое может сделать государственный деятель или гражданин; это [сравнение] побуждает современные нации соревноваться друг с другом в искусствах, торговле, земледелии»²³. В этом рассуждении Вольтер фактически уже набрасывает концептуальный эскиз идеологии ранних модернизаций, основной мотивацией которых выступали заимствование достижений передовых государств Запада странами европейской «полупериферии», а главным орудием – преодолевающая косность подданных воля просвещенного правителя.

Просвещенческая идеология вполне толерантно относилась к тому, что касалось самих методов осуществления прогресса «разума». С этой точки зрения вся реформаторская деятельность Петра I не может быть интерпретирована в чересчур резком контрасте с Европой – лишь как насаждение европейской цивилизации специфическими русскими, т. е. принудительными, средствами и методами. Для Европы XVIII столетия последние, по-видимому, вообще были довольно типичны и находили свое обоснование именно в рационалистической философии Просвещения, в самой постановке дела государственного благосостояния и управления на началах «разума». В этой связи весьма красноречива, например, характеристика К. Марксом прусского короля Фридриха II (кстати, как и Петр I, вошедшего в анналы истории с эпитетом Великий) как «друга просвещения с помощью розги»²⁴. Наиболее деспотичные стороны в политике этого государственного «гения»

²¹ Фихте И.-Г. Сочинения : в 2 т. – СПб., 1993. – Т. II. – С. 368.

²² См.: Фишер К. Лейбниц, его жизнь, сочинения и учение. – СПб., 1905. – С. 245–246.

²³ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л., 1978. – С. 13.

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 6. – С. 519.

Пруссии (насильственные в ряде случаев вербовки и захваты «живой силы» для растущего мануфактурного сектора, расцвет солдатчины и гипертрофированная роль армии в жизни страны, усиление налогового гнета, культивирование призванных упорядочить общество «кастовых» барьеров и запретов в социальном строе и т. п.) являлись отнюдь не «отступлениями» от духа Просвещения (как это подчас трактуется в контексте чрезмерной идеализации просветительской идеологии), а, скорее, прямыми следствиями того «свободного» (то есть религиозно-индифферентного, полубатеистического, а потому морально ничем не связанного), глубоко личного стиля правления и организации государственных дел, который для практикующего Просвещения был как раз типичен.

Следовательно, в случае петровской модернизации речь, скорее, следует вести о внедрении европейских порядков вполне типичными (по крайней мере, приемлемыми и рационально оправданными) для идеологии европейского же Просвещения средствами, которые в России неизбежно приобретали специфически русскую окраску и – в силу новизны самой задачи – были явлены миру, как писал К. Д. Кавелин, «со всею неопытностью, мечтательностью, пренебрежением к действительности, как является всякое новое начало, верующее только в себя и в свою силу»²⁵.

Таким образом, обращение к истории петровских преобразований доказывает, что религиозная сфера жизнедеятельности русского общества не менее, чем другие, подвергалась в ходе модернизации начала XVIII в. интенсивным внешним влияниям и потому может анализироваться в общем контексте петровских преобразований с позиций теории социальных диффузий. Более того, направления и формы этих влияний были во многом предопределены культурно-религиозными тенденциями XVI–XVII вв. На данном этапе изучения этой проблемы можно высказать ряд предварительных замечаний относительно механизмов и глубины проявления этих диффузионных влияний на русской почве. Во-первых, механизм диффузионного видоизменения религиозной сферы отмечен значительным своеобразием, которое заключено в основательном «переформатировании» заимствуемых идей и культурных образцов в категориях и принципах традиционной национальной системы ценностей. Во-вторых, воздействие культурной диффузии в этом сегменте общественно-государственной жизни оставалось, с одной стороны, в пределах скорее изменения *внешних форм*, чем их содержания, но, с другой, – допускало весьма существенное влияние на *направление эволюции* этого содержания.

²⁵ Кавелин К. Д. Наш умственный строй : статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – С. 163.

Раздел 4

Мир культуры:

субъекты, институты, практики

- 4.1. Культура человека и человек в культуре
- 4.2. Литература и журналистика в современной культуре: теория и практика
- 4.3. Проектирование одежды в системе современной культуры: традиции и новации, теория и практика, образовательные технологии
- 4.4. Художественная культура общества
- 4.5. Социально-культурный сервис и туризм как феномен культуры: теория, методология, практика

Культура человека и человек в культуре

Данное научное направление является одним из основных в Гуманитарном университете.

Культура и человек рассматриваются в их тесной взаимосвязи и взаимообусловленности в рамках философии культуры, философской антропологии, истории философии, культурологии, эстетики с выходом в прикладные сферы.

Объединяющим центром является кафедра социально-гуманитарных дисциплин, возглавляемая доктором философских наук, доцентом Г. А. Брандт – специалистом в области гендерных исследований, культурологии, театральной критики.

Ученые:

д-р филос. наук, профессор, ректор Гуманитарного ун-та Л. А. Закс, признанный специалист в области теории и истории культуры, эстетики;

д-р филос. наук, профессор, проректор по научной работе Л. А. Мясникова, ее сфера научных интересов – философская антропология, философия культуры, социальная философия;

канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин, сфера его интересов – история философии и история науки.

Литература и журналистика в современной культуре: теория и практика

Литература и журналистика в современной культуре – главная тема научных исследований факультета телерадиожурналистики.

Начиная с 2004 года в центре внимания находятся проблемы изменения в журналистике, порожденные цифровыми технологиями и развитием «новых медиа». Интерес к данной проблеме обусловлен вполне прагматичными мотивами: выпускникам факультета телерадиожурналистики придется работать в этой новой коммуникационной среде, они должны понимать ее принципы, легко адаптироваться к новым технологиям и строить свою карьеру с учетом их трансформации.

Большую роль в развитии новой проблематики сыграло взаимодействие с зарубежными партнерами, с Мануэлем Кастельсом.

В 2009 году группа преподавателей нашего факультета прошла стажировку в США, в Анненбергской школе журналистики Университета Южной Калифорнии, и в конвергентных редакциях NBC Калифорния, газеты «Лас-Вегас Сан», Блумберг Ньюс. Результатом этих научно-практических контактов стали семинары для журналистов и преподавателей, выпуск книги «Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика» и подготовка учебных фильмов. В течение трех последних лет определилось тематическое ядро исследований и публикаций факультета:

- «Традиционная» журналистика и журналистика в «новых медиа»: сходство и отличия.
- Он-лайн издания: их особенности, структура контента, язык.
- «Новые медиа» и гражданские коммуникации: как по-новому работать с аудиторией?
- «Цифровое поколение»: многозадачность и особенности медиакультуры.
- Визуальная составляющая «новой» журналистики: как создать story? Слайд-шоу и инфографика: их язык и выразительность.
- Российская журналистика 1990–2012 гг.: медиакризис или медиареволюция?
- Медиатекст в идеологическом контексте.

Ученые:

Проектирование одежды в системе современной культуры: традиции и новации, теория и практика, образовательные технологии

Тема охватывает всевозможные направления исследований сферы проектирования одежды в широком социокультурном контексте.

Уникальность и многогранность процесса создания одежды, его соотнесенность с техникой и искусством, со сферами материального и духовного производства, открывает, по сути, неограниченные возможности для научных изысканий, выдвижения авторских идей и концепций.

Особое место в рамках данной проблематики отводится педагогическим исследованиям, раскрывающим специфику подготовки проектировщиков одежды в системе современного дизайн-образования. Прежде всего, это касается компетентностной парадигмы, а именно, методологии компетентного подхода, образовательных технологий, практик формирования и развития общекультурных и профессиональных компетенций будущих выпускников.

Ученые:

д-р филос. наук, проф., декан ф-та конструирования и моделирования одежды, ректор Гуманитарного ун-та Л. А. Закс;

канд. пед. наук, завкафедрой конструирования и дизайна одежды Л. В. Росновская;

канд. тех. наук, доцент кафедры конструирования и дизайна одежды Л. В. Степанченко;

канд. филос. наук, доцент кафедры конструирования и дизайна одежды Н. М. Субботина.

Художественная культура общества

Данная научная тема объединяет исследователей факультета современного танца, кафедры дизайна одежды, факультета моделирования и конструирования одежды, Центра исследований музыкального театра.

В рамках темы исследуется история и теория театра (в частности, мировой оперы), художественной литературы, живописи, теория и история танца. Значительное место занимает художественная практика и анализ современного театра, проблемы дизайна, стиля и моды, разрабатываются концепции концертных программ и номеров.

Ученые:

д-р филос. наук, профессор Л. А. Закс;

д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт;

канд. искусствоведения, профессор С. В. Голынец;

канд. искусствоведения, профессор М. Л. Мугинштейн;

канд. культурологии Н. В. Курюмова;

канд. филос. наук, доцент Н. В. Субботина;

лауреат международных конкурсов современной хореографии А. Я. Гурвич;

заслуженная артистка РФ, лауреат премии «Золотая маска» О. Н. Пона и др.

Социально-культурный сервис и туризм как феномен культуры: теория, методология, практика

Культура сервиса постепенно трансформируется в неотъемлемую часть культуры современного общества. Разнообразие проблематики сервиса и туризма как явлений актуальной культуры требует новых методологических подходов разрешения кризисных ситуаций, противоречий в этих сферах жизнедеятельности, порождаемых каждой новой ступенью развития общества.

Характер и динамика социальных преобразований, осознание ценности личности в мировом социокультурном пространстве позволяет определять направления научных исследований. В рамках гуманизации общественных отношений ясна значимость сервиса и туризма как маркеров уровня качества жизни населения.

Социально-культурная практика сервиса и туризма все чаще становится предметом научных исследований, предполагающих осмысление новых явлений в жизни общества, определение содержания и форм ценностей, ценностных ориентаций субъектов сервисной и туристской деятельности, изучение институциональных основ, технологии и организации этих видов деятельности, их зависимости от культуры и влияния на нее.

Уровень развития сферы сервиса и туризма требует комплексной оценки с учетом философского, социологического, экономического, культурологического, правового, психологического, организационно-технологического аспектов.

Ученые:

канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, руководитель отдела международных связей Гуманитарного ун-та Е. А. Батюта;

канд. культурологии, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма Е. А. Калужникова;

канд. культурологии, старший преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма С. Ю. Каменский;

д-р филос. наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного ун-та, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма Л. А. Мясникова;

канд. социол. наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма С. А. Рамзина;

В рамках научного направления осуществляется подготовка аспирантов по специальностям: «Теория и история культуры», «Социология культуры».

УДК 101

Болдыгин Геннадий Васильевич

канд. филос. наук, доцент Гуманитарного ун-та
(г. Екатеринбург)

Gennadiy V. Boldygin

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**К ИСТОРИИ СЛОВА «ФИЛОСОФИЯ»
(ПРОТИВ УТИЛИТАРИЗМА)**

**THE WORD «PHILOSOPHY»:
HISTORICAL ASPECT**

Аннотация

В статье рассматриваются основные значения, которые в разные исторические эпохи вкладывались в слово *философия*. Возникнув на рубеже V–IV веков в Древней Греции, оно использовалось в его буквальном смысле – *любовь к мудрости* – для объяснения уже сформировавшегося культа *знания ради знания*. Считалось, что эта *любовь*, не будучи сама наукой, является *матерью всех наук*. В дальнейшем слово философия означало в основном *любовь к знанию* и совокупность теоретических наук. Только в XIX в. слово *философия* стало употребляться для обозначения особой отрасли знания со своей проблематикой, отличной от проблематики частных наук.

Ключевые слова: философия, природа, практическое знание, теоретическое знание, наука, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Вольтер, Ньютон, Кант, Гегель.

Abstract

The main subject of this article is the shift of meanings of the term “philosophy” in the different historical periods. “Philosophy” in ancient Greece was used in its literal sense – the love of wisdom – to explain the special cult “knowledge for the sake of knowledge”. It was believed that this “love” is the mother of all sciences. In the future, the word “philosophy” meant mostly “the love of knowledge” and a set of theoretical science. The word “philosophy” began to be used to refer to a particular branch of knowledge with its own issues (different than the issues of special sciences) only in the 19th century.

Keywords: philosophy, nature, practical knowledge, theoretical knowledge, science, Plato, Aristotle, Aquinas, Descartes, Voltaire, Newton, Kant, and Hegel.

Периоды смены столетий и, тем более, тысячелетий – это время, когда подспудно подводятся итоги прошедшего и формируются идейные программы будущего. Неопределенность будущего, до этого воспринимаемая как само собой разумеющаяся, хотя и досадная данность, начинает по-особому тревожить участников и свидетелей этой смены. Одним из результатов и одновременно причиной усиливающейся тревоги становится возрастающее взаимонепонимание. Все меньше понимают друг друга не только оптимистичные юнцы, которые ждут от будущего только радостных подарков, но и пессимистичные старики, которые лично для себя не видят впереди ничего хорошего. Непонимание разделяет в такие эпохи представителей даже одного поколения, одного социального слоя, одной культурной традиции. Начинают раздражать давно знакомые слова, становящиеся все менее понятными из-за массового употребления их в каких-то новых смыслах, как это случилось, например, с термином *цифра*, значение которого уже не ограничиваются *графическим знаком 10 первых чисел*. Уже многими он используется прежде всего как характеристика высококачественного изображения и звука. Из-за подобных трансформаций значений слов все меньшее доверие вызывает привычный интеллектуальный инструментарий и его терминологический аппарат, обеспечивавший до этого взаимопонимание сторон даже в самой острой полемике. Многие привычные слова и подразумеваемые ими понятия требуют теперь новых дефиниций либо уточнения и изменения старых. Своеобразной реакцией на эту нужду порубежной эпохи становятся исследования истории слов, начавшиеся и у нас в стране, и за рубежом в самом конце прошлого тысячелетия.

В каждой культуре есть слова, которые в союзе с двумя-тремя другими выражают ее суть, присущие только ей поведенческие, познавательные и эстетические идеалы, которые конституируют достаточно небольшой набор *вечных* для данной культуры вопросов и достаточно узкий коридор возможных ответов на них. Нет нужды объяснять мало-маль-

ски образованному человеку, о какой культуре и каких идеалах идет речь, когда ему встречаются слова *дао*, *веды* или, скажем, *дзен*. К такого рода ключевым словам принадлежит и *философия*, которая вместе с *природой* и *теорией* характеризует присущий только *европейской науке* строй мышления, незнакомый великим восточным цивилизациям вплоть до второй половины XIX в.¹

Однако за долгие века своего существования термин *философия* наполнился новыми смыслами, которые, как кажется, навсегда изгнали из круга обозначаемых им явлений *любовь к мудрости*. Само это словосочетание кажется теперь случайным названием для того духовного образования, о сущности которого говорят современные философы. В самом деле, разве *любовь*, пусть даже это *любовь к мудрости*, может быть *наукой*, или *мировоззрением*, или *прояснением смысла предложений*, или формой *общественного сознания*, а тем более формой *идеологии*, одно только существование которой говорит о наличии вражды, раздирающей противоположные общественные группировки? История необратима, и теперь уже невозможно употребление слова *философия* в его первоначальном смысле. Однако и игнорировать этот смысл непозволительно, поскольку речь идет о несущем каркасе европейской мыслительной культуры: когда-то, в самом начале формирования этой культуры, слово *философия* означало особого рода *любовь*, которой древние эллины объясняли странности в поступках и речах некоторых своих современников.

Сложные слова никогда не появляются в результате случайных звуковых сочетаний. Все они молоды, сравнительно со словами *первого наименования*, и имеют конкретных, хотя не всегда известных, изобретателей. Тот, кто создавал их, действовал вполне осмысленно, соединяя в единое целое разные корни потому, что уже имевшиеся слова невозможно было приспособить для обозначения совершенно новых, только что возникших вещей и явлений, радикально отличающихся от всего того, что было до них. Изобретение слова *философия* легенда приписывает Пифагору, будто бы из скромности отказывавшегося от звания *мудреца* на том основании, что только боги действительно мудры, а человеку приличествует называться лишь *любителем мудрости*. Но Пифагору (а многие историки сомневаются в реальном существовании этой фигуры) и тайному религиозно-политическому союзу *пифагорейцев* молва приписывала многое из того, что его адепты принципиально не могли ни знать, ни делать. Слово *философия* не встречается в достоверных письменных источниках VI–V вв. до н. э., а поэтому неизвестно, какой смысл вкладывали в него, например, Анаксагор или Демокрит и употребляли ли они его вообще.

Видимо, первым говорить о *философии* начал Сократ, иронически противопоставлявший свою *любовь к мудрости* мнимой мудрости софистов. Возможно, слово *философия* было сконструировано в кружке Сократа и какое-то время не выходило за его пределы. Хорошо знавший его Аристофан в комедии *Облака* называет Сократа не философом, а *софистом* скорее всего потому, что слова *философ* и *философия* не были знакомы большинству читателей и зрителей его пьесы. (Но, может быть, и самому Аристофану?) Впервые в письменной речи термин *философия* встречается 2 раза в дошедших до нас копиях речей риторика Исократ, одно время входившего в кружок Сократа [17]. Но по-настоящему в широкий обиход оно вошло благодаря многократно тиражировавшимся диалогам Платона, где впервые встречаются развернутые суждения о *философии* и *философах*, причем эти термины вовсе не носят у него уничижительного смысла, искреннего или притворного.

Этим словом он обозначал не какую-то особую *науку* со своей особой предметной областью наряду, например, с астрономией, геометрией и арифметикой, и не *мировоззрение*, и не *идеологию* и не что-то иное, что в последующие века стали подразумевать под *философией*. Платон обозначал этим термином особого рода *любовь*, названную потомками *платонической* по имени ее первоописателя. Да и странно было бы ожидать от Платона, свидетеля изобретения и, возможно, одного из соизобретателей этого слова, чтобы он

¹ Термин *европейская наука* (его ввел в оборот Э. Гуссерль) в данном случае используется в расширенном значении, включая в себя все культуры научного мышления, которые сформировались под влиянием древнеэллинического гения, в том числе и средневековая арабоязычная наука, из которой философия под именем *фалсафа* пришла в Европу, вынудив говорить *европейскую науку* с сильным арабским акцентом.

употреблял его не в буквальном, а в переносном смысле, возникшем через века и тысячелетия в умах неведомых ему потомков². А к *любви* в самых разных ее проявлениях он относился весьма и весьма серьезно.

Платон вместе с Эмпедоклом и вопреки Гераклиту считал, что созидательным началом является не *вражда*, не борьба противоположностей, а *любовь*. Он описал несколько ее видов, благодаря которым жизнь людей с их общественным устройством, материальной и интеллектуальной культурой радикально отличается от сосуществования всех иных стадных животных. Это знакомая почти всем из нас *эротическая любовь*, сближающая человека с другими животными, но отличающаяся от животной страсти стремлением к *прекрасному*. Это и *сребролюбие*, создающее колоссальные богатства, а вместе с ними и возможность для осуществления самых грандиозных проектов. Это и *честолюбие* – любовь к почестям, толкающая людей как на подвиги, так и на преступления. Это и порождаемое, как считал Платон, честолюбием *властолюбие*, особенно ярко проявляющееся у политиков и военачальников. Но главный интерес и особое удивление вызывают у него два вида любви, которые в наибольшей степени характеризуют *философов по природе*. Одна из них – это собственно *любовь к мудрости*, вторая – *любовь к истине*, к знанию ради самого знания [12. 475 a-e, 486 b-c].

С VI в. до н. э. среди практичных соплеменников Платона – земледельцев и ремесленников, торговцев и мореплавателей, воинов и государственных деятелей – появились люди, которые стали интересоваться совершенно бесполезными вопросами. Состоит ли все из воды, огня, воздуха, из атомов и пустоты или из чего-то другого? Догонит Ахилл черепаху или не догонит? Действительно ли Солнце – раскаленный камень, величиной с Пелопоннес? На самом ли деле *все есть число*? Ответы на эти и подобные им вопросы явно не могли помочь ни в политике, ни в торговле, ни в ремесле, ни в военном деле, ни в сельском хозяйстве – ни в одной сфере практической деятельности древних эллинов. И тем не менее они спорили друг с другом, доказывая истинность своих взглядов, как будто от этого зависело что-то очень важное для их жизни. Они доказывали истинность теоремы Пифагора, которой их соседи по Средиземноморью да и сами они веками пользовались при межевании земли и строительных работах. Они доказывали множество бесполезных для них и их ближайших потомков теорем, включая теорему о возможности построения только пяти правильных выпуклых многогранников.

Что двигало этими людьми? Что движет нашими современниками? Почему больше 300 лет математики пытались доказать *Великую теорему Ферма*, хотя при нужде пользовались ею для решения некоторых задач? Что после 1995 г., когда она все же была доказана, движет теми из них, кто ищет другие способы ее доказательства? Каково практическое значение доказательства? И есть ли оно вообще? В случае надобности мы ведь используем знание теорем, не вспоминая их доказательств. Почему для нас немыслима математика без доказательств? И почему она легко мыслилась китайцами в XIX в.? В первых переводах на китайский язык европейских учебников по геометрии доказательства отсутствовали вообще. Видимо, китайские переводчики отбросили доказательства, не отыскав для них никакого практического применения и посчитав их своеобразными интеллектуальными украшениями, почему-то принятыми у европейцев, некими правилами этикета, аналоги которых европейцы называют *китайскими церемониями*. Таким же странным представлялось и большинству древних эллинов стремление некоторых из их современников доказывать истинность математических теорем и своих убеждений.

Платон, убежденный в полезности математических знаний для государственного управления и военного дела, отчетливо понимал практическую бесполезность доказательств, объясняя это никчемное, с точки зрения большинства, занятие *любви горячей*, похожей на то *умоисступление*, когда влюбленный не может ни думать, ни говорить о чем-либо ином помимо предмета своей любви. Влюбленностью *философов* в истину он объясняет их пренебрежение повседневными делами, бедность, неискусность в ремеслах и гражданских спорах. Доказательство, способное превратить сомнительное, а то и вовсе

² Подобную позицию занимал, например, Виндельбанд, полагавший, что философия в те времена была *единой нераздельной наукой*, а Платон, зная об этом, использовал слово *философия* как *технический термин*, то есть в переносном смысле [5. С. 31, 29].

нелепое, на первый взгляд, положение в личное убеждение, которое невозможно подобно *мнению*, изменить под влиянием настроения, привлекает особое внимание Платона. Оно не способ властолюбцев подчинить себе чужую волю, как стали трактовать доказательство в XX в., а средство, позволяющее *философу* убедиться самому и предоставить возможность убедиться другим в том, что они наконец-то владеют истиной – предметом их общей любви. В результате *философы по природе* получают от доказательства особого рода *наслаждение – удовольствие* (ἡδονή), неведомое *честолюбцам, сребролюбцам и тиранам* [12. 582 a-e; 586 c–587 e].

Всем нам, кому хотя бы раз в жизни удалось самостоятельно разобраться в доказательстве какой-нибудь теоремы или решить хотя бы одну задачу, знакомо это *удовольствие* от достижения истины, которое вызвано вовсе не мыслями о будущей выгоде (например, о денежном поощрении) или почестях (хотя бы о похвале учителя). Знакомство большинства из нас с *наслаждением* от нахождения доказательств говорит о том, что мы выросли в ареале культуры, важнейшая составляющая которой – *культ истины*, лелеемый учителями, фольклором, литературой, домашним, школьным и последующим образованием. Этот культ требует ценить некоторые *знания не как полезные средства*, которые можно *использовать* для достижения иной более важной для нас цели, а как конечную *цель*, как важнейшую ценность, ради которой жертвуют иногда жизнью, а иногда и своей бессмертной душой³. Что это за знания? И всякое ли знание мы добываем ради него самого?

Ответ на второй вопрос очевиден и прост: не всякое. Самые древние и наиболее обширные *практические знания* – рецепты, наставления, инструкции, технологические карты и все, что зовется сейчас know how (*знаю как*) – мы ценим за их *полезность*, т. е. за возможность *использовать* их как *средства* для достижения иных *целей*, более важных для нас, чем само *ноу хау*, хотя, будучи предметом коммерческой тайны, оно может стоить больших денег. Практические знания – это знания действий, без которых трудно, а иногда и невозможно достичь избранной нами цели. Поскольку эти цели и действия *наши*, т. е. осуществлять их или не осуществлять, действовать так или как-то иначе, зависит от *нашего желания*, то они, как заметил Аристотель, *не всегда бывают одинаковы*, а потому о поступках *мы принимаем решения* [3. 1112a30-1113a20].

С практическими знаниями, выражаемыми в императиве, до самого последнего времени никак не были связаны знания об объектах, недоступных произвольному изменению, и их сущностных свойствах, о которых, по словам Аристотеля, *мы не принимаем решений*, например, *о космосе*, или *прошлом*, или *несоизмеримости диагонали и стороны квадрата* [3. 1112a16-17]. Эти знания, выражаемые в изъяснительном наклонении, не являются *средствами*, так как ничего не говорят и, более того, не могут сказать о *возможных* или *нужных действиях* с предметами своего познавательного интереса, а потому бесполезные для осуществления чьих-либо практических целей, количество и разнообразие которых в настоящем и будущем необозримо. Такие знания, вслед за Аристотелем, стали называть *теоретическими, созерцательными* (от слова θεωρία – созерцание, наблюдение). *Теоретическим* для древних эллинов было как чувственное созерцание, так и *умозрение* (например, *чисел, атомов, идей, форм*), которое, считая его независимым от эмоций, они ценили выше первого, тесно сплетенного со страстями. Тем не менее, чувственное созерцание для них – это та же θεωρία, теоретическое познание⁴.

Возникновением культа неутилитарного (бесполезного) знания *европейская наука* обязана свободе, обрушившейся на Элладу в VII–VI вв. до н. э. в результате сравнительно

³ *Ермолай Барбаро*, патриарх Аквилей, живший уже на закате Средневековья, в XV в., пытался, как говорят хроники, вступить в сговор с дьяволом всего лишь для того, чтобы тот разъяснил ему подлинный смысл аристотелевского термина *энтелехия*.

⁴ Определять возможные значения термина *теоретическое знание*, противопоставляя его *эмпирическому*, стали только со второй половины XIX в. под влиянием авторитетных тогда представителей *естественно-научного материализма*. До этого *теоретические знания* противопоставлялись исключительно *практическим*, и основанием различения, как и у Аристотеля, были их объекты, которые, как считалось, познаются одинаково – эмпирически и рационально. Так, Хр. Вольф наряду с *рациональными теоретическими науками* описывал и режущие наши глаза и уши *эмпирические теоретические*, которые, в свою очередь, противостоят у него *эмпирическим практическим наукам*, а те – *рациональным практическим*.

быстрого распада родовых связей ее жителей. Прежние нравы, безальтернативно диктовавшие правила поведения с сородичами и с иноплеменниками, в условиях *разнородного* и многолюдного *полиса* уже не работали, новые нормы еще только складывались. В хаосе ничем не регулируемых и потому не предсказуемых поступков, вызывающих страх и желание дать превентивный отпор еще недавно доброму соседу и даже родственнику, сложился культ *мудрецов*. Под *мудростью* понималась тогда высшая степень мастерства в любом деле, но прежде всего искусство находить выход из самой сложной житейской ситуации, не ущемляя интересов других людей. Легенда (а легендой она была уже для Аристотеля) приписывает *мудрецам*, сумевшим гармонизировать свои отношения с окружающими, изобретение *политии*, т. е. такой формы общежития разнородных и разноплеменных индивидов, которое регулируется *номосами* ($\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$), соглашениями, принимавшимися общим собранием граждан и обязательно после этого записанными. Именно письменной формой $\nu\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ (переводимый на русский язык чаще всего словом *закон*) отличался от $\lambda\epsilon\gamma\acute{\omicron}\nu\alpha$ (букв. – слово), устной формы прежних межродовых и межплеменных договоренностей⁵.

Однако *номосы*, как оказалось, в отличие от неписаных норм родового общежития легко переступались и легко отменялись (иногда временно, и назывались тогда *псефизмами*), несмотря на торжественные обещания не менять их. Законы – эти порождения свободы – предполагают свободное следование им, но также и свободу индивида их *переступать*, ясно отдавая себе отчет о возможных санкциях за подобные *преступления*. *Номосы*, конечно, ограничивали произвол индивидов, но не столь принудительно и безальтернативно, чтобы сравниться с прежними *табу*, чем невыгодно, с точки зрения большинства эллинов, отличались от неписаных и безальтернативных родовых нравов и обычаев, *стародедовских*, по Платону, *законов*. Недовольство возникшей системой ограничения свободы порождало подспудный поиск форс-мажоров, непреодолимых препятствий для своеволия индивидов, которые могли бы послужить основой будущего нерушимого законодательства.

Одним из итогов этого поиска стало формирование на рубеже VI–V вв. до н. э. понятия $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ (*природа*). Под *природой* тогда понимали не *мир в целом*, не *космос*, не *вселенную*, но недоступную произвольному изменению *сущность*, которая определяет способ самостоятельного возникновения, существования и уничтожения вещей, примерно то, что подразумеваем мы, говоря о *природе человека*, *природе науки*, *мышления* и т. п. Основные значения слова $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ задавались противопоставлением его слову $\tau\acute{\epsilon}\chi\eta$ (*искусство*, *умение*) – другому началу возникновения, движения и изменения вещей, требующему от людей не только умений, но и усилий, подчас весьма серьезных. Разновидностью $\tau\acute{\epsilon}\chi\eta$ была $\pi\rho\alpha\chi\iota\varsigma$ (*практика*), специфическое, по Аристотелю, искусство *поступков*, т. е. действий в отношении других людей.

Попытки постичь недоступные изменению и, следовательно, независимые от нашего решения *природы вещей* (именно так, во множественном числе, писали древние эллины, полагавшие, что каждый класс вещей имеет свою особую *природу*) привели к формированию основ *теоретического* познания. Оно обязано было представлять свои предметы не с точки зрения их возможного использования, но в их собственных *прирожденных* свойствах, независимо от того, полезны они или бесполезны, прекрасны они или безобразны, приятны или отвратительны. Теоретическое познание и тогда, и сейчас обязано отвечать на вопрос, что *есть* (а не всего лишь *мнится*), *было и будет всегда*, а не на вопросы, что *лучше, чем то, что есть*, и что *делать* для осуществления этого *лучшего*. Аналога понятия $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ не смогли самостоятельно сформировать великие древневосточные цивилизации, в которых при всем богатстве и изощренности практических знаний так и не возник культ теоретического знания *ради знания*, требующий даже от седовласого *мудреца* дока-

⁵ Примечательно, что римляне стали использовать заимствованное у эллинов слово *lex* для обозначения принятых сенатом писаных законов. От множественного числа в латинском языке – *leges* – мы получили *легальность*, *легитимность*. От греческого $\lambda\epsilon\gamma\acute{\omicron}$ – *лексику*. От обоих – *лекцию* и *лектора*: на юридических факультетах первых университетов преподаватель просто *читал* вслух *законы* (*lex*'ы) из *Кодекса Юстиниана*, а студенты следили за этим чтением по арендованным или купленным текстам.

звания безусым ученикам истинность своих утверждений, признавая тем самым их право сомневаться в словах учителя.

Но как соотносятся любовь к *мудрости*, т. е. к практическому знанию о полезном *средстве*, и любовь к *истине* – как конечной *цели* теоретического знания? Можно ли считать *философами* тех, кто с помощью зрения и умозрения исследует природы вещей, сознательно отказываясь от практического воздействия на них, дабы не исказить их *естество*? Сократ, как известно, отказался от увлекавшего его в юности познания *природ вещей*, чтобы сосредоточиться на практическом познании *блага* и способов его достижения, т. е. на постижении *мудрости*. Платон же нашел свое собственное решение вопроса о соотношении *философии* и любви к знанию, возвратившись к мифологической трактовке естественных процессов, которая органично вошла в раннехристианское толкование понятия *природа*, послужив теоретической основой будущих христологических споров, и стала господствующей в Средние века.

Классические эллинские мифы – это культ *искусства-умения*, освященный верой в олимпийских богов, которые лишь благодаря искусности каждого из них в своем ремесле (включая воровское искусство Гермеса) сумели победить своих более мощных кузенов-титанов. Платон, рассуждая в *Софисте* о *природах вещей*, благодаря которым нечто возникает без чьих-либо видимых усилий, утверждал, что на самом деле то, что понимают под $\phi\upsilon\sigma\iota\varsigma$, есть тоже $\tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$, но не человеческое *искусство*, а *божественное* ($\theta\epsilon\acute{\iota}\ \tau\acute{\epsilon}\chi\eta\eta$)⁶. Исходя из такого понимания *естества*, он говорит о верховном божестве как мастере-искуснике, *Демиирге*, а учение о возникновении вещей и *космоса* называет *правдоподобным мифом*, подразумевая под *мифом* особый литературный жанр, специфический предмет которого – дела богов и героев. Тем самым *любопытность* ($\phi\iota\lambda\omicron\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$) тех, кто стремится постичь *природы* вещей, есть, по сути, не всегда осознаваемое стремление к постижению божественной *мудрости*⁷. Непонятная для большинства современников страсть к бесполезному знанию получила теперь свое объяснение. *Любовь к мудрости* ($\phi\iota\lambda\omicron\sigma\phi\acute{\iota}\alpha$), которая, овладев некоторыми из людей, побуждает их заниматься теоретическими разысканиями, уже после Платона стали называть *матерью* всех наук – математики (включавшей в себя и астрономию с теорией музыки) логики, физики, этики, а в эллинистический период еще и механики⁸.

Древние римляне, победившие в военном противостоянии Элладу, но не сумевшие противостоять обаянию ее культуры, перевели на латинский язык почти все греческие научные термины. Однако найти у себя аналог слову *философия* они не смогли. Их практический ум, отточенный в постоянных войнах, в государственном устройстве, в создании правовых институтов, в инженерных сооружениях и сельскохозяйственном производстве, был равнодушен к вопросам, ответы на которые не могли принести никакой пользы. Символичны легенды о смерти Пифагора, чертившего на песке геометрические фигуры, от меча римского солдата и о равнодушии, с которым римляне сожгли Александрийскую библиотеку. Признавая превосходство греков в решении теоретических проблем, прежде всего математических и физических, римляне согласились с ролью вечных школяров, лишь мечтающих о том, чтобы сравняться в знаниях со своими учителями. О самостоятельном разыскании теоретических знаний они и не помышляли. В результате в Риме сформировался новый тип ученого – эрудита, знающего все имеющиеся авторитетные источники. Этот тип ученого, каким был, например, Плиний Старший, стал образцом для подражания в средневековой схоластике. Греческим же словом *философия* римляне, знавшие его буквальный перевод, чаще всего обозначали малопонятную им *любовь* эллинов к *знанию*, а также и порождаемую ею совокупность *теоретических знаний*.

⁶ «...То, что приписывают природе, творится божественным искусством, что создается людьми – человеческим...» [8. 265e].

⁷ «Мудрость состоит в познании дел божественных и человеческих», – пишет уже в эпоху эллинизма Альбин, автор учебника по платоновской философии [9. С. 437].

⁸ «Одна часть теоретической философии – теология – имеет дело с неподвижными и первыми причинами, а также с божеством; другая – физика – изучает движение звезд, их обращение и возвращение; математике принадлежит то, что рассматривает геометрия и прочие такого рода науки» [9. С. 438–439].

Именно в таком толковании слова *философия* она стала предметом ожесточенной критики со стороны ранних христианских апологетов и *отцов церкви*, ревниво относившихся ко всяким видам любви, кроме любви к богу. Талантливые и по-гречески образованные, они немало сделали для подавления культа *философии*, авторитетного в силу странной моды на образованность среди утилитарно ориентированных римлян. Один из глубочайших христианских мыслителей, Аврелий Августин, стремясь опорочить философию в глазах своих римских сограждан, трактовал ее как низший вид любви, как своеобразную *похоть*, истощающую духовные силы людей в *стремлении к знанию*. Но *это знание*, – обращается он к практичным римлянам, – *не приносит никакой пользы, да люди ничего и не ищут в нем, кроме знания* [1. С. 308–310].

На протяжении всего раннего Средневековья, получившего название *темного*, западные христиане не без влияния Августина сознательно гасили интерес к самостоятельному поиску истины, если он у них пробуждался. Порывы же любознательности рассматривались как происки дьявола, возбуждающего гордыню человека, осмелившегося думать, что он может что-либо познать самостоятельно, тогда как, на самом деле, все свои знания мы получаем только от бога, отмерившего каждому из нас их содержание и объем, достаточные для достижения вечного блаженства⁹. Понадобился гений Фомы Аквинского, чтобы легализовать в глазах католиков XIII в. проснувшийся у них под влиянием арабоязычной культуры интерес к теоретическим разысканиям античности, к *философии*, под которой тогда, вслед за римлянами понимали не какую-то особую науку, но *любовь к знанию*. Аргументы Фомы, доказывающие, что эта любовь не угрожает *теологии*, но, наоборот, является ее *служанкой*, разрешили тысячелетний конфликт между любознательностью и правоведем, высвободив громадные интеллектуальные силы, приблизившие научную революцию Нового времени.

Не без влияния Фомы, полагавшего, что семь дисциплин *тривиума* и *квадривиума* не исчерпывают *теоретическую философию* (*philosophia theoreticam*), на *факультетах свободных искусств* (*facultas atrium liberatum*) в эпоху Ренессанса¹⁰ стали преподавать и *физику*, и *метафизику*, куда входили *рациональная (естественная) теология* и *рациональная психология*¹¹, а сами факультеты были переименованы в *философские*. В средневековую Европу приходит разделение наук на *теоретические*, изучавшиеся на *философских факультетах*, и *практические*, изучавшиеся на юридических и медицинских факультетах. С тех пор во многих европейских университетах после защиты докторской диссертации по одной из теоретических наук присваивается степень *доктор философии* (*Philosophie Doktor*). Сейчас к степени PhD добавляют указание на реальную дисциплину, по которой защищал диссертацию соискатель (физика, химия, математика и др.). После защиты диссертаций по *практическим наукам* присваивается степень *доктора медицины* или *права*. Особое положение занимала *практическая философия* – этические и политические доктрины, которые преподавались на *философских факультетах*. Тогда, как, впрочем, и в наши дни, изучение *этики* не ставило перед собой цель руководства поступками и исправления нравов (этим занималась церковь, а сейчас – еще искусство и средства массовых

⁹ В Средние века популярна была история о страданиях Альберта Великого, учителя и друга Фомы, который в детстве испугался овладевшей им страстью к учебе и всячески с ней боролся. Богородица, явившаяся ему во сне, посоветовала не противиться тяге к знанию, пообещав, что он умрет таким же невинным, каким пришел в этот мир. И, как говорит легенда, за год до смерти Альберт впал в старческое слабоумие, забыв все, что сумел узнать, и умер таким же безгрешным невеждой, каким и родился.

¹⁰ В 1265 г., т. е. за 9 лет до смерти Фомы Аквинского в 1274 г., родился Данте Алигьери, с творчества которого большинство культурологов начинает отсчет ренессансного Треченто.

¹¹ После Фомы обычным стало различение *sacra doctrina*, *догматического богословия*, и *рациональной*, или (что то же самое) *естественной*, теологии. Ее главная и, по сути, единственная задача – доказательство с помощью вечно сомневающегося *естественного разума* (*ratio naturalis*) существования бога как причины всего сущего и его устройства. Задачу доказательства того, что причиной наших поступков является бессмертная душа, которой дана власть над телом, решала *рациональная психология*. Особенности католической трактовки бога и души были прерогативой *sacra doctrina*, опирающейся на сверхъестественное откровение и потому не предполагающей никаких сомнений и доказательств.

коммуникаций). *Практическая философия* (*philosophia practica*) была *теоретической* дисциплиной, изучавшей как данность уже существовавшие авторитетные учения о *нравах*, в основании которых, как считалось, лежали представления о счастье и путях его достижения.

В Средние века слово *философия* и производные от него термины имели хождение не только в университетах, но и в замкнутой среде алхимиков, где они использовались в значении, напоминающем греческую *мудрость* (*σοφία*). В словосочетаниях *философский камень*, *философская ртуть*, *философская сера* и т. п. термин *философский* – оценочная категория, говорящая о высшей степени совершенства вещества, его чистоты, а также о высшем знании, доступном не всем, но только *философам*, приблизившимся к постижению *природы* металлов и способов ее изменения. Именно с этой позиции *философский камень* истолковывался как *камень мудрецов*, а слово *философ*, как и в эпоху эллинизма, когда зародилось *герметическое искусство* (так называли алхимию по имени ее легендарного основателя Гермеса Трисмегиста), стало синонимом *мудреца*. Для Роджера Бэкона алхимия – *практическая наука*, задача которой не служение истине, не *теоретическое познание*, а постижение *природы* металлов – *божественного*, по Платону, *искусства* – и, тем самым, рецептов ее изменения.

Алхимия, несмотря на колоссальный интерес к ней в позднее Средневековье, была чрезвычайно подозрительна с позиции правоверия, поскольку ей приписывалось практическое знание, относящееся к исключительной компетенции бога. Бог, творя вещи, наделял их *природой*, которую, в силу ее божественного происхождения, мог изменить только он сам. Алхимики, чтобы избежать обвинений в колдовстве, создали биоморфную теорию *созревания металлов* (*естественной* в недрах земли *трансмутации* железа в золото), которое прерывается в рудниках, но может быть восстановлено (излечено) с помощью *философского камня*, называемого поэтому также *медикаментом* и *панацеей*. И все же, несмотря на стройную *ad hoc гипотезу*, алхимия в глазах церкви была под большим подозрением, а слово *философия* в двух значениях функционировало в параллельных интеллектуальных мирах, обозначая два различных вида познавательной деятельности – *теоретической* и *практической*. Впрочем, *герметическое искусство* было не так уж и герметично, чтобы его термины не могли проникнуть в мир теоретического и обиходного знания. В наши дни забавным отголоском алхимической трактовки *философии* как наивысшего знания можно считать словосочетания *философский уровень* познания, *философский метод*, *философское обобщение*, *философское отношение к жизни* и т. п., намекающие на наличие у *философов* особых знаний и умений, не доступных никому, кроме них.

Секуляризация общественной и духовной жизни в Новое время, которой немало способствовала научная революция XVII в., наполнило слово *философия* новыми смыслами, хотя и не сразу. Еще долго под *философией* понималась *любовь к знанию*, что уравнивало в праве на истину *физику* и *метафизику*, *рациональную космологию* и *астрономию*, *рациональную психологию* и *эмпирическую*, математику и *этику*. Мы сейчас легко отделяем *философию* Декарта от его математических и естественно-научных исследований. Но сам Декарт, определявший *философию* как *занятие мудростью*, понимал под этим занятием не только свое учение о методе и двух субстанциях, но и теоретическое (умозрительное, с помощью *интеллектуальной интуиции*) познание *первоначал* и всех *прочих наук*, включая *рациональную теологию*, *рациональную психологию*, *физику*, *механику*, *медицину*, *этику*¹².

Нам сейчас очевидно, что в *Математических началах натуральной философии* (*Philosophie naturalis principia mathematica*) Ньютона излагается не *натурфилософия*, а физика, и что критика этих *Начал* Толландом с его собственными суждениями о движении, или, скажем, *Система природы* Гольбаха – это как раз натурфилософия, но никак не физика. Понятно и то, что *Философия истории* Вольтера – это не рассуждения о движущих силах исторического процесса и его конечных целях, а исторический труд, ставящий перед собой не практическую цель назидания, как повелось со времен Плутарха, но лишь

¹² «...Вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие из этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике, и этике» [б. С. 301, 309]. Напомним, средством достоверного познания во всех областях является, по Декарту, интеллектуальное *созерцание* (интуиция).

задачу установления истины. Однако то, что легко понятно нам, было непонятно Ньютону, Гольбаху, Вольтеру, которые под *философией* понимали не то, что подразумеваемы, и понимание чего только к концу XVIII века начнет складываться в интеллектуальной среде обновляющейся Европы. Вольтер, правда, первым на континенте понял, что ньютоновство – это *физика*, а перипатетизм, картезианство, лейбницианство и им подобные доктрины – *метафизика*. Но *философия* для него и других просветителей-энциклопедистов – это все еще *любовь к знанию*, которая требует от *философов* установления того, что действительно *есть* и действительно *было*. Просвещенный этим знанием разум людей, считали они, не ошибется в выборе практических целей и средств их достижения и не допустит возвращения невежественного средневековья.

В Германии *популярная* (народная) *философия* ставила те же просветительские задачи, включая требование излагать научные знания на родном языке. Если латинские термины не нуждались в переводе на романские языки, то в Германии многие из них приходилось переводить на немецкий, создавая зачастую новые слова. Вместе с новообразованными немецкими терминами нередко сохранялись давно прижившиеся латинизмы и эллинизмы, что позволяло с помощью этимологически равных слов выражать различные нюансы сходных явлений. Особенно много новых терминов, приводивших современников в *шок*, ввел в своих *Критиках* И. Кант¹³.

Кант первым в континентальной Европе стал читать университетский курс физики по Ньютону и первым осознал всю ее новизну, непохожесть решаемых ею задач на прежние учения о *природе*. Кант использует неологизм *естествознание* (Naturwis-senschaft), чтобы отличить эту новую математизированную науку о природе от прежней, лишенной математического аппарата, *физики*, которую он намеревался реформировать на основе *критики разума* и назвать *метафизикой природы* или *философией природы*. Слово *философия* начинает обозначать не только *любовь к знанию* (Кант продолжает использовать термин *философия* и в этом значении¹⁴), но некую отрасль познания, которое в отличие от *наук теоретического познания* (математики и естествознания) никогда не добьется *всеобщности и необходимости* своих суждений¹⁵. Если собрать вместе все дефиниции *философии* в одной только *Критике чистого разума*, даже в одной ее главе *Архитектоника чистого разума*, их нельзя будет объединить неким синтезирующим определением. И тем не менее именно у Канта впервые *философия* начинает обозначать особую сферу познания со своей особой проблематикой, отличной от проблематики наук, получивших через некоторое время название *частных* или *конкретных*.

Формой осознания специфичности проблем, которые все чаще, вслед за Кантом, начинают называть *философскими*, стали попытки создать особую науку *философию*, со своим особенным предметом и методом. Одним из первых на этот путь стал И. Г. Фихте, называвший свое «Наукоучение» *новейшей философией*. Но наиболее последовательным в создании новой науки был Гегель. «Моим намерением, – писал он в *Феноменологии духа*, – было способствовать приближению философии к форме науки – к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*. ...Настало время для возведения философии в ранг науки» [6. С. 3]. Его «система наук», задуманная как реализация замысла Канта, состояла из *феноменологии духа*, *логики*, и двух частей *реальной философии* – *философии природы* и *философии духа*, которая включала в себя *философию истории*, *философию права*, *философию религии*, *эстетику* и *историю философии*¹⁶.

¹³ Впрочем, Кант оптимистически смотрел в будущее: «Первый шок от множества совершенно непривычных понятий и некоторых еще более непривычных терминов...пройдет. Некоторые пункты со временем станут яснее (этому могли бы способствовать мои «Пролегомены»). Эти пункты осветят и другое, для чего...иногда потребуется и мое участие» [8, С. 506].

¹⁴ «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей – это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено...» [10. С. 667].

¹⁵ «...Мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания, а именно на чистую математику и чистое естествознание...» [9. С. 33].

¹⁶ По одному из замыслов Канта, *система философии* виделась ему состоящей из *формальной части* – *логики* и *реальной части*, включающей в себя *теоретическую философию* – *философию природы* и *практическую* – *философию нравов*. Системе философии должна предшествовать *кри-*

Эта система, содержащая невероятное количество знаний и сведений из самых различных сфер интеллектуально-духовной деятельности в разные эпохи, необычные постановки вопросов и столь же необычные ответы на них, породила множество подражаний и возражений. Благодаря Гегелю, его эпигонам и критикам, круг проблем, которые стали считаться сугубо *философскими*, чрезвычайно расширился. *Философию* как отдельную дисциплину стали читать в немецких университетах и даже в школьных классах, отчего и получила данное ей Ф. Энгельсом название *немецкая классическая*¹⁷. Однако превращение слова *философия* в обозначение особой отрасли знания, обособившейся от совокупности конкретных наук, происходило в разных странах неодинаково. О. Конт исходил из его традиционного понимания, которое вкладывали в него Ньютон в своей *Натуральной философии*, К. Линней в *Философии ботаники* (*Philosophia botanica*), Ж. Б. Ламарк в *Философии зоологии* (*Philosophie zoologique*), и недоумевал по поводу новомодного его употребления в немецких землях и даже за их пределами. Не получив от Гегеля ответ на просьбу кратко и по-французски изложить его *философию*, Конт в конце концов заявил: «Наука – сама себе философия».

Однако к концу XIX – началу XX в. уже никто не называл *философией* естественные и исторические науки. *Философия истории* Вольтера и Гердера стала просто *историей*, *философия ботаники* и *философия зоологии* – ботаникой и зоологией, *натурфилософия* Ньютона – *физикой*. Но термин *философия истории* не исчез, под ним стали понимать рассуждения о сути исторического процесса и исторического познания. Появились *гносеология*, *эпистемология* и другие сугубо *философские* дисциплины. Один из самых образованных людей своего времени, неокантианец, а затем и неогегельянец В. Виндельбанд писал: «Названия имеют свою судьбу, но редкое из них имело судьбу столь странную, как слово “философия”» [5. С. 22]. Решая вопрос о предмете *истории философии*, он пришел к выводу о невозможности найти что-либо, что объединяло бы существовавшие в прошлом и настоящем различные значения этого термина, и дал свое его определение: «...не отнимая ни у кого права называть философией все, что ему заблагорассудится, я лишь пользуюсь этим правом... и считаю возможным понимать под философией... *критическую науку об общеобязательных ценностях*» [5. С. 40]. Так появилась *аксиология*, которая многими в наши дни признается обязательной составляющей *философии*.

Еще больше *философий* возникло в XX веке. Здесь и *философия физики*, и *философия математики*, и просто *философия науки*, и *философия социального* (*die Socialphilosophie*), а в постсоветской России *социальная философия* (своим нелепым названием говорящая о возможности еще более нелепой *асоциальной философии*)¹⁸, и еще множество других, включая *философию философии*¹⁹. Казалось бы, множество конкурирующих школ и течений, вкладывающих в слово *философия* собственное толкование его смысла, должно было бы привести к радикальному взаимонепониманию их адептов. Однако это не так. Марксисты и неотомисты, экзистенциалисты и логические позитивисты, представители феноменологии и лингвистического анализа легко отличают, скажем, *философию физики* от физики, *философию математики* от математики, *философию искусства* от искусства, *философию религии* от религии и при всей критичности по отношению к противоположным взглядам не отрицают их *философского* характера. Оказывается, несмотря на все декларации об оригинальности собственных воззрений, наши современники исходят из какого-то общего понимания слова *философия*.

Правда, в некоторых случаях способы употребления этого слова заставляют обращаться к его истории, поскольку вызывают недоумение у людей, принадлежащих разным научным традициям. Так обстоит дело, как уже говорилось, с ученой степенью PhD – *доктор философии*. Еще большее недоумение вызывает использование франкоязычными

тика разума, которую он называл *пропедевтикой* и *феноменологией* и которая «не составляет части такой системы, а только...выдвигает и подвергает проверке идею такой системы» [11. С. 837].

¹⁷ Гегель, попытавшийся читать философию в Нюрнбергской гимназии, позже признал неудачным этот опыт.

¹⁸ Кафедры *социальной философии* и соответствующие учебные дисциплины в российских вузах появились на месте прежних, носивших не менее бессмысленное название кафедр *исторического материализма*.

¹⁹ См.: [4].

и англоязычными правоведами слова *юриспруденция*. У них оно означает не науку о действующем *праве*, не специальность выпускников юридических факультетов, а *философию права*, под которой понимается не толкование права с позиции какой-либо философской доктрины, а *история* правовых учений и правовых институтов²⁰. Подобно Вольтеру, *история* в данном случае трактуется как *теоретическая* наука, поскольку ее предмет не поддается произвольным изменениям, и, с этой восходящей к Аристотелю позиции, *историю права* следует отнести к корпусу *философских наук*, задача которых в отличие от наук практических – установление истины²¹.

Однако, если принять не такое уж и древнее разделение знаний на *практические* и *теоретические*, то все *философии*, возникшие в последние двести лет, ничуть не более практичны, чем англо-французская *философия права*. Непрактична *философия науки*, иначе она смогла бы с помощью *методологии науки* указать всем и каждому *путь* (от греч. μέθοδος – букв. путь) к физическим, биологическим, химическим и т. п. открытиям. По тем же соображениям непрактичны *философия искусства*, *философия политики* и другие *философии*. Иными словами, философия, как и в момент своего зарождения, бесполезна, т. е. не является средством для каких-либо более важных целей – ею занимаются ради нее самой. Она своеобразная роскошь тех, у кого, как и во времена Аристотеля, *оказалось в наличии почти все необходимое, равно как и то, что облегчает жизнь и доставляет удовольствие* [2. 982 b 20-25]. Ее не могут позволить себе народы бедных обществ.

Но эти народы не могут позволить себе и *теоретической физики*, да и других естественно-научных *теорий*, что бы ни говорили об их исключительной практичности. Эти теории нацелены на открытие *законов природы*, которые действовали, действуют и будут действовать всегда, хотим ли мы этого или нет. Эти законы, подобно большинству юридических, разрешают делать людям все, что ими не запрещено. Но они ничего не говорят, что же такое это *все*. В законах природы не содержится указания на действия, нужные для достижения всех практических целей наших современников и их потомков. Теоретические знания публикуются в открытой печати, они, как и во времена зарождения философии, не know how, являющиеся предметом коммерческой тайны, подобно семейным рецептам мастерства древних и средневековых ремесленников. Конечно, в наши дни многие *ноу хау*, относящиеся к тому, что называется *высокими технологиями* (hi-tech), невозможны без современных теоретических знаний о природе. Естественно-научные теории могут стать *полезными* средствами для практических целей. Но для этого они должны попасть в поле внимания изобретательного ума инженеров, которые осмысливают предметы через призму категорий *цель* и *средство*, но не *причина* и *следствие*. Таким инженером был, например, Александр Попов, который вовсе не был физиком-теоретиком и не открывал электромагнитных волн. Их открыл Г. Р. Герц, так и не догадавшийся, как может быть практически использовано его открытие.

Те области интеллектуальной деятельности, которые в наши дни называют *философией*, как и возникшие вместе с ней в XIX веке различные виды искусствоведения, культурология, социология, экономическая теория, – есть порождение культа *знания ради знания*. Этот культ требует добиваться истины независимо от того, прекрасна она или безобразна, приятна она или отвратительна, полезна она или бесполезна²². Философия, как ничто иное в наши дни, поддерживает этот культ, одновременно увеличивая наши знания о естественных науках, искусстве, обществе, историческом познании. Как когда-то Сократ, искавший мудрости у ремесленников, политиков, поэтов, современная *философия* в

²⁰ «Термин “юриспруденция”... означает... в обычном праве США и других стран, а также Англии – правоведение или философию права. ...Философия права изучает различные теории, которые выдвигались на протяжении развития человеческой мысли для объяснения природы права» [16. С. 10].

²¹ «...*О прошедшем*, – говорил Аристотель, разграничивая сферы теоретического и практического знания, – *не принимают решений*» [3. 1139 b-10].

²² Практическая значимость естественно-научных и обществоведческих теорий, большая часть которых возникла именно в XIX веке, – далеко не решенная проблема. Проблемой остается полезность даже *экономической теории*, старательное изучение которой не сделало никого столь же богатым, каким является хотя бы недоучка Билл Гейтс.

лучших своих проявлениях исследует любые умения и учения, чтобы приобщиться к мудрости их творцов. Но она не находит ее ни в политике, ни в искусстве, ни в религии, ни в технологии, ни в науке, ни в чем ином, что начинает претендовать на обладание *мудростью*. Поэтому философов, как и прежде, не очень-то любят: они, добываясь истины, разрушают претензии на *мудрость* – на практическое знание того, как следует поступать, чтобы жить в гармонии с собой и окружающими. Нет мудрости в нашем мире, но невозможно запретить любить ее и после каждого разочарования надеяться на ее обретение. Похоже, слово *философия* в наши дни возвращается к своему исконному значению, способному объединить ее разные дефиниции, существовавшие в истории.

Литература

1. Августин Аврелий. Творения блаженного Августина епископа Иппонийского. – Киев, 1880.
2. Аристотель. Метафизика.
3. Аристотель. Никомахова этика.
4. Бабушкин В. У. О природе философского знания. – М., 1978.
5. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. – М., 1995.
6. Гегель. Сочинения : в 14 т. – М., 1959. – Т. IV.
7. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.
8. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. – М., 1994. – Т. 8.
9. Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 4.
10. Кант И. Соч. на немецком и русском языках. – М., 1997. – Т. 3.
11. Кант И. Соч. на немецком и русском языках. – М., 2001. – Т. 4.
12. Платон. Государство.
13. Платон. Федр. – М., 1989.
14. Платон. Софист.
15. Платон. Диалоги. – М., 1986.
16. Синха Сурия Пракаш. Юриспруденция. Философия права : краткий курс. – М., 1996.
17. Шичалин Ю. А. Вступительная статья к [13].

УДК 792

Брандт Галина Андреевна

д-р филос. наук, профессор Гуманитарного ун-та
(г. Екатеринбург)

Galina A. Brandt

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Humanities Chair,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**«ДЕВОЧКА НА ШАРЕ»,
ИЛИ О «ТЕКУЧЕМ» И «ТВЕРДОМ»
В КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА
ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СПЕКТАКЛЕЙ
«НОВОЙ ДРАМЫ»)**

**“YOUNG ACROBAT ON A BALL”,
OR ON “LIQUID” AND “SOLID”
IN THE TURN-OF-THE-LAST-
CENTURIES CULTURE
(BASED ON “NEW DRAMA”
PERFORMANCES’ INPUT)**

Аннотация

В статье используется в качестве метафоры знаменитая картина Пикассо, на которой изображены два персонажа: устойчивая квадратная фигура циркового атлета и извилистая соскальзывающая – гимнастки. Высказывается предположение о начале процесса смены культурной парадигмы, фиксируются признаки культурной «усталости» от «текучего» дисбаланса постмодернизма и тоски по «твердым» ценностям наступающей эпохи.

Ключевые слова: культурная парадигма, координаты человеческого бытия, текучесть и устойчивость, базовые опоры человеческой жизни, постмодернизм, постпостмодернизм, языки теоретического описания реальности.

Abstract

The famous Picasso painting depicting two characters – a sure-footed, square figure of a circus athlete and a twisting, sliding one of an acrobat – is used as a metaphor in this article. The start of cultural paradigm shift is envisioned fixing symptoms of cultural “weariness” called for by “liquid” postmodern imbalance and a yearning for “solid” values of the coming epoch.

Keywords: cultural paradigm, man’s being coordinates, liquidity and steadiness, basic foundations of human life, postmodernism, post-postmodernism, languages for theorizing reality.

В своей знаменитой картине Пабло Пикассо изобразил не просто двух цирковых артистов, он «угадал» две парадигмы, два предельных состояния человека: абсолютную сбалансированность, устойчивость, определенность и, напротив, предельное соскальзывание, хрупкость, текучесть... В статье речь пойдет о внутренних опорах человеческого бытия. Но эти парадигмы можно проследить и на уровне межличностных отношений, т. е. раскрыть два базовых типа личности, и даже на уровне целых эпох становления европейской культуры.

В самом деле, очевидно, что (при всей условности такого рода мета-обобщений) есть эпохи экзистенциально «твердые» и «текучие», «самотождественные» и «расфокусированные», эпохи разлома, где разлом проходит как в политическом режиме, экономической системе, правовом поле, так и в душах и умах людей, их повседневном существовании.

Исследователи не раз отмечали, что, как это ни кажется странным, часто эпохи культурного дисбаланса совпадают с исторически переходным временем от одного века к другому. По крайней мере, безусловно, что конец прошлого века представляет собой такую разломанную в экзистенциальном смысле эпоху. Все опоры, все координаты человеческого бытия, все маркеры человеческой индивидуальности, казавшиеся незыблемыми в течение порой тысячелетий, оказались под сомнением.

Например, принадлежность человека к **нации** всегда была фундирована такими устойчивыми феноменами, как территория, язык, общность хозяйства, наконец национальный характер. К концу прошлого века в ситуации интенсивной миграции и вследствие

этого межкультурных диффузий обнаружилось, что нация оказалась, по симптоматичному для эпохи выражению Бенедикта Андерсона, во многом «воображаемым» сообществом, что нация «делается», что это поле политических отношений, где под прикрытием деклараций о природных особенностях (например, русской души, характера, судьбы) народа идет идеологическая борьба за установление/закрепление/переопределение выгодных власти норм, установок и образцов «национального порядка».

Но таким же «воображаемым сообществом» во многом оказалась такая базовая идентификационная стратегия человека, как **половая принадлежность**. Старые матрицы представлений о мужественности, женственности, норме, отклонении перестали работать в связи с появлением новых форм бытия людей в XX веке, новых форм деятельности женщин (прежде всего) в мировом масштабе. Так были поставлены под сомнения первичные для человеческого существования вопросы: что такое мужчина и женщина вообще? и в современном мире частности? каковы их психологические особенности? какова их социальная и культурная диспозиция? Так появилось новое понятие «гендер», призванное разрешить отмеченные выше сомнения и поставить новые, порожденные современной эпохой вопросы.

Тело перестало совпадать с пониманием себя как биологического образования, как организма, как суммы органов и стало ощущаться как процесс, как место, где протекает и маркируется бессознательное. Таким образом и оно попало в разряд воображаемого, обернувшись телесностью, иными словами осознанием факта, что, грубо говоря, тела нет – есть лишь наши представления о теле, текучие исторически и социально. Таким же по сути трансформациям подвергается и **возраст**.

Но, может быть, самой удивительной метаморфозе подвергся **язык**, который вообще, говоря метафорически, вырвался на волю из-под человеческого контроля и начал сам диктовать говорящему на нем, о чем и как думать. Открытие его дискурсивной природы продемонстрировало, как человек, попадая в готовые практики речи, готовые способы говорения – дискурсы, уже несущие определенную и систему мышления, и картину мира, оказывается в определенном смысле запертом в этой мировоззренческой парадигме. И оказалось, что не столько мы «говорим языком», сколько язык «говорит нами».

Можно было бы этот ряд продолжать, показывая, что произошло с важнейшими экзистенциальными опорами, выраженными в таких понятиях, как **история**, когда обозначилось, что прошлое доступно людям тоже только как воображаемая реальность, как реальность, пропущенная сквозь оптику людей того времени, сквозь их систему «принуждения культурой», и мы никогда не сможем узнать, как было «на самом деле». Что **«культура»** не может быть понята только как совокупность высших достижений человечества, что в основе своей она есть социальное «принуждение», «закон, записанный на телах» (П. Бурдьё), и чтобы его дописать/скорректировать/переписать нужны иные, во многом неизвестные еще, механизмы воздействий. Что **идеология** – есть совокупность бессознательных детерминаций, а не форма сознания и не система идей, как понималось раньше. Что **власть**, по своей природе, есть не только макрополитическое, но и микрофизическое явление, действие которой оказалось проникающим и пронизывающим все самые интимные уголки человеческого существования, осуществляя насилие в неуловимых сознанием формах. И т. д.

Перечисленного, вероятно, достаточно, чтобы показать этот процесс ускользания от сознательного человеческого контроля базовых опор его повседневного бытия. Но невозможно не назвать еще один симптоматичный концепт эпохи, особенно значимый для темы данной статьи – **«идентичность»**. Ведь не случайно вместо «субъектности» как стержневой позиции человека в мире, вместо устойчивых концептов «личности», «самости» и т. п. выпрыгнула крайне неустойчивая, текучая, подчас трудноуловимая «идентичность», нудительная потребность, желанье, прихоть идентификации человека с какой-либо культурной общностью, которая сама в свою очередь неустойчива и текуча. Исследователи сегодня пишут о маскарade идентичностей, супермаркете идентичностей – сами метафоры описаний ее отправления и функционирования говорят сами за себя.

Параллельно с данным процессом рассеивания, разжижения базовых экзистенциальных опор-маркирующих пределов повседневного самоощущения человека шел (и идет) процесс вымывания глубинного смысла из базовых ценностей. Потребительское общество, благодаря мощным механизмам СМИ и рекламы, использует их в своих целях, де-

вальвируя тем самым саму ценность. Так, **красота** обернулась глянцевой ее симуляцией, **достоинство** – покупательной состоятельностью («ты этого достойна!»), **индивидуальность** – возможностью рыночного выбора («выбирай, ты – уникален!»), **любовь** – разменной монетой любого продукта, ведь все они вызывают «почувствуй себя любимой/любимым!» В свое время поразил слоган конкурса старшекурсников «умников и умниц»: «быть умным – модно!». **Ум** стал нуждаться в оправдании модой. Однако в «модном» оправдании сегодня нуждается и **здоровье**, и **чистота** [1], и даже **материнство** [2].

Что остается человеку в мире, где сама реальность стала «как бы» реальность, где все, на что можно было опереться, оказалось воображаемым, а то, к чему стремиться – выхолащивалось и подменялось? Надо признать, что человек нашел остроумное решение – не стал «тосковать», «скучать», страдать от «тошноты», «заброшенности», «абсурда» и «одиочества», подобно своим предшественникам, а стал, подобно опять же девочке на шаре, циркачом, балансирующем на собственном бытии как на... шарике, канате, проволоке, стал в том числе и может быть в еще большей степени клоуном. Превратил собственную неустойчивость в предмет любования, сделав иронию, стеб, игру «без берегов», мерцающую миражность основным стилем жизни. На днях встретила остроумная мысль: у наших родителей была цель жизни, у нас дело жизни, у наших детей – стиль жизни. То есть сама жизнь стала ощущаться подобно шлюпке в океане неведомых и уж тем более неконтролируемых стихий, в которой надо «расслабиться и получать удовольствие» от любых острых ощущений, организуя по возможности только форму (стиль) их означивания.

Ни для кого не секрет, что описанные выше процессы, в своей совокупности, получили название **постмодернизма**. Но в российском гуманитарном знании (не говоря уже об около-научном) время от времени дает о себе знать смешение, неразличение двух явлений, подмена одного другим. С одной стороны, термином «постмодернизм» называют саму эпоху (или какой-то виток, подраздел ее). Но термином «постмодернизм» называют и направление гуманитарной мысли, которое, благодаря кардинальной смене исследовательской оптики, найденным языкам описания сумело увидеть, зафиксировать и описать отмеченные выше качества времени. В результате этого смешения мы в нашем философско-культурологическом (прежде всего) обиходе часто встречаемся с двумя следствиями: либо огульной критики постмодернистских авторов, которые безосновательно объявляются адептами и/или чуть не творцами этой действительно сомнительной в ценностном отношении эпохи, либо простого «калькированного» заимствования новых, отмеченных выше, постмодернистских понятий.

Ведь корпус новых – их еще называют неклассическими – понятий (речь идет, уточним еще раз, о «дискурсе», «идентичности», «гендере», «телесности» и т. д.), где была зафиксирована, с одной стороны, гетерогенность, а с другой – текучесть явлений, раньше понимаемых как одномерные, твердые сущности, открывает не только новые пути мышления, но, может быть, самое главное – операциональные пути воздействия на повседневную жизнь, на процессы переопределения социальных порядков, эту жизнь организующих. Корпус этих понятий, экзистенциально «выстраданных» западными коллегами, имел свою историю и внутреннюю логику становления, нам они достались, так сказать, в готовом виде. И задача российских исследователей состояла в первую очередь в адекватном освоении этих понятий и связанных с ними исследовательских техник, в изучении того, *как и почему* возникло то или иное понятие, ставшее сегодня ключевым для целого ряда дисциплин. Что сделало их такими «горячими» для понимания современной повседневной жизни? На первый взгляд, они как будто активно вошли в обиход российского гуманитарного знания, но в действительности до сих пор не решена проблема вымывания методологической новизны этих понятий в российском гуманитарном знании. «Телесность» оказалась тождественна «телу», «идентичность», например, – «субъектности». Но особенно достается «дискурсу». Только ленивый не иронизировал по поводу этого непривычного для российского уха понятия. Точнее, как раз ленивые и ограничивались этой иронией, не давая себе труда разобраться с его поистине революционной природой. Дискурсивная методология в трудах Фуко, Бодрийяра, Деррида, Барта стала демонстрацией того факта, что сам *способ говорения* формирует тип освоения и организации социальной (и, может быть, в первую очередь повседневной) реальности. За этим способом стоят опять же невидимые в прежних «оптиках» отношения власти, и дискурс-анализ позволяет

исследовать процессы производства, воспроизводства и переопределения значений, смыслов, ценностей, т. е. тех процессов, которые задают вектор течению повседневной жизни людей.

Известный писатель (а кроме того, по нашему убеждению, один из самых блестящих, правда и самых язвительных, культурологов нашего времени) в одном из своих романов продуцирует такую мощную метафору: «Дискурс служит чем-то вроде колючей проволоки с пропущенным сквозь нее током – только не для человеческого тела, а для человеческого ума. Он отделяет территорию, на которую нельзя попасть, от территории, с которой нельзя уйти» [3. С. 92–93]. Это имеет прямое отношение и к нашей профессиональной деятельности. Классические способы письменных и устных высказываний, использование эссенциалистского категориального аппарата, симуляция освоения новых понятий оказываются для нашей мысли колючей проволокой, отделяющей ее от возможности работать на территории быстроменяющейся повседневности, «текучей современной» (З. Бауман). Без настоящего осознания границ привычных форм производства знаний, без кропотливой рефлексивной работы по преодолению собственных *пределов* ответить на ее вызовы невозможно.

Работы постмодернистских авторов – точно поставленный диагноз той культуре, носителями которой все мы, вне зависимости от нашего сознания, осознания, рефлексии, желанья, являемся. При этом необходимо помнить, что и Мишель Фуко, и Ролан Барт, и Жан Бодрийяр позиционировали себя прежде всего в парадигме социальной *критики*. И дорогого стоит признание Жан Жака Деррида, что его конечная задача была связана с ответом на вопрос: «Как добиться независимого мышления и в конечном счете – внутренней свободы, если наше сознание изначально, через язык замусорено всевозможными клише, принимаемыми как данность? С детства мы не рассуждая усваиваем названия предметов и одновременно – систему отношений, некоторые акценты, определяющие наши представления, например о вежливости, о мужском и женском, о национальных стереотипах, т. е. фактически все исходные постулаты, определяющие картину мира, «контрабандным образом» протаскиваются в языковых выражениях. Следовательно, невидимые формальные клише регулируют наше мышление, предрассудки не оставляют места рассудку, и каждый человек оказывается весьма жестко детерминирован со всех сторон, как бы заключен в клетку своей идеологии, национальности, пола, образования, сословных предрассудков, – и сплошь и рядом даже не подозревает о том!» [4. С. 51–52]. То есть как вырваться из клетки своей идеологии, национальности, пола, образования, сословных предрассудков, о которых мы сплошь и рядом даже не подозреваем. Иными словами, постмодернистская методология – есть мощная очистительная процедура нашего мышления, есть работа по «очищению» его: «Деконструкция... – всего лишь подготовительная работа для новых открытий» [4. С. 60].

И вот пришло, видимо, время для этих «новых открытий». По крайней мере, все громче раздается голос гуманитариев, которые фиксируют ситуацию исчерпанности постмодернизма, когда состояние разлома эпох, ценностей, традиций, смыслов, мировоззренческая подвешенность, отсутствие базовых опор перестает восприниматься как норма. Все чаще говорится о предчувствии наступления новой эпохи, которую пока условно иногда называют **постпостмодерном** (термин появляется еще в конце 90-х, но в то время прежде всего как новый литературный прием). Как замечается: «Едва ли может быть достигнуто согласие в том, что составляет эту эпоху, поскольку она находится на ранних стадиях. Однако общий положительный вывод текущих попыток определить пост-постмодернизм состоит в том, что вера, доверие, диалог и искренность могут преодолеть иронию постмодерна...» [5].

Конечно, речь не идет к возврату к классическим или даже модернистским системам координат с устойчивым ценностными вертикалями. Речь о новых экзистенциальных вызовах. Вот как авторы характеризуют данную ситуацию на отечественных пространствах: «Характерными особенностями русского варианта постпостмодернизма являются новая искренность (иногда еще называемая «новым сентиментализмом». – Г. Б.) и аутентичность, новый гуманизм, сочетание интереса к прошлому с открытостью будущему, сослагательность, “мягкие” эстетические ценности» [6. С. 354].

Все отмеченные процессы: новая искренность, новый гуманизм, интерес к прошлому, к традиции чувствуются пока, часто в трудно теоретически схватываемом, диффузном

выражении. Тем более на уровне повседневных реалий. Но, возможно, что и политические события последних месяцев (начиная с декабря позапрошлого года), основными субъектами которых, как известно, была молодежь, организованная на борьбу за достоинство нации через социальные сети, тому свидетельство. Возможно, тому свидетельство и движение за обновление православной церкви в обществе, значимость и своевременность которого в свете последних событий (нано-пыль в квартире у патриарха, суд над «Pussy Riot» и т. п.) особенно отчетлива. Несколько лет назад было удивительно встретить на страницах «Отечественных записок» статью с названием «Христианские сообщества России как субъект гражданского общества», сейчас мной самой написана статья об одном из таких сообществ [8. С. 239–243]. Речь о содружестве малых православных братств, двух-трехтысячном движении, охватывающем многие российские города, «основное призывание Братства – содействие возрождению полноты жизни Церкви в нынешнее время» [8]. Пишу об этом потому, что благодаря этому содружеству открылось, сколько молодых людей, людей средних лет сегодня жаждут подлинной веры, не облегченного варианта православия в свободное от работы и других «важных» дел время, а православия как абсолютного стержня жизни («христианство – это ...или огонь, или ничего» – эти обжигающие слова известной подвижницы матери Марии Скобцовой не раз произносились в этой среде), абсолютной опоры и приобщения к традиции в самом высоком смысле слова [10]. Все это яркие свидетельства демонстрации того состояния, которое можно назвать «жажда вертикали».

Но все же имеет смысл обратиться к феномену, который связан не с отдельными фрагментарными событиями и движениями, а с абсорбированием смыслов, разлитых в повседневной жизни людей, в которых они пока могут сами не отдавать себе отчета. Речь – об искусстве. И прежде всего о такой его разновидности, как театр, поскольку именно театр напрямую связан, во-первых, с современностью (он существует, как известно, только «здесь и сейчас» и повествует нам-зрителям только о нас самих, сегодняшних, даже если мы смотрим пьесу, написанную Софоклом или Лопе де Вега), а во-вторых, поскольку отражает жизнь «в формах самой жизни» (или близких с ними) – с повседневным бытием человека.

Назовем ряд отдельных, как будто не связанных друг с другом, новых феноменов в театре, который можно было бы в разных отношениях назвать молодежным. Например, «новая драма». В этом отношении интересно обратиться к развитию творчества идейного вдохновителя, драматурга, режиссера, актера Ивана Вырыпаева – основателя движения «Кислород», который лет десять назад взорвал (осуществив звездный тур по России) театральную общественность ставшим культовым спектаклем по его пьесе «Кислород» (где он исполнил и главную роль, режиссер спектакля – Виктор Рыжаков), а лет пять назад выпустил, уже как автор, фильм с одноименным названием по этой же пьесе (гран-при Кино-Тавра). Молодой, двадцатилетний тогда, никому еще не известный автор вступает в спор с Отцом всей европейской культуры, отчаянно опровергая Его основные заповеди – «не убий!» и «не прелюбодействуй!». А почему нельзя убивать? Почему нельзя прелюбодействовать? Новый ницшеанец доказывает, что для его поколения главное – кислород (свобода дыхания, драйв, танец, чувственный порыв)! И если этот единственно значимый смысл – «кислород» – кто-то перекрывает, его следует убить. Даже если помеха циркуляции – собственная жена. Нельзя специально не заметить, что это – художественно творившееся на сцене безумие – не могло не очаровывать, не влюблять в себя, не убеждать [11].

Потом было еще несколько спектаклей и фильмов, столь же «убойных», причем не в жаргонном, а скорее в буквальном смысле этого слова. Чего стоит, просто даже на уровне фавулы, спектакль «Июль» в театре «Практика»! Или события в фильме И. Вырыпаева «Эйфория», где «дом поджигают по-настоящему, и палец отгрызают по-настоящему, и беззаконных любовников убивают тоже вполне реалистически. Но все это происходит так красиво и так спокойно, и так аморально – даже имморально, – как землетрясение. Моральные категории упразднены. И вот этим-то шоком он и прибывает зрителя по-настоящему: не смертью героя, а именно смертью морали. Ее нет больше» [12. С. 323].

Обратимся, однако, к тому, что происходит в последних творениях этого тридцатилетнего уже сегодня ницшеанца – «убийцы» морали.

В спектакле «Объяснить» (2008 год) на черной обшарпанной и стильной малой сцене Школы современной пьесы стоят четверо одетых в черное же молодых человека и чита-

ют по очереди стихи поэта позапрошлого века Абая Кунанбаева на казахском языке. Потом немного русские переводы. В середине спектакля одна из них – польская актриса Каролина Грушка – показывает здесь же, на плазменном экране, польский мультфильм про собачку и музыку и на польском долго рассказывает его содержание. А ведущий (он в прологе старательно пересказал биографию Абая) переводит этот рассказ на русский. В финале на экране сгущается дымовая масса, она постепенно заполняет всю сцену, а на экране полыхает масса уже огненная. И все! То, что это финал, зрители не понимают довольно долго (все действие длится минут 50), а когда понимают, столько же не могут поверить.

Что же хочет нам «объяснить» автор? Рождение смыслов. Он говорит о том, что мы присутствуем в самом начале, когда еще только музыка, из духа которой на наших глазах и рождается новый мир. Надо слышать, как актеры читают казахские стихи – будто древний инструмент своим гортанным пением повествует о начале мира. Надо слышать как они держат паузы между. Слышать красоту переливов трех звучащих на сцене языков. Красоту музыки еще не расчлененного на языки и другие куски мира. И все называется как будто впервые. «Девушки цвели красотой», а «Вот и старость», «Различен с природой в судьбе человек» и «Пусты без мысли слова», «Будь скромнее», но «Борьбою за правду живи» – звучат стихи Абая, как пра-истины, возвращенные смысловые опоры. Точнее, судя по всему, надо было бы, чтобы они так звучали. Потому что все, что касается музыки – включая, кроме сказанного, квартет из актеров, извлекающих из виолончели, скрипки, флейты, аккордеона какие-то чудные архаичные звуки, и нежно льющуюся, как будто тоже очищенную новой аранжировкой, песню Гребенщикова про дождь – получается. Что касается русских переводов Абая и рассказа польского мультфильма – к сожалению, только претендует. Но для нашей темы замысел важнее качества воплощения. Мысль же заключается в том, что хватит. Наполнили легкие, отплясали на могиле Бога, его морали и всех мертвых ценностей. Пора думать о новых смыслах, о новых истинах, новых опорах.

Последнюю свою пьесу, «Иллюзии», Вырыпаев назвал мелодрамой об истинных ценностях. Стеб стебом, но им ситуацию растерянности, о которой сигнализирует автор, не прикрыть, да он, пожалуй, и не собирается, скорее – наоборот. Речь в пьесе идет о базовых опорах человеческой жизни – о любви и доверии, дружбе, предательстве, но – эти опоры при любом касании распадаются, как хрупкий пазл, теряют очертания. И в спектакле, который он сам поставил на сцене московского театра «Практика», рефреном проходит восклицание: «Ведь должно же быть хоть какое-то постоянство в этом изменчивом космосе!» [13].

В то же примерно время, когда восторженную страну окутывал вырыпаевский «Кислород», я спрашивала (в связи с проводимыми в то время мной гендерными исследованиями) у театроведов-специалистов по новой драме: как в ней представлены родители? матери, отцы? Несколько разных людей мне, подумав, отвечали: «а никак, их там нет как класса». В конце прошлого сезона свою статью, посвященную крупнейшему в России международному фестивалю новой драмы «Кодяда-plays» в Екатеринбурге, я назвала «Отец@poisk.ru». О том, что «отец» является символом культурной вертикали, напоминать излишне. Тема отца всегда была репрезентантом строгости, твердости, трансцендентности, обращенности к человеку с самыми серьезными вызовами. Утрата этого вертикального сгущения в бульонообразном маскараде консюмеристских идентичностей воспринимается современным театром подчас не как освобождение, а как отчаяние.

Жажда идеала порождает его поиски подчас в самых неожиданных и невероятных формах. Одним из ярких воплощений свидетельства таких поисков стал номинант национальной премии «Золотая маска» – спектакль «Павлик – мой бог» режиссера Евгения Григорьева по пьесе Нины Беленицкой московского театра им. Йозефа Бойса, где героиня Таня также нестерпимо страдает от исчезнувшего из ее жизни отца. Эти страдания и вспыхнувшая к нему ненависть, поскольку в данном случае отец их с мамой и сестрой бросил банально-буквально, без метафизики, приводит ее невероятно прихотливыми путями к обожествлению образа Павлика Морозова, которого, оказывается, так же с братом бросил в свое время убиенный впоследствии отец. Впрочем, убийство оказалось чистой мифологемой, поскольку, на основании изучения авторами спектакля документов 1932 года, пионером Павлик никогда не был, донос на отца не писал и никого не убивал: «реальными были только две вещи – то, что я родился и меня убили». Но основной акцент в спектакле ставится не на разоблачении клеветы на неповинного Павлика (факт в той или иной

степени известный), главное здесь – жажда современного подростка: «Я хочу, чтобы папа был!» И частная история отдельно взятой девочки вырастает в спектакле до масштаба темы поиска ценностно-смысловых ориентиров (слово – «ориентиры» – прямо возникает в разговорах Тани с памятником Павлику, главных и единственных героев спектакля) всего нового поколения: «плутая в потемках прошлого, они стараются найти ориентиры в настоящем» (цитата из отзывов о спектакле зрителей в ЖЖ).

В спектакле «Он пропал. net», идущем сегодня на сцене тюменского молодежного театра «Ангажемент» (пьеса Ярославы Пулинович, постановка Олега Гетце) главная героиня Саша страдает от того, что единственно близкий ей человек – родной брат Глеб – не только ей, но всему миру предпочитает своих постоянно обновляемых силиконовых красавиц, секс-кукол, ничем внешне не отличимых от живых людей («делали для секса, а получилось для любви»). Реальные же люди в спектакле пребывают в каком-то сомнамбулическом трансе, они по сути полутрупы, поскольку давно лишены возможности живой любви, да просто – человеческого общения. Таковы Саша и Глеб, таков же разговаривающий только с Яндексом («я спросил у Яндекса») – одна из ключевых фраз спектакля) Мальчик-Гамбургер, с которым познакомилась, придя от отчаяния работать Картошкой в Макдональдсе, Саша. Таково все идущее за ними поколение 16-летних, представленное в спектакле поколением неудавшихся суицидников. На большом экране с большой скоростью несется на зрителя яркая, сверкающая глянцево-рекламными красотами панорама мегаполиса, а на сцене неприкаянно бродят совершенно ошалевшие и потерявшиеся в этом мире постмодернистских симулякров дети, их экзистенциальный мир – образ морга: сцена представляет собой пустое, наполненное холодным искусственным светом пространство, с белыми полиэтиленовыми стенами, от которых при нажатии кнопки мгновенно откидывается единственно нужная здесь мебель – узкие и длинные столы-труповозки.

Но дети *ищут* выход. Не находят, но значим сам факт поиска, надежды, нащупывания новой сверхчувственной парадигмы. Магия сверхчувственного как бы проглядывает в спектакле сквозь реальность повседневной жизни нынешних молодых людей. Оно здесь присутствует, прежде всего, как зияющая дыра, нестерпимая пустота, ведущая рано или поздно к смерти, в том числе и физической (судьба Саши в финале – прямое тому свидетельство). Но присутствует и буквально. Весь спектакль главные герои – Саша и Глеб – ищут отца, который «был такой добрый, красивый, нас любил и всегда нам все прощал», а один раз он ушел и не вернулся, и на мобильном трубку не берет. Зовут отца – имя крупно выведено на экран в начале спектакля – Бакланов Олег Геннадьевич. Заглавные буквы свидетельствуют, о каком Отце идет речь, и спектакль, благодаря такому масштабу, приобретает совсем иное звучание.

Без сомнения, тема «отца» стала в самые последние годы набирать обороты. Пропасть между отцами и детьми в нашей стране, кроме вторжения компьютерной вселенной, помноженной на консюмеристское принуждение, была дополнительно фундирована социально-историческим разломом. И долгий период «отцы», если они не медиазвезды, вообще перестали существовать для детей. (Отчетливо это показано, например, в нашумевшем сериале Гай Германики «Школа» года два назад по Первому ТВ-каналу.) Театр последних лет свидетельствует об изменении ситуации. По стране прошла целая волна студенческих спектаклей по повести Бориса Васильева «Завтра была война». Что само по себе симптоматично. В театре Уральского государственного (ныне – федерального) университета этот спектакль был сфокусирован на совершенно отчетливом смысловом высказывании. Кульминацией спектакля стал монолог Вики Люберецкой, когда ее вынуждают отказаться от отца. Монолог этот об «отцах», от которых нельзя отказываться. Дело не в том, что конкретно папа Вики не виноват, а в том, что от отцов, какими бы они ни были, отказываться нельзя. Иначе – случится непоправимое. За кулисами негромко звучит прекрасная музыка, и совсем негероическая Вика на последней ноте отчаянья высоким чистым голосом обращается прямо в зал с этим убежденным призывом. И всем спектаклем, где нет ни апологетики тому страшному времени, ни саркастического отрицания его, ребята заявляют эту позицию – они НЕ отказываются от своих отцов.

Спектакль, потрясающий по ощущению подлинности, которое идет от юных лиц, от точности и свежести интонации, с которой он сделан, вызывал, кроме всего сказанного, такие мысли: «... вот думаю, чем меня поразил этот спектакль? Наверное, отчетливостью своего высказывания. Спектакли-высказывания сейчас большая редкость. Дефицит идей

на сцене очевиден, реальность дробится, выскальзывает, симулякризируется, не дает промыслить себя и обобщить. Здесь же все было удивительно, потому что «высказывались» не профессиональные артисты – студенты. Высказывались на обшарпанной сцене университетского ДК. Высказывались таким же, как они, студентам, которые сидели на разболтанных скамейках, установленных на этой же сцене, кто-то, правда, стоял, кто-то лежал, разве что, кажется, не висели... И длилось это высказывание в абсолютной тишине, на предельном градусе внимания почти три часа. И происходило оно не в каких-то экспериментальных, острых формах, а через подробное «чтение» знаменитой повести Бориса Васильева» [14. С. 183–184].

Стоит подчеркнуть: эта простота и серьезность, отсутствие внешних эффектов, постмодернистской игры метафор, жанров и сленгов не составляет прерогативы только описанного спектакля. Елена Груева, известный московский театральный обозреватель, в предваряющем слове к лаборатории молодой режиссуры в Екатеринбурге так формулирует особенности нового театрального поколения: «За последние годы центральные театральные вузы страны создали новое поколение отечественной режиссуры. Увлечения их предшественников новыми технологиями, постановочными эффектами, работой на пересечении жанров, выведением на сцену новых персонажей, тем и современных сленгов перестало для учеников Олега Кудряшова, Евгения Каменьковича или Камы Гинкаса иметь абсолютную самоценность... Для молодых важнее умение работать с актером – выстраивать роль в опоре на личность исполнителя и его профессиональный диапазон» [15].

Это то, что касается новой эстетики, а по поводу этики ситуацию сдвига прямо фиксирует крупнейший современный режиссер, недавно возглавивший БДТ им. Г. Товстоногова в С.-Петербурге, Андрей Могучий: «Если раньше для меня был важен набокковский постулат, что ни мораль, ни религия, ни наука, ни история не могут посягать на суверенные границы искусства, то в последнее время все по-другому. Я съездил на фестиваль «Балтийский круг» молодых радикальных ребят, которые с помощью театра выражают свой взгляд на мир. Один спектакль был хороший, другой плохой, это неважно, но там у меня произошел разговор с одним датчанином, который сказал мне: «Да что ваш Набоков, старый русский модернист, кому он сейчас нужен?» Я не поменял взгляд на жизнь, но вдруг понял, что художественность вновь начинает быть тесно связана с неким социальным поступком. И это для меня сегодня существенный аргумент для того, чтобы продолжать делать театр. Этический момент стал превалировать над эстетическими играми, в которые все наигрались» [16].

Завершить описание наблюдений новых «мировоззренческих токов» в современном театре хотелось бы уточнением, что наступающая эпоха не есть линейное возвращение к прежним смыслам и эстетическим формам и что на этот раз для нас, гуманитариев, не будет готовых инструментов анализа, которые необходимо просто освоить и присвоить, как это было с постмодернизмом, в эпоху которого мы по понятным причинам вошли лет на двадцать позднее наших западных коллег. Если мы что-то хотим понимать с происходящим в повседневной жизни людей, надо быть готовым снова пускаться в трудные, опасные методологические поиски иных языков научно-теоретического ее описания. А театр всегда, наверное, будет значимым источником обнаружения новых культурных ценностей, значений и норм – ведь это самый со-временный (в буквальном смысле) вид искусства.

Примечания и литература

1. Приведу остроумное замечание на эту тему известного социолога культуры: «Как-то, будучи в Германии, я ехал на трамвае из Кельна в Бонн и в трамвайном вагоне увидел плакатик в жанре так называемой социальной рекламы с приведенным в заглавии данного раздела афоризмом. “Clean ist wieder in” – это двуязычный лозунг, где на смеси английского и немецкого языков возвещается о том, что “чистота снова в моде”... Чистота снова в моде. Это не предписание, а информация. Вывод из нее каждый может сделать для себя сам, а может просто воспринять ее как сообщение, не предполагающее никаких выводов. В нем не говорится, что ходить грязным дурно, или опасно, или некультурно. В нем не говорится, что ходить грязным нельзя. Оно как бы предполагает, что люди сами выбирают свой образ жизни и моют руки только тогда, когда они этого хотят и если хо-

тят. ...мода не имеет отношения к метанарративу. Она не связана ни с последующей модой, ни с предыдущей. Она – не прогресс от длинного к короткому или от пастельного к насыщенному и наоборот. Она просто изменение. Новая мода не лучше старой и не хуже. Поэтому можно ходить чистым, а можно – грязным, но, заметьте, чистота снова в моде. Это метанарратив любит выражать себя в патетических призывах типа: “Мойте руки перед едой!”. Мода же как непринудительная, плюралистическая институция ...» // Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Ionin/_Index.php

2. «Многодетная семья должна стать в России престижной и модной», – заявил президент Владимир Путин на заседании Совета по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике. Цит. по: Головкин О. Вводим моду на многодетность [Электронный ресурс] // Православие и мир : ежедневное интернет-издание. – URL: <http://www.pravmir.ru/vvodim-modu-na-mnogodetnost> (дата публикации: 01.03.2013 г).

3. Пелевин В. Empire «V». Амфир «B». – М. : Эксмо, 2006. – 416 с.

4. Цит. по: Вайнштейн О. Б. Деррида и Платон: деконструкция логоса // Мировое древо. – М., 1992. – Вып. 1.

5. Пост-постмодернизм [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

6. Постпостмодернизм // Лексикон неклассики. – М. : РОССПЭН, 2003. – 607 с.

7. Филатов С. Христианские религиозные сообщества России как субъект гражданского общества // Отечественные записки. – 2005. – № 6.

8. Брандт Г. А. Церковь и культура: новая встреча в «разломе эпох» // Российский человек в «разломе эпох»: Quo vadis? : материалы XV Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (Екатеринбург, 26–27 апреля 2012 г.). – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2012. – Т. 1. – 724 с.

9. Самое главное в церковной жизни [Электронный ресурс] // Преображенское содружество малых православных братств : сайт. – URL: <http://www.psmb.ru/obshchinnobratskaja-zhizn/istorija-sodruzhestva/statja/samoe-glavnoe-v-cerkovnoi-zhizni/> (дата публикации: 20.08.2012 г).

10. В этой связи интересно привести суждение самого сегодня, наверное, читаемого журналиста, писателя, словом «властителя дум» (причем либерально ориентированного) Дм. Быкова о том, что России «нужна православизация»: «Я думаю, что христианство как русская национальная философия вполне может сработать». Цит. по: 2012 : Молодежь вне политики. Политика вне молодежи [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы» : сайт. – URL: http://echo.msk.ru/programs/year_2012/922867-echo/ (дата публикации: 31.08.2012 г).

11. Автор данных строк в одной из своих рецензий не могла скрыть данного воздействия спектакля даже на уровне самой интонации, темпо-ритма статьи: «*Несколько лет назад в спектакле «Кислород» человек по имени Иван с лаконичной яростью Заратустры назвал, наконец, то, что давно витало в воздухе. А точнее, напротив, означил, что в воздухе этом уже ничего не витает, не летает, не танцует, не живет. Все задыхается, падает, рушится, умирает. И даже Бог с его заповедями, и в первую очередь Бог с его заповедями. И победит тот, кто не знает Бога, не слышит его заповедей, потому хотя бы, что оттягивается в это время в наушниках. И потому ему ничего не стоит нарушить даже главную из заповедей, две главные из заповедей, и наполнить легкие до краев чистым кислородом, и дышать, и танцевать, и витать со/за своей огненно-рыже-волосой возлюбленной по воздуху, рассекая уличные пространства мировых столиц...» (Брандт Г. А. Устами Заратустры... // Петербургский театральный журнал. – 2008. – № 4. – С. 84).*

12. Быков Дм. На пустом месте. – СПб. : Лимбус Пресс, 2008. – 328 с.

13. «Иллюзии» Вырыпаева победят смерть любовью на сцене «Практики» // Weekend : группа сайтов РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/theatre/20110930/446439730.html> (дата публикации: 30.09.2011 г).

14. Брандт Г. А. Трагедия «отцов» // Петербургский театральный журнал. – 2008. – № 3. – 194 с.

15. Щербакова Н. Свердловская драма ставит театральные «Опыты» // JustMedia : информационно-аналитический портал. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.justmedia.ru/news/culture/133306> (дата публикации: 17.04.2012 г.).

16. На вопросы «Петербургского театрального журнала» отвечает Андрей Могучий // Петербургский театральный журнал. – 2006. – № 3(45). – URL: <http://ptj.spb.ru/archive/45/ptj-questions-45/otvechaet-andrej-moguchij>

УДК 339.138+366.1

Батюта Екатерина Анатольевна

канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Batyuta Yekaterina A.

candidate of Philosophy, associate professor at Hospitality Management and Tourism chair, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities Ekaterinburg

**ФИЛОСОФСКАЯ АПОЛОГИЯ
ПОТРЕБИТЕЛЯ:
ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА
К КОМПЕТЕНТНОСТИ**

**PHILOSOPHICAL APOLOGY
OF THE CONSUMER:
FROM AFFLUENZA
TO EXPERTISE**

Аннотация

Традиционный подход к потребителю как одностороннему, интеллектуально неразвитому, лишенному творческих потенций человеку в современности сменяется новой парадигмой «компетентного потребителя», способного к самореализации в процессе потребления. Это стало возможным благодаря «текучести» реальности и игровому характеру повседневности.

Ключевые слова: потребитель, потребительство, консюмеризм, потребности, желания, прихоти, потребительская компетентность, «текущая современность».

Abstract

Traditional approach to the consumer as one-sided, intellectually impaired, unable-to- create man is changing for a modern paradigm of an «expert consumer» who is capable of self-realization in the consumption process. «Liquid» reality and game-like everyday life have contributed to this tendency.

Keywords: consumer, affluenza, consumerism, needs, desires, whims, consumer expertise, «liquid modernity».

В 90-х годах XX века обществу потребления был поставлен диагноз – это «больной» организм, неизбежно порождающий человека, страдающего «афлюэнцей» – синдромом потребительства. Это «болезненное, заразное, передающееся внутри общества состояние пресыщения, обремененности долгами, тревоги и опустошенности»¹ разрушает традиционную культуру и превращает человечество в механический конгломерат, где лишённые самостоятельности и манипулируемые рыночными силами потребители ведут бессмысленную игру – упрямую погоню за новыми и новыми приобретениями. Однако потребитель имеет шанс реабилитироваться: для него использование и означивание предметов потребления превращается в средство творческого самовыражения, и это способно изменить устоявшееся негативное представление о потребителе в системе культуры. Можно говорить о формировании нового типа человека-потребителя – компетентного потребителя, создающего своеобразную имитационную игровую культуру.

Традиционный взгляд на отношение к потреблению лучше всего выражен в работах таких социальных критиков, как К. Маркс и Т. Веблен. Для этих мыслителей квинтэссенцией всей человеческой деятельности был творческий труд – труд ремесленника. Он рассматривался как облагораживающее, порождающее гуманизм, идеальное средство, при помощи которого человек мог выразить свою человеческую сущность. Когда ремесленное производство сменилось машинным и заводским, ремесло стало для большинства равнозначно способу производства. Современных защитников ремесла причислили к романтикам, недовольных миром и потому желающих вернуться в доиндустриальную эру, выстраивая для этого нереалистичные утопии будущего постиндустриального общества. Большинство ученых до сих пор придерживается идеи противопоставления и несовместимости массового машинного производства и ремесла. Ремесленник – художник, ко-

¹ Де Граф Дж. Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру. – М. : Ультра. Культура, 2003. – С. 16.

торый находится вне системы разделения труда, где замысел и разработка – дело одних людей, а изготовление – других. Причем подразумевается, что первое – неотчужденная, творческая, подлинно человеческая деятельность, а второе – исключительно механический, не приносящий удовлетворения отчужденный физический труд.

Традиционный подход к природе труда, в основном, не обращал внимания на сферу потребления. Общество понималось как образование, определяемое производством, а потребление (учитывая, что большинство населения недоедало, плохо одевалось и жило в трущобах) не считалось достойным изучения. Однако после Второй мировой войны исследователи обратили внимание на сферу потребления и попытались снова возродить романтические взгляды, сделав потребление одной из сторон экономического уравнения. «Новая» идея заключалась в том, что если широкомасштабное промышленное производство вызывает отчуждение вовлеченных в него людей, то и потребление, соответственно, тоже должно быть отчужденным. Или, по крайней мере, если потребительская деятельность сама по себе не может содействовать производственному отчуждению, то она не в состоянии и противодействовать ему. Потребление в современности стало «массовым потреблением», причем обществоведы «левого» толка и интеллектуалы рассматривали его как «дурной признак», поскольку потребителя изображали как существо, отданное на попечение рекламе и маркетингу, которые манипулируют им посредством СМИ, преследуя собственные цели. Таким образом, потребитель становится простофилей, вынужденным покупать множество эстетически низкопробных стандартизованных вещей, большинство из которых ему просто не нужно, а немногие «нужные» сделаны так, что не способны вызвать сколько-нибудь длительного удовлетворения. Однако события последних лет доказывают изменение отношения к потреблению в обществе. Начинают исследоваться новые формы потребления, возникшие в связи с переходом от функциональных потребностей к диффузии, пластичности и непостоянству желаний.

Два представления о потребителе господствовали в науках о потреблении в XX в. Первое, характерное для «экономического подхода», изображало потребителя как активного, расчетливого и рационального деятеля, который умеет правильно распределять скудные ресурсы, чтобы извлекать из них максимальную пользу. Вторая точка зрения принадлежит теоретикам «массового общества», изображавшим потребителя пассивным, эксплуатируемым и поддающимся манипуляции объектом мощных рыночных сил. Дон Слейтер называет эти два образа «герой» и «простака»². В конце XX века сформировался и третий образ, вследствие влияния на общественную мысль теорий постмодернизма. Потребитель не выглядит ни разумным актором, ни беспомощным простаком. Скорее, он сознательно манипулирует символическими значениями, которыми наделены товары. Он тот, кто выбирает товары, имея особое намерение – использовать их для создания или поддержания определенного впечатления о себе, идентичности или стиля жизни. Как бы ни были сильны эти три образа, они не исчерпывают всего богатства характеристик и способов потребления, которые демонстрируют потребители в современном обществе. Можно сказать, что эта модель ближе к образу «героя», чем простака, поскольку она отвергает предположения о том, что человек потребляющий – просто беспомощная марионетка в руках внешних сил. С другой стороны, она не берет за основу рациональное поведение «в собственных интересах» формирования имиджа, стиля жизни и идентичности, как это делают постмодернисты. Все больше свидетельств того, что сегодня формируется четвертый образ потребителя, который и можно назвать «компетентным потребителем».

Главная идея «четвертого образа» заключается в том, что индивиды потребляют, исходя из желания участвовать в творческом акте самовыражения. Таким образом, хотя эта модель признает, что потребитель активно реагирует на товары и услуги, сознательно используя их как средство достижения собственных целей, вовсе не обязательно, что он будет наделять их смыслом, значимым для поддержания своей идентичности. Эта модель утверждает, что, вступая в процесс потребления, человек уже имеет четкую и устоявшуюся идентичность. Именно она и определяет тот особенный способ, которым совершается потребление.

Как формируется способность современного человека к «творческому» потреблению? Как ни парадоксально это звучит, новая роль потребления вырастает из изменения

² Slater D. Consumer Culture and Modernity. – Cambridge : Polity Press, 1997.

характера преемственности в обществе. Принцип неустойчивости стал официальной приметой современной жизни и служит для изгнания духа стабильности в общей ситуации недостатка устойчивости.

Монтень вспоминает античный миф о крайне честолюбивом царе Пирре, который не знал покоя, пока не добивался исполнения своих мечтаний о новых и новых победах и о его слуге Цинисе, который советовал царю расслабиться и получать удовольствие от достигнутого, избегая невзгод и ужасов войны³. Паскаль с сомнением относится к осуществимости этого совета и порицает Циниса за незнание природы человека. Все несчастья проистекают из одного – неумения людей успокаиваться на достигнутом. Нет ничего недолговечнее покоя, бесстрастия, отсутствия приключений и бесплодных усилий. В поисках покоя люди преодолевают препятствия на своем пути, когда же они преодолены, покой становится невыносимым. Как считал Монтень, из всех удовольствий, которые мы знаем, погоня за удовольствием – самое приятное.

Люди искренне верят, что желают покоя, но они обманывают себя: на самом деле им нужнее возбуждение и волнение. Они хотят гоняться за зайцем, а не поймать его. Удовольствие заключается в самой охоте, а не в добыче. Почему это происходит? Из-за человеческого состояния – «смертного и несчастного» – т. е. из-за полнейшей невозможности утешиться чем-то легко достижимым в жизни. Единственное доступное утешение – участвовать в деятельности, которая отвлекает нас от мыслей о смерти и краткости нашего существования – основного источника несчастья. Мы получаем удовольствие от шума и хлопот, а не от поставленных целей и полученных выгод.

Нет иного способа избежать судьбы, кроме азарта, и простых смертных нельзя порицать за желание удовольствий. Вина заключается не в суетных желаниях, а в том, что человек хочет, чтобы его развлекал кто-то другой. Неправильно также желать вещей в надежде, что обладание принесет подлинное счастье – в этом случае мы имеем дело с тщеславием.

Этой идее вторит Р.-Л. Стивенсон: путешествовать лучше, чем приезжать, настоящий успех путешествия заключается в трудах, которые мы на него затратили. Утрируя выражение шотландского поэта, нужно с горечью заметить: в приезде на место предназначения вообще нет никакого удовольствия. Окончание поездки – это повод для плохого настроения и упадка духа. От судьбы нет спасения, но мы можем постараться забыть об этом на время. К этому утверждению позже присоединяется еще один исследователь сложностей человеческой ситуации – Серен Кьеркегор. Он считает, что искать обходные пути, чтобы противостоять судьбе – признак безнравственной или развращенной жизни, патология характера. В этой испорченности нет неизбежности, и с неправильной жизнью можно и нужно бороться. Пример рассматриваемой Кьеркегором патологии являет собой персонаж моцартовского Дон Жуана. Для него удовольствие не обладать женщиной, но соблазнять ее. Ему неинтересны женщины, которых он уже покорил. В момент триумфа удовольствие уходит. Дон Жуан живет, чтобы поддерживать желания, а не просто удовлетворять их. Он великий герой, потому что добивается цели и немедленно начинает все сначала. Соблазнительность Дон Жуана в том, что он живет так, как будто бессмертен, его жизнь не отравляют заботы о вечности после конца здешнего существования. Говоря словами Макса Шелера, его выбор – творчество. Он превратил рок всего человечества в личное предназначение, а вовсе не использовал личное предназначение как оружие против судьбы⁴. Именно этого хотят все, но не у всех есть уникальные способности Дон Жуана, и большинство отклоняется от этого пути задолго до того, как появляются возможности осуществить их мечты. Но ни Монтень, ни Кьеркегор, ни даже Макс Шелер не могли предвидеть прихода общества потребления, которое изменило саму суть спора, превратив индивидуальный путь спасения от судьбы в нечто, конструируемое социально. То, что заставляет человека добиваться цели и начинать все сначала – больше не признак чудовищности, а всеобщий образ жизни, пожалуй, единственно возможный сегодня.

Современники Монтеня и Кьеркегора, конечно, потребляли, как и во все времена. Им необходимо было потреблять, чтобы поддерживать жизнь, а еще они должны были потреблять, чтобы поддерживать человеческое, а не только животное состояние. Жить по-

³ Монтень М. Опыты. – М.: Правда, 1991. – С. 40–64.

⁴ Шелер М. Ресенсимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, 1999.

человечески означает иметь не только биологические желания, но и сочетать их с социальными стандартами достоинства, приличия, «хорошей жизни». Эти стандарты постоянно растут, и в прошлом набор потребляемых предметов для удовлетворения человеческих потребностей был более или менее постоянным и фиксированным: он имел «верхний» и «нижний» предел. Пределы определялись целями жизни, и чтобы достигнуть их, в первую очередь нужно было быть сытым, одетым и иметь крышу над головой, причем все это должно было соответствовать определенным нормам «приличия».

Люди имели четко определенное количество потребностей, которые необходимо удовлетворить, чтобы выжить. Потребление было слугой потребностей и оправдывалось и узаконивалось посредством внешних для него условий, а не само по себе. Выживание, биологическое и социальное, было целью потребления, и когда цель была достигнута, дальнейшее потребление лишалось смысла. Потребление ниже уровня «приличия» считалось вопросом этики и показателем этического уровня общества в целом, в то время как «неприлично большое» потребление рассматривалось не только как общественное зло, но и с точки зрения личной вины потребителя. Потворство удовольствиям плоти, обжорство и злоупотребление спиртным осуждалось как смертельный грех, хотя Т. Веблен уже в преддверии потребительской эпохи скорбел по поводу «показного», или демонстративного, потребления, служащего только для хвастовства и самодовольства⁵.

Отличительной чертой потребительского общества и его потребительской культуры является не потребление как таковое и даже не рост объемов потребления. Членов общества потребления отличает от предшественников «эмансипация потребления», отход от его инструментальной роли в обществе (где для него были установлены четкие пределы), уничтожение прежней нормативной регуляции потребления и пластичность потребностей, освобождающая потребление от границ и избавляющая от необходимости оправдываться какими-либо условиями, кроме собственного удовольствия потребителя. В обществе потребления у потребления свои собственные цели и собственные движущие силы.

Ортодоксальная психология определяет потребность как состояние напряженности, которое рассеивается и исчезает, когда потребность удовлетворяется. Потребность у члена общества потребления, наоборот, требует постоянного сохранения напряжения и даже его усиления. Наши предшественники сказали бы, что удовлетворение откладывается во времени. Потребительское общество провозглашает невозможность удовлетворения и измеряет свой прогресс растущим спросом.

Чтобы избежать путаницы, было бы лучше следовать за судьбоносным изменением характера потребления и отказаться от понятия «потребность», признавая тем самым, что консюмеризм не связан с удовлетворением потребностей и даже не касается сублимирования потребностей в идентификации или в самоутверждении как степени адекватности обществу. Движущей силой потребительской активности служит не набор четких, фиксированных потребностей, а желания – нечто более произвольное и эфемерное, мимолетное и капризное. Желание – неопределимый феномен, самозарождающийся и самосохраняющийся мотив, который не требует обоснования в области объектов, причин и следствий. Несмотря на то что изредка и всегда на короткий срок желания материализуются, по сути они нарциссичны: высшей целью желания выступает оно само, и по этой причине остается неудовлетворенным, а вокруг него скапливается постоянно растущее множество физических и психических объектов, оставшихся как отметки и следы прежних желаний. Современное потребление нужно не для выживания тела или социальной идентичности потребителя, а для выживания самого желания, которое и создает потребителя – желания потреблять. Тем не менее, при всех своих преимуществах по сравнению с менее пластичными, инертными и медленно изменяющимися потребностями, желания с большим трудом сочетаются с готовностью потребителя к покупке, чем хотели бы торговцы товарами широкого потребления. Для возникновения желания требуется время, усилия, существенные финансовые вливания, и еще большие труды для того, чтобы довести желание до необходимой интенсивности и пустить его в нужном направлении. Но и этого недостаточно. Потребителям нельзя давать «очнуться» от своих «мечтаний», и поэтому промоутеры должны изрядно потрудиться, чтобы сохранять постоянный «контакт». Потребителя с определенными желаниями нужно «производить», причем каждый раз нового и с большими

⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. – М. : Прогресс, 1984. – С. 108–143.

затратами на это производство. Сотворение потребительской жадности занимает неприлично большую часть всей стоимости производства, распределения и продажи, и конкуренция в этой сфере все усиливается. Однако консюмеризм в современной форме не полностью базируется на стимуляции желаний, он, скорее, основан на высвобождении потребительских фантазий. Ограниченные «потребности» отжили свое как основной мотив потребления, но желания, пришедшие к ним на смену, не накопили еще достаточно мощности, чтобы поддерживать локомотив общества потребления в движении.

Давая определение желания, Фергюсон отмечает: оно связывает потребление с понятиями вкуса, самовыражения и различия (уникальности) потребителя⁶. Индивид самовыражается через предметы потребления. Для развитого капиталистического общества с постоянным ростом производства, самовыражение индивида – всего лишь ограниченные психологические рамки, которые, в конце концов, приводят к возникновению своеобразной «психологической» экономики. Предметные желания сменяют желания-мечты в качестве движущей силы потребления.

История консюмеризма – это история разрушения барьеров, которые ограничивают свободный полет потребительской фантазии, основанной на фрейдистском принципе удовольствия, который приводится в соответствие с «принципом реальности». Потребность, рассматриваемая учеными XIX века как синоним устойчивости, – косная, четко ограниченная и конечная – пострадала первой и на время была замещена «желанием», более широким и текучим понятием, связанным с переменчивыми и пластичными «мечтаниями» и «внутренним Я», которые в более-менее понятных желаниях выражали некую устойчивость. Сегодня и понятие «желание» отмирает. Желание пережило свою полезность. У современного потребителя нет больше основательных и постоянных желаний. Потребовался еще более мощный и более универсальный стимулятор потребительского поведения, чтобы увеличить спрос до уровня предложения потребительских товаров. Скорее всего, желание сменится «прихотью», что завершит высвобождение принципа удовольствия, полностью устранив остатки и преграды принципа реальности. Там, где желанию необходима социальная основа в виде тщеславия, зависти, потребности в самоутверждении, непосредственности, прихоти ничего не нужно. Покупка происходит случайно, неожиданно и спонтанно. Покупка приобретает качество выполнения и одновременно выражения прихоти, и прихоть всегда неискренна и по-детски глуповата. Свободные, раскованные, не подчиняющиеся никаким правилам, прихоти служат сигналом неправомерности основных амбиций современного общества. Сегодня попытка запереть человеческие желания в клетке набора потребностей противоречит человеческой природе, и современный потребительский порядок вещей – война с этим противоречием.

Отвращение человека к покою явилось той чертой характера, которую попытались усмирить создатели «современного рационального порядка». Желание быстро добиться цели и начать все сначала вызывало у них наибольшее недовольство. Разумный порядок не может возникнуть на песчаном, размытом основании человеческих желаний. Голос разума не слышен в какофонии страстей. Современный капитализм все еще ищет «твердую почву», но иррациональное стремление не иметь никаких постоянных желаний куда прочнее здравого смысла прошлого.

Современность – не враг устойчивости. Но не все устойчивое может пройти строгую «проверку на разумность». Устойчивые ценности прошлого ускоренно разлагаются. Они исчезают не из-за того, что устойчивы, а из-за того, что тверды недостаточно. Когда границы старого порядка рушатся, на смену приходит новый, способный сохраняться и держать форму в течение долгого времени. Начиная с Паноптикума Бентама и до научного менеджмента Тейлора и конвейера Форда, не прекращаются попытки создать такие рамки порядка для человеческого поведения, в которых исключаются причудливые и непостоянные страсти, иррациональность и прихоти.

К желаниям и прихотям, особенно неожиданным и спонтанным, строители порядка относятся с подозрением. Популярный научный афоризм гласит, что природа не терпит пустоты. Современный порядок не терпит ничего, что не прошло тест на разумность и не признает функциональной нейтральности. В капризах нет полезности, непринужденное,

⁶ Ferguson H. Watching the World Go Round: Atrium Culture and the Psychology of Shopping. – London : Routledge, 1992.

добровольное поведение трудно представить образцом для подражания. Все, кроме признания необходимости, воспринимается как угроза рациональности. При таком подходе потребление, как и все остальные удовольствия, может быть только отклонением от порядка или времяпрепровождением, чуждым основному жизненному пути, не связанному с основными занятиями.

Принцип реальности устанавливает границы принципа удовольствия, которые искатели наслаждений могут нарушать на свой страх и риск. С точки зрения теоретиков современной рациональности и менеджеров, они не могут стать союзниками. Между тем удовольствие может волшебным образом превратиться в «основу реальности» и стать главным и удовлетворительным инструментом для формирования «образцов для подражания». Другими словами, текучесть может быть основой устойчивости – стабильных условий человеческой жизни. Именно это демонстрирует общество потребления: принцип удовольствия обслуживает принцип реальности – приспособливает произвольные, изощренные и самые привередливые желания к социальному порядку, используя хрупкую спонтанность как строительный материал для строительства устойчивых и непоколебимых оснований ценностей. Общество потребления обладает необычайной ловкостью, заставляя «грабителя сторожить сокровища», т. е. примиряя принципы реальности и удовольствия. Вместо того чтобы бороться с непокорными и неразумными прихотями, оно делает их надежными сторожами рационального порядка.

Как происходит эта необыкновенная трансформация? Сначала проводится новая классификация человеческих желаний. Фокус целей современного общества, видимо, сдвигается с процессов создания ценностей и контроля (с производства в целом) в сферу потребления. Вместо того чтобы усмирять и заключать желания в тюрьму, их нужно освободить и принять их презрение к границам и неистовство страстей. Импульсивные действия потребителя, эта предпосылка иррациональности мира производителей, сберегательных книжек и долгосрочных инвестиций, становится основным показателем для рациональных расчетов во Вселенной Потребителей, кредитных карточек, оплаты в рассрочку и немедленного удовольствия и удовлетворения. В итоге хрупкость и непредсказуемость, характерная для жизни искателей удовольствий и развлечений, превращается из главной угрозы стабильности социального порядка в его опору. Сегодня обнаружилось, что неустойчивость потребления, которая в итоге приводит к потере безопасности, может служить самым надежным фактором, поддерживающим порядок. Политика нормативной регуляции заменяется политикой риска и обстоятельств: нестабильность существования и отсутствие безопасности, уверенности в будущем – отличное сырье для создания нового порядка. Жизнь делится на эпизоды, без связи с прошлым и предсказания будущего. Это позволяет устранить проблему поддержания порядка более радикально, чем институты надзора и менеджмента. Современное потребление не пропагандирует рациональное поведение и умение прогнозировать будущее как основу рационального поведения, а предпочитает краткосрочные «проекты» в качестве основной цели. У этих проектов неясное будущее, но быстрый и видимый эффект, в чем и заключается политика риска и обстоятельств. Потребитель не должен останавливаться или иметь целью стабильность в противовес прошлому миру стремящихся к стабильности производителей. Потребитель не должен стремиться к универсализации рационального мышления и действиям на этой основе, он действует на основе страстей. Порядок основывается на «подпытывании» желаний и требований разнообразия, при этом разнообразие – унифицированное и устойчивое требование, так же как ортодоксальным сегодня является требование свободы. Рациональность общества потребления строится на иррациональности его индивидуализированных акторов.

Говоря о политике, подразумевают и творцов этой политики. Должен быть кто-то (или что-то), для кого удачное объединение принципов удовольствия и реальности является систематической целью деятельности или стратегией, наиболее соответствующей долгосрочным интересам. Многочисленные исследования привычек и возможностей потребителей похожи на детективные романы: истории о рождении и господстве общества потребления выглядят как сюжеты о хрестоматийных преступниках. В них нет индивидов или групп, а только анонимные заговоры мерчендайзеров и торговцев, хитрые интриги рекламистов или промывание мозгов изощренными СМИ. Тайно или явно продавцы и потребители выступают жертвами манипулирования – легковверными и простоватыми

жертвами массового гипноза. Все эти истории непреднамеренно вводят в заблуждение. В них есть немало истинных предположений, иногда невысказанных и неразвитых. Из рассмотрения исключается тот факт, что члены общества потребления вовсе не являются жертвами обмана и умелых капканов, они сами активно, как все человеческие существа, чутко реагируют на условия жизни, которые подходят или же не подходят для разумного поведения и анализируют эффективность рациональных стратегий. При определенных условиях иррациональное поведение может избежать многих ловушек рациональной стратегии и даже предложить самое оперативное рациональное решение из всех возможных.

Как мы знаем из работ К. Маркса, человек не может выбирать условия, при которых он делает потребительский выбор. Эти условия предоставляют возможность выбора из немногих «реальных» альтернатив среди множества туманных и невыполнимых. Люди реально участвуют в творении истории, но та история, которую они делают, очень редко упорядочена и похожа на те «конечные результаты», которые они себе представляют и ради которых прилагают такие усилия. Это несовпадение между рациональными, осознанными целями и типом реальности, который появляется в итоге, социологи называют «непредвиденными последствиями» человеческих действий, подчеркивая, что люди живут в мире, который является результатом их действий, а не того, что они ожидали или пожелали. Условия, создавшие реальное потребительское общество, и действия всех сторонников этого общества – непредвиденные последствия более чем двухсотлетней истории современного капитализма. Продавцы товаров и имиджей честно и энергично создавали условия для собственных адресных действий, считая, что эти действия разумны и принесут ожидаемые результаты, но никто не планировал, что в перспективе эти условия приведут к современным потребительским практикам. Современное гибкое потребление – это проекция и оправдание надежд большинства гениальных мыслителей и деятелей эры «устойчивости».

Традиционная культура строится на четком разделении устойчивого и упорядоченного мира и неустойчивого, склонного к ошибкам человека, отчаянно пытающегося найти свой путь в некоем лабиринте, выбирая правильные повороты и избегая неправильных, что является труднодостижимой, если не непосильной задачей. Такой подход характерен для писателей-реалистов и ученых сторонников мировоззрения «устойчивого общества». Среди них уважаемые психологи, которые вместо того, чтобы узнать больше о человеческой природе, обычно гоняют голодных крыс по лабиринтам и записывают время, за которое самые быстрые доходят до конца коридора и правильно выбирают одну из ячеек с вожделенной пищей. Поведение лабораторных крыс определяется способностями к быстрому обучению, когда за хорошую учебу поощряют, а за неудачу наказывают. Но если представить лабиринт, где коридоры не имеют постоянной конфигурации, то обучение крыс может никогда не закончиться. Точно так же и нормы и институты общества, которые должен изучить современный человек, тоже должны быть устойчивы, иначе его ожидает неопределенное будущее. Для Эмиля Дюркгейма и Энтони Гидденса несомненным фактом является необходимость веры человека в два допущения: (1) наши действия имеют последствия, которые выходят за рамки текущего момента, и (2) хотя действия не ограничиваются моментом времени и местом пространства, где они совершаются, но их результаты зависят от текущего момента и пространственного масштаба и должны продолжать текущий момент и соответствовать первоначальному масштабу. В противном случае они не будут иметь значения. Исчезнет та нить, которая отделяет их от ничто, и они станут для нас неинтересны. Только действия, обладающие качеством длительности, имеют значение для нашего волеизъявления, и только длительные удовольствия стоят наших желаний. Все люди стремятся отделиться от настоящего. Это применимо к детям, «дикарям», «цивилизованным людям» (как средней культуры, так и «продвинутым») в равной мере. Отличие только в том, насколько далеко они хотят уйти в будущее, и в зависимости от этого оценивается значимость настоящего. Перспектива уйти в ничто – невыносимое бремя для человека. Современный человек не ограничивается тем, чтобы забиться в зыбких удовольствиях. Он старается убежать от судьбы, «живя будущим»⁷. Развлечение – не решение проблемы, потому что оно пусто и кратковременно. Но индивидуальные удовольствия – не единственная возможность. По счастью, общество живет

⁷ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – С. 241–243.

дольше индивида и позволяет нам почувствовать удовлетворение, которое воспринимается реальным, а не эфемерным. Все мы смертны и несчастны. Но общество куда более долговечно, чем простой смертный. По сравнению с нашей краткой жизнью, его жизнь представляется вечностью. Общество служит убежищем, которому мы доверяем. С его помощью мы участвуем в вечных событиях, мы продлеваем свое существование и уменьшаем ощущение несчастья. Самоуверенность современного человека, дерзкая привычка рассматривать свою жизнь как проект и намерение довести этот проект до завершения, сегодня уже не поддерживается верой в стабильность окружающего мира, его требований и правил, которые авторитарно говорят, что именно нужно сделать, чтобы им следовать. Условия современного капитализма формируют конфликт между характером человека и его жизненным опытом, опыт, полученный во времена распада, угрожает самой способности людей формировать характер в устойчивой обстановке. Этот конфликт, неизбежно возникающий как фон, аккомпанемент человеческого существования, сегодня отражается в чертах новой литературы: нестабильность считается чем-то нормальным. В этом расколотом и искаженном опыте есть своя долговременная логика. Мир человека изменяется без видимых причин и предупреждений, потому что люди не могут вывести и предвидеть перемены, руководствуясь собственным опытом. Общество, целостное и устойчивое (как может показаться при изучении работ социологов), представляется большинству только во время значительных событий или случайно и вовсе не обязательно связано с повседневным опытом. Для большинства из нас «общество» есть собирательное название для людей, с которыми мы встречаемся в тех местах, где зарабатываем деньги или проживаем: партнеры, коллеги, соседи. К обществу относятся также способы и средства для ведения дел, которые, по нашему мнению, будут одобрены и приведут к желаемому результату. Загвоздка в том, что идея общества сегодня слишком неопределенна и живет дольше нас. Поэтому общество может предложить нам удовлетворение, которое не только краткосрочное и эфемерное. Осталось очень немного, на что реально и разумно можно надеяться, и это немного имеет все более долговременное значение для моментов нашей жизни. Если вера – это стержень, закрепляющий то, что движется и продлевает жизнь того, что находится в процессе постоянной перемены, то искать такую веру сегодня – напрасное занятие. Единственный постоянный ингредиент жизни – мое «я», мое тело, остальной мир составлен из нестабильных вещей и явлений. Жизнь отдельного человека слишком коротка, чтобы быть комфортной, но срок жизни всего остального значительно короче по сравнению с ней. Вряд ли кто-то вступает в брак с твердым убеждением жить вместе, «пока смерть не разлучит». Бывшие члены семей живут дольше, чем сами семьи. С трудом приобретенные навыки ремесла не могут быть предметом гордости их обладателя всю его жизнь. Никто не работает больше всю жизнь на одной работе. Поддаваясь желаниям энергичных застройщиков, жители районов все чаще совершенствуют и перестраивают свои дома. Никакие личные вещи не сохраняют свою привлекательность надолго, уступая новым соблазнам. Мы лишь наполовину успеваем привыкнуть к моде и «принятым манерам поведения», как они утрачивают свое обаяние. В этом мире можно поймать сразу двух зайцев, иметь одновременно целый торт и съесть его. Точнее, современный человек вообще не доверяет никаким тортам и зайцам – вещам, так как они непостоянны и летучи. Те, кто приковывает себя к постоянным и устойчивым громоздким судам, рискуют пойти на дно вместе с ними. «Вечность» звучит отпугивающе, за исключением тех случаев, когда под ней понимают непрерывную цепь эпизодов, постоянную способность быстро что-то завершить и начать сначала. Сегодня не существует долгосрочных ценностей, а есть только долгосрочные обязательства. Будущее – реальное и желаемое – понимается как «схватывание» этой последовательности «сейчас», сиюминутные моменты. Стабильность – это непрерывность «нанизывания» эпизодов на какую-то нить, чтобы они не рассыпались и не рассеялись, как бусинки, а нитью выступает человеческое тело в одном из своих последовательных воплощений.

Зигмунт Бауман считает: термин «современное общество» означает, что оно постоянно обновляется, предавая прошлое забвению. Это происходит независимо от нашего желания. Характеристики сегодняшней повседневности не такие, как у вчерашней, и не похожи на завтрашнюю – на этом стоит понятие современности. Проблемы сегодняшнего общества – не проблемы сохранения и наследования традиций. Более важным становится постоянное сотворение нового, иного. То, что нас окружает, имеет единственный эпи-

центр – «Я», форму прерывистой непрерывности, которую можно понять и почувствовать реально и разумно. В игре, называемой «общество», оно один из игроков, который выполняет задачу социальной помощи, занимая позицию надсмотрщика, контролирующего то, насколько правильно игроки расставлены по местам. Вместо того, чтобы служить гарантом и средой стабильности и уверенности в себе, современное общество само становится источником постоянного удивления, смутной опасности, пугает своей непознаваемостью. Общество непостоянно и чуждаково, как и любой игрок, оно не раскрывает свои карты, старается заставить вас врасплох и постоянно подразумевает игроков в жульничестве. В этой общественной карточной игре нет постоянных правил, более того, сами правила игры выступают как наибольшая ставка. Все, что могут сделать индивидуальные игроки, – это постараться избежать слишком неожиданных движений и их непредсказуемых последствий. Удержаться на плаву означает достигать единственной реальной цели для индивида – нести ответственность и ответственно выполнять обязанности. История сжалась до вечного «сейчас», и все вращается вокруг оси эго и личной жизни. Жизненные возможности индивида не дают ему принимать решения в чем-то, выходящем за рамки его биографии, поэтому и открытый мир все больше конструируется человеком по принципам его личной биографии⁸. Окончательным результатом является субъективизация и индивидуализация рисков и противоречий, производимых институтами общества в процессе потребления. Индивиды вынуждены искать «биографические» решения системных противоречий, прибегая к новым потребительским «компетентным практикам». Задача непосильная с точки зрения логики, памяти и системного подхода. Не существует персональной стратегии, способной предусмотреть, взвесить и оценить влияние превратностей того, что называется «жизнь». Единственный выход – фрагментировать большую проблему, разбить на множество мелких, доступных решению. Давайте делать в каждый момент времени только одно дело и решать проблемы по мере их поступления, чтобы убедиться, что они действительно существуют. В затруднительной ситуации индивид, чтобы компенсировать иррациональность своего бытия, привлекает собственную житейскую мудрость и сообразительность. Эксперты бросают противоречия и конфликты к ногам индивида и приглашают его самого выносить суждения на основе его собственных понятий, сформированных «обществом потребления». А для индивида жизнь превращается в «приступы» потребительского творчества, потребление для развлечения, как приключение и спортивное состязание, где активный покупатель демонстрирует все, на что способен. Существует взаимное соответствие и избирательное сходство между бессмысленностью потребительского рынка и бессвязностью задач, которые ставят себе целью выполнить индивиды. Велико искушение сказать, что союзы единомышленников заключаются на небесах и никакой индивид не в силах их расторгнуть, ни в одиночку, ни в компании. Таким союзом выглядит и абсолютное соответствие между качествами товаров и предложением потребительского рынка. Способ, которым предлагаются товары, совпадает с заботами и ожиданиями индивидов, превращая их жизнь в череду экспедиций за покупками и последующее «улучшение» этих приобретений. Две иррациональности встречаются, объединяются и вновь самовоспроизводятся, соединяя рациональные расчеты продавцов и рациональные стратегии жизни покупателей. Потребительский рынок добился зловещего умения примирять и смешивать две кардинально противоположные ценности, страстно желаемые членами индивидуализированного общества: он предлагает «в одном флаконе» утраченную уверенность и устойчивость и вроде бы недостижимую гарантию быстрой замены. Так, например, существуют гарантии «вернуть деньги» в случае, если устойчивость «износится» и на ее место потребуется нечто столь же устойчивое, но новое. Потребительский рынок обещает и выполняет обещание – подтверждает определенность, устойчивость настоящего, не пугая перспективой расплатиться за это в будущем. Он обеспечивает прочность посредством стремительной недолговечности своих предложений. Устойчивость больше не строится трудом, умением и самопожертвованием. Вечность выдается в рассрочку, причем каждая порция выдается готовой к немедленному употреблению и может быть израсходована без сожаления и раскаяния. Потре-

⁸ Bauman Z. Consuming life // Journal of Consumer Culture: SAGE Publications. – 2001. – V. 1. – P. 9–29.

бительский рынок устанавливает крайние пределы, которые оберегают желание от истощения, пока цель не достигнута, но при этом эти пределы достаточно близко, чтобы потребитель не успел задуматься об устойчивости утраченной ценности и его желание не подвергалось фрустрации и в любой момент могло восстановиться, не теряя свежести и привлекательности. Временная устойчивость, идентичность появляется как по волшебству из отличия от прошлого. Сегодня получает значение, отсекая себя от вчера. Бесконечный процесс идентификации может продолжаться, досадливо не прерываясь, несмотря на то, что идентичность трудно представить себе непостоянной. С одной стороны, спектр прочности вытекает из скорости и разнообразия, с которым следуют друг за другом мимолетности. С другой стороны, не из беспокойства о том, что объект желания устареет и не сможет поддерживать «игры с будущим» и испортит удовольствие от будущей охоты. Потребительский рынок предлагает выбор, который уверяет человека, что его выбор правилен. Этому помогает авторитет экспертов и труднодоступные знания, которые он получил, а также авторитет большого числа других удовлетворенных покупателей в купе с изобилием, которое стало обычным на полках супермаркетов. В то же время всегда есть вероятность, что в будущем этот прекрасный товар будет заменен «новой и усовершенствованной» версией, пока неизвестной, и что потребителю рано или поздно придется купить или сделать самому эту новую версию. Очень комфортно знать, что никакое решение не имеет необратимых последствий, не является окончательным, и принятие решения превращается в процесс «до следующего раза». Это убеждение разделяют как покупатели, так и продавцы, поэтому нет окончательных разочарований в процессе потребления, которые привели бы к обесцениванию разумности этой игры и ее мудрости. Игра «быстро закончить и начать сначала» – самодвижущаяся и самовоспроизводящаяся, защищенная от соперников и экспериментов, доказывающих ее бессмысленность. Игра сохраняется еще по одной причине. Она вызывает зависимость: продолжительное участие в потребительских играх вызывает неспособность найти «биографические решения» для системных противоречий никаким другим способом. Стать потребителем означает попасть в зависимость от потребительского рынка ради выживания, даже просто для поддержания повседневной активности. Это означает забыть как, или вообще утратить способность справляться с проблемами и вызовами жизни, обладать единственным умением – искать и находить правильный объект, услугу или совет среди товаров на рынке. В одной из кинопостановок «Золушки» даже принц утверждает, что волшебная гора, где Золушка получила свое бальное платье, наверное, магазин.

Потребители стремятся компенсировать хронический дефицит определенности двумя способами: во-первых, идя по проторенному пути маркетинга и шоппинга. Это традиционное потребительство. Но все чаще на его место приходят новые варианты «ремесла»: моддинг, тьюнинг, буккросинг и т. п. Мы все живем в обществе запчастей, и в таком обществе искусство ремонта сломавшихся объектов, людей и характеров – это то, что спасает от невостребованности и устаревания. Необходимо признать возможность существования в современности потребителей, вовлеченных в компетентное, творческое потребление. Термин «компетенция потребителя» означает «культуросозидающую» потребительскую деятельность, в которой продукт потребления рассматривается как придуманный, разработанный и изготовленный одним человеком. В него потребитель вкладывает свои умения, знания, суждения и эмоции, а основным мотивом этой деятельности служит стремление к самовыражению. Такое настоящее компетентное потребление выделяется из ряда других потребительских практик, таких как деятельности «персонализации» (индивидуализации типовой схемы деятельности) и «кастомизации» (действия по кем-то другим разработанным схемам), и особенно ярко проявляется в таких сферах, как дизайн интерьера, садоводство, кулинария, «подгонка» и подбор аксессуаров к одежде. Компетентными потребителями обычно являются люди не только с денежным, но и с культурным капиталом, для которых увеличивающаяся коммодификация общества – рост разнообразия и функциональных характеристик товаров – провоцирует обратную реакцию «декоммодификации», что, очевидно, и порождает рост компетентного потребления в отличие от простого потребительства, и может «спасти» культуру от болезни «аффилюэнцы».

УДК 070

Балмаева Светлана Дашиевна

канд. филос. наук, декан ф-та телерадиожурналистики
Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург)

Balmaeva Svetlana

Candidate of Philosophy,
Associate Professor,
Dean of the TV & Radio Journalism Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**НОВЫЕ МАТРИЦЫ
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ РОССИЙСКИХ
«НОВЫХ МЕДИА»**

**NEW MATRIX FOR UNDERSTANDING
RUSSIAN «NEW MEDIA»**

Аннотация

Статья посвящена изменениям в журналистике, связанным с быстрым развитием «новых медиа». Для них характерно активное взаимодействие с «гражданскими журналистами», поскольку аудитория «новых медиа» и тип ее медиапотребления существенно отличается от аудитории «традиционных СМИ». Какие вопросы порождает такая медиареволюция и как это отразится в проблемном поле медиаисследований – предмет обсуждения в данной статье.

Ключевые слова: российские медиаисследования; «новые медиа»; ситуации медиапотребления; цифровые аборигены; «скрин-эйджеры»; «многозадачное поколение»; «NETмышление»; «ежедневный Я»; гражданская журналистика; бизнес-модели «новых медиа».

Abstract

The paper is devoted to changes in the journalism, connected with fast development of "new media". The active interactions with "civil journalists" is the main feature of "new media", because the type of audience and type of its media consumption differs significantly from the audience of "traditional mass media". What questions are generated by such media revolution and how it will be reflected in a problem field of media researches is the subject of discussion in this article.

Keywords: Russian Mass Communication Studies, "new media", the situation of media consumption, digital natives, "screenagers", "multitasking generation", "NET thinking", "Daily Me", citizen journalism, "invisible newsroom", the business models of "new media".

1. Для понимания возможных «точек роста» современных медиаисследований необходимо констатировать исчерпанность «традиционной» методологической модели, когда основным объектом исследования было *медиапроизводство* (редакционный процесс, деятельность журналистов, их произведения). В связке «СМИ – аудитория» именно СМИ было главным участником, монополистом в создании «повестки дня», *ориентированным на анонимные группы (массы)*, различаемые в лучшем случае по полу, возрасту, образованию, доходу... Поэтому и медиаисследования были в основном направлены на изучение СМИ. Аудитория была «покладистым партнером», чье внимание можно было с большей или меньшей эффективностью продать рекламодателю.

2. К настоящему времени российское медиапространство включает как «большие СМИ» традиционного типа, так и «новые медиа». А именно в исследовании «новых медиа» не работает старая исследовательская модель. В новой ситуации отправной точкой исследования должно быть именно *медиапотребление* активных участников взаимодействия «средство информации – аудитория». Он-лайн издания теперь ориентированы на конкретные *социальные группы, объединенные общими ценностями*. Их нельзя рассматривать как «массы» и, по-видимому, он-лайн издание не стоит называть «средством массовой информации», поскольку оно взаимодействует со своей аудиторией в принципе иным образом, работая иногда на персональном уровне. Логика «новых медиа» требует как от создателей средства информации, так и от его исследователей дотошного проникновения в ситуацию медиапотребления. Как поймать внимание «скрин-эйджеров» в ритме их взаимодействия с 3 экранами, с помощью которых они коммуницируют и получают

информацию в разные часы их жизненного цикла? Какие метки смысла могут привлечь их интерес? Каковы «маршруты их внимания» по социальным сетям? От правильного понимания модели медиапотребления будет зависеть и выбор оптимальной бизнес-модели. Какие сервисы позволяют выжить успешным медиапроектам? Какие партнерские сети обеспечивают их жизнеспособность? Если у нас нет ответа на эти вопросы, то нет и смысла затевать какое-либо медиапроизводство.

3. Попробуем кратко описать этот новый тип медиапотребления и новый тип читателя/слушателя/зрителя. Наиболее полно этот тип представлен в поколении «цифровых аборигенов», родившихся на рубеже 90-х годов XX века и привычно действующих сейчас в мире планшетов и смартфонов; но в равной мере он представлен и в других социальных группах, чья активная жизнь связана с Сетью.

4. Английское определение «multitasking generation» («многозадачное поколение») хорошо описывает типичную для цифрового поколения ситуацию медиакоммуникации: радиослушание при нескольких распахнутых «окнах» компьютера, прерывающееся ответами на звонки мобильного телефона и ICQ.

По данным исследования «Simultaneous Media Survey», выпущенного компанией BIGresearch (о включенности потребителей в несколько медиа), одновременное потребление информации сразу из нескольких источников в последние годы составляет от 1 до 35 % в приложении к разным видам медиа (Интернет, газеты, журналы, радио, телевидение и т. д.).

К примеру, более чем 20 % радиослушателей работали в Сети в тот момент, когда слушали радио; 30 % читателей, читая одновременно смотрели телевизор, а более 10 % одновременно с чтением новостей искали информацию в Сети [1].

5. Поведенческие навыки «многозадачного» цифрового поколения – это быстрая навигация через мобильник и Сеть для решения повседневных задач; умение лавировать в ситуациях высокой степени изменчивости и неопределенности, когда нет точных ответов и окончательных обоснований. Подобный стиль жизни и коммуникаций порождает и новый тип мышления. Если печатная культура с присущей ей иерархией смысла (логикой текста) создала рациональное линейное понятийное мышление, то Сеть с ее многовариантностью информационных маршрутов и хаосом формирует визуально-калейдоскопическое «*NETмышление*» с *очень хрупким вниманием*.

6. Борьба за хрупкое внимание аудиторий цифровой эпохи, которую ведут традиционные СМИ и «новые медиа», отмечена важными качественными сдвигами:

- стремительным падением тиражей традиционных газет и журналов, сокращение времени телепросмотра и объемов аудитории эфирного ТВ, что вызвано «переселением» основного внимания и интереса активных аудиторий в онлайнмедиа;

- демассификацией средств информации до специализированных узких нишевых проектов, способных объединить фрагментированное внимание аудиторий лишь на определенный период времени; развитием искусства «конструирования ниш», «конструирования сообществ», способных стать целевой аудиторией; по-видимому, в скором времени аббревиатура «СНИ» (средство нишевой информации) должна вытеснить привычное для XX века сокращение «СМИ»;

- конвергенция медиатехнологий и рождением конвергентной интерактивной журналистики, универсально использующей мультимедиа-среду и смартфоны для доставки читателю/слушателю/зрителю релевантного содержания «здесь и сейчас» в режиме реального времени 24 часа в сутки семь дней в неделю в самом оптимальном формате. Возможность включения в медиакоммуникацию в любое время и почти в любой точке пространства создает немыслимую ранее возможность персонализации медиапотребления. По выражению американского исследователя Н. Неграпонте [2, 170], теперь аудитория – это «*ежедневный Я*».

7. Ситуация медиапотребления «ежедневного Я» – это сканирование экрана, точнее, одного из возможных (экран ноутбука, экран мобильного коммуникатора, экран планшета, экран телевизора-компьютера) со всеми особенностями такого процесса. Смысловые зацепки, которые умело создавались ранее текстовой журналистикой, не будут работать, если они не привязаны к визуальным «крючкам». «Бумажное мышление» в журналистике будет вынуждено уступить место «визуальному мышлению». Глубина текста

теперь предполагает нелинейное повествование с гипертекстовыми включениями и пересечением линков.

8. Но самой важной чертой изменения журналистской деятельности является то, что описание события теперь идет почти параллельно с самим событием. И профессиональный журналист вынужден конкурировать в этом процессе с гражданскими активистами, блогерами и экспертами; о самом же факте события публика зачастую узнаёт теперь не от редакции, а от робота, формирующего топ-новости популярного поисковика.

9. Если ранее журналист – это сотрудник редакции СМИ, участвующий в редакционном разделении труда, то сейчас это может быть фрилансер, мыслящий релевантно интересам целевой аудитории, способный отбирать, селектировать ценную для своей аудитории информацию. Профессиональный журналист теперь – модератор общественного интереса, агрегатор потенциального внимания, провайдер нужного контекста, диспетчер общественного доверия.

10. Персонализация медиакommunikации означает и авторскую активность аудитории. Она теперь может стать равноправным участником в создании контента, стать своего рода «невидимой редакцией». Журналисты редакции работают внутри комьюнити, «гражданские журналисты» создают интересное содержание, формируют повестку дня, участвуют в «конструировании» аудитории. Именно с этим процессом связан более глубокий смысл термина «конвергенция». Это возвращение такой тесной взаимосвязи с целевой аудиторией, что происходит «взаимопроникновение». Тот, кто сможет построить «сети доверия» с целевой аудиторией, сможет рассчитывать на «длинное внимание» и устойчивую бизнес-историю. Ведь бизнес-составляющие этого процесса – удешевление производства контента, замена затрат на маркетинг, продленная жизнь проектов.

11. Внимание «лакомых» аудиторий стремительно растет в цене. Бюджеты, необходимые теперь для маркетинга, продвижения и удержания интереса целевой аудитории, заставили исследователей изучать скрытую логику «экономики внимания», констатируя непреодолимое противоречие между бесконечным ростом информации и «конечностью», ограниченностью, исчерпаемостью внимания как ресурса.

12. Очень важным проблемным узлом является прогнозирование социального контекста «новых медиа»: формирование внеинституциональных форм организации средних групп, развитие сетей внутри сетей, устраняющих посредников в коммуникации. Ведь сила «традиционных СМИ» заключалась именно в *авторитетном посредничестве, в распределении доверия аудитории*. Поэтому в авторитетные СМИ шли финансовые потоки за имиджевую рекламу. Но с развитием «сетей сетей» индивиды получают и возможность прямого обмена мнением, и возможность создания своей собственной референтной группы, независимой от обычных СМИ. Новое же, *не-обычное* средство информации должно утратить свои институциональные свойства, должно стать «своим», «другом» или очень квалифицированным советчиком-экспертом, необходимым для данного сообщества. И уже существуют удачные попытки создания таких взаимоотношений со своей аудиторией через «послов», уважаемых журналистов и экспертов. Но монетизировать этот тип отношений «средство информации – дружеская аудитория» не удалось. Механизм «благодарственных платежей» не сработал. За дружбу у нас платить не принято. Непонятно только, на чем будет строиться бизнес-модель «новых медиа» в будущем.

Источники

1. Материалы исследования компании BIGresearch. URL: <http://mediarevolution.ru/audience/behavior/1192.html>

2. Negroponte N. Being Digital. Part III. Digital Life. Post Information Age. – N.Y., 1996. – P. 170.

УДК 79:615.851

Белых Сергей Иванович

канд. педаг. наук, канд. наук по физическому воспитанию и спорту, профессор, Заслуженный тренер Украины, Заслуженный работник физической культуры и спорта Украины, судья международной категории, мастер спорта по боксу и кикбоксингу, заведующий кафедрой физического воспитания и спорта Донецкого национального ун-та (г. Донецк)

Sergey I. Byelykh

Candidate of Education, Candidate of Physical Education and Sports, Professor, Honored Coach of Ukraine, Honored Worker of Physical Culture and Sports of Ukraine, Internationally Certified Referee, Master of Sports in Boxing and Kickboxing, Head of Physical Education and Sports Chair, Donetsk National University, Donetsk

Нагорная Анастасия Сергеевна

тренер-преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, мастер спорта, судья национальной категории по кикбоксингу Донецкого национального ун-та (г. Донецк)

Anastasia S. Nagornaya

Master of Sports, Nationally Certified Referee in kickboxing, Trainer-Instructor at Physical Education and Sports Chair, Donetsk National University, Donetsk

**РОЛЬ КОРРЕКЦИИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ
В ЖЕНСКОМ КИКБОКСИНГЕ**

**THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL
CONDITIONS CORRECTION
IN WOMAN'S KICKBOXING**

Аннотация

В статье представлен анализ специальной литературы и результаты проведенных автором исследований, которые касаются взаимосвязи между выявленными психологическими показателями состояния и менструальным напряжением у спортсменок. Предложена модель гипотетических связей между этими факторами и результативностью спортивной деятельности.

Ключевые слова: методики, исследование, психологические состояния, менструальные напряжения, спортсменки.

Abstract

The analysis of special literature and researches carried out by the author concerns interrelations between the revealed psychological parameters of a condition and sportswomen' physiological voltage. The model of hypothetical connections between these factors and productivity of sports activity is offered.

Keywords: techniques, researches, psychological condition, physiological voltage, sportswomen.

Введение

Постановка проблемы. С целью повышения результативности деятельности в женском кикбоксинге необходимо изучать психологические процессы, которые обуславливают поведение спортсменки во время соревнований и тренировочного процесса. Понимание психологических изменений, которые происходят под влиянием дисменореи у спортсменок позволит тренерам дифференцированно корректировать психологические состояния, которые значительно влияют на спортивный результат. Девушки-спортсменки в силу разных обстоятельств сталкиваются с бóльшим количеством препятствий, при достижении высоких спортивных результатов, чем юноши-спортсмены. Причина данных препятствий может заключаться в социологической динамике, психологических факторах или физиологических особенностях. Последнее характерно только для девушек и женщин. Биологическая ЦИКличность женского организма обуславливает физический и эмоциональный диморфизм.

Анализ специальной литературы. Спортсменки, которые специализируются в кикбоксинге, часто жалуются на болевые симптомы нарушения МЦ – дисменорхею (дисменорею). К общим симптомам, которые идентифицируют данное нарушение, относят мышечную ригидность, повышение массы тела, болевые ощущения в спине и молочных железах, резкое изменение расположения духа, раздражительность, невнимательность, усталость, судороги [1–10]. Дисменорхея является довольно распространенным явлением среди девушек и женщин-спортсменок. Исследователи Cockerill, I. M., Wormington, J. A. & Nevill, A. M. (1994) [5] определили, что в 52 % женщин в постпубертатном периоде наблюдалась дисменорхея; в

50 % боли в области низа живота сопровождалась и другими симптомами. Из 5322 обследованных женщин-спортсменок 60 % страдали дисменорхеей [9; 10]. Частые случаи дисменорхеи у женщин, которые специализируются в женском кикбоксинге, могут свидетельствовать о том, что это явление наблюдается у большого количества спортсменок [4; 5]. Результаты исследования дисменорхеи у спортсменок довольно противоречивы. В некоторых источниках описаны результаты исследований, которые подтверждают, что процент женщин, страдающих от дисменорхеи, выше в спортивной среде. Другие авторы, напротив, считают, что женщины, которые ведут малоподвижный образ жизни, больше подвержены развитию дисменорхеи: Andersen, M. B. & Williams, J. M (1988), Cockerill, I, M., Wormington, J. A. & Nevill, A. M. (1994), Choi, (1995) [3; 5; 7]. Несмотря на эти расхождения, вероятность того, что женщины-спортсменки подвержены дисменорхее, высока. В данной работе мы хотим показать, что помимо изучения физиологических изменений при МЦ, большое внимание необходимо уделять изучению психологических показателей и их влиянию на спортивную деятельность в разные фазы МЦ у женщин. Итак, предложенная модель разрешает описать внутренние взаимосвязи рассмотренной проблемы, решение которой позволит значительно повысить спортивные результаты девушек и женщин, занимающихся кикбоксингом.

Формулирование целей работы. Изучить психологические показатели и их влияние на спортивную деятельность в разные фазы МЦ у девушек и женщин и разработать методы коррекции их психологических состояний.

Методы и организация исследования. Исследования, которые касаются влияния МЦ на уровень эффективности спортивных тренировок, проводили с позиций физиологического анализа. Мы наблюдали более низкий уровень абсолютного и относительного показателей МПК у 16 спортсменок на протяжении постовульционной фазы в сравнении с предовульционной, однако никаких других важных расхождений (например, в анаэробной PWC, в показателе специальной выносливости и др.) в этих фазах выявлено не было.

Хотя аэробные возможности не являются единой детерминантой успешности спортивной деятельности [4], они играют важную роль в повышении спортивного мастерства. Следующие физиологические изменения, которые влияют на результативность деятельности, представлены тканевым дыханием [10], вентиляцией легких [8], экономичностью [5–7] и содержанием гликогена в мышцах [4; 9].

Вызывает интерес исследования МЦ с позиции психологических знаний. Возникает вопрос: какие психологические изменения происходят на протяжении МЦ? Эта проблема рассматривалась нами с учетом составляющих психологического феномена, таких как восприятие, когнитивные процессы, сенсомоторика, расположение духа и эмоции. К сожалению, еще недостаточно знаний о влиянии МЦ на психологические характеристики. В большинстве исследований мы особое внимание уделяли изменению расположения духа и превалированию астенических эмоций во время предменструальной фазы МЦ; хотя часть работ, напротив, подтверждают незначительность или отсутствие влияния фаз МЦ на когнитивные процессы [4; 9; 10]. Некоторые авторы задаются вопросом о реальности существования предменструального синдрома. Согласно мысли Andersen, M. B. & Williams, J. M (1988), Asso [3], «много специалистов убеждены в нереальности предменструального синдрома, они думают, что если женщины ощущают психологическое напряжение за несколько дней до начала менструации, то это только потому, что оно навязано извне, обществом».

Результаты исследований и их обсуждение. Несмотря на все многообразие результатов исследований по этому вопросу, существуют данные, экспериментально подтверждающие влияние фаз МЦ на эффективность деятельности спортсменок. Например, Cockerill, I, M., Wormington, J. A. & Nevill, A. M. (1994) научно аргументировали влияние МЦ на расположение духа и эффективность решения перцептивно-двигательной задачи. Результаты работы свидетельствуют о том, что в предменструальной и менструальной фазах наблюдается сниженный уровень энергии и функционирования когнитивных процессов.

Нами, благодаря проведению анкетирования (опроснику менструального напряжения), были выявлены психологические изменения на протяжении всех фаз МЦ.

Подтверждение влияния МЦ на результативность деятельности спортсменок разрешает интерпретировать результаты, по крайней мере, исходя из двух позиций. Первая – фазы МЦ влияют на трудоспособность, поэтому нужно учитывать особенности каждой из

них: изменение концентрации половых гормонов, изменение определенных физиологических и психологических характеристик [1–2; 6].

Вторая позиция исследований сводится к тому, что фазы МЦ влияют на результативность спортивной деятельности, которая объясняется изменениями расположения духа и мотивацию в разные фазы [5–9].

Общеизвестен факт, что расположение духа, эмоции представляют собой внешнее отображение физического состояния. Наиболее часто женщины упоминали такие симптомы, как раздражительность, гнев, резкое изменение расположения духа, головные боли, депрессия, невнимательность, беспокойство, волнение [1–10].

Проведенные нами исследования подтверждают, что резкие изменения расположения духа наблюдаются у большинства женщин и что отрицательное влияние изменений МЦ достигает своего пика в предменструальной и в начале менструальной фазы [1–2; 9].

Плохое расположение духа наблюдается в основном в предменструальную фазу. Женщины, принявшие участие в исследовании, называли показателями плохого расположения духа в этот период факторы здоровья, в то время как хорошее расположение духа объясняли условиями окружающей среды и образом жизни. Итак, наблюдается связь между особенностями МЦ и выбором атрибутов [1–3]. Мы изучали личностную локализацию контроля у 30 спортсменок в предовуляционной и предменструальной фазах. Индивид с высоким уровнем интернальности несет ответственность за свои действия, поэтому уверен, что может влиять на результат; люди с преимущественно экстернальной направленностью склонны приписывать свои неудачи внешним факторам [1; 2; 3; 4; 10]. Отмечено, что локализация субъективного контроля в предменструальную фазу смещается ближе к позиции экстернальности, следовательно, можно предположить, что цикл влияет на самовосприятие женщин-спортсменок. Атрибуция успехов и неудач тесно связана с эмоциями спортсменок, самоэффективностью [4].

Обсуждая связь между МЦ и расположением духа, важно отметить влияние расположения духа на результативность действий в спортивной деятельности. Эффективное влияние расположения духа и эмоций в спортивной психологии принято рассматривать как интегральную силу. В работах Dan, A. J. (1979), Моргана, основанных на использовании опросника «профиль расположения духа» [7], описанные результаты многочисленных исследований, на основании интерпретации которых был составлен профиль «айсберга» спортсменок высокого класса, представленный высоким уровнем энергии, силы, низкими показателями напряжения, депрессии, гнева, утомления и смущения. Много других исследований Graham, E. A. (1980), поддержали реальность, валидность методики «профиль расположения духа» в разных ситуациях спортивной деятельности [4; 8].

Мы определили три аспекта расположения духа, которые влияют на спортивную деятельность. «Напряжение, беспокойство влияют на результативность деятельности, депрессивные состояния затрудняют процесс запоминания». Другие исследования, которые отображают эффективность деятельности под влиянием расположения духа, демонстрируют, что изменения расположения духа могут существенным образом изменять результативность деятельности, самоэффективность при выполнении тестовых задач на силовые способности. Нами замечено, что расположение духа влияет на атрибуцию достижения, делая ее более интернальной и стабильной. Результаты исследований Cox R. H. (1994), Servone и его коллег [6] указывают на то, что плохое расположение духа приводит к неадекватному восприятию спортсменами своих возможностей, своего участия в решении сложных задач.

Таким образом, мы проследили реальность связи между МЦ и расположением духа женщины, а также между последним и результативностью спортивной деятельности, однако для подтверждения этих предположений необходимо привести аргументированные эмпирические факты.

Следует учесть, что часть спортсменок сообщают о наличии отрицательных предменструальных симптомов, другие же отмечают повышение расположения духа и улучшение спортивных результатов на протяжении предменструальной фазы цикла, поэтому исследователи не должны игнорировать возможность влияния других факторов, кроме МЦ, на ухудшение расположения духа спортсменок.

Стрессовые события в жизни индивидуума могут также вызывать плохое расположение духа. Источниками стрессов в жизни могут быть разные события, ежедневные дела и менструальное напряжение. Hampson, E. (1990), Woods и его коллеги [9] описывают содержание

стрессовой жизни как важного фактора, который отличает женщин с низким уровнем болезненности предменструальных симптомов от тех, у которых он высокий. Bandura, A., Van Goozen и др. [4] утверждают, что жизнь, наполненная стрессовыми событиями, может быть оценена более отрицательно в предменструальную фазу. И наоборот, под влиянием стрессовых факторов может происходить элиминация менструального напряжения.

Менструальное напряжение может косвенно влиять на результативность действий спортсменок, самооффективность, самооценку [10]. Самооффективность заключается в способности успешно выполнять задание – это обусловленная ситуацией форма уверенности в себе. Процесс формирования уверенности в себе при выполнении двигательного действия может быть изменен под влиянием субъективного физического дискомфорта, связанного с дисменореей. Отношения между самооффективностью и результативностью деятельности спортсменок довольно хорошо изучены [3–10]. Однако отсутствие исследований влияния менструального напряжения на самооффективность деятельности позволяет нам только приблизительно говорить об этом явлении и его месте в процессе спортивной деятельности кикбоксерок.

Скрытые резервы – возможности, присущие индивидууму и благоприятствующие проведению более эффективной борьбы с отрицательным влиянием стрессовых факторов. Спортсменки с более низким уровнем скрытых резервов были предрасположены интерпретировать субъективные ощущения менструального напряжения, которые ослабляют, в отличие от тех, которые владеют адекватным скрытым потенциалом. Скрытые резервы – это социальная поддержка, умение руководить стрессом и владение методами лечения. Психологическое вмешательство, направленное на уменьшение менструального напряжения, может обеспечить возможность повышения скрытых резервов. В свою очередь, это приведет к уменьшению болевых ощущений и других отрицательных влияний при предменструальном синдроме, с помощью повышения когнитивного оценивания ситуации и контроля физиологических характеристик, связанных с состоянием беспокойства при менструальном напряжении.

Владение техникой психологического тренинга, такой, как когнитивная реконструкция, сознательный контроль и тренинг уверенности могут оказывать содействие снижению спортсменками оценки опасности ситуаций, в которых они находятся [6; 8]. Эти когнитивные стратегии включают ментальные процессы, которые изменяют отрицательные мысли [10].

Реалистичность, которая воспитывается командой, экспектации могут влиять на ослабление отрицательных когнитивных аспектов стрессовых ситуаций. Контроль над уменьшением психологического напряжения включает формирование привычек релаксации, которая оказывает содействие эффективному снижению уровня напряжения и беспокойства. Релаксационные мероприятия включают прогрессивные аутогенные тренировки, упражнения на дыхание. Усиление способности к концентрации внимания позволяет сконцентрировать внимание спортсменки на поставленной задаче.

Модификации состояний базируются на взаимосвязи психологического статуса с гормональными изменениями на протяжении МЦ.

Мы предлагаем аппроксимационную модель (см. схему 1), содержащую в себе психологические факторы, которые сказываются во время МЦ и, безусловно, оказывают влияние на результативность спортивной деятельности. Ключевые компоненты модели были выявлены на основании обзора данных специальной литературы и наших исследований. Однако следующее исследование должно определить адекватность этих связей.

Женщины-спортсменки, которые владеют опытом управления своим поведением во время влияния стрессовых факторов, а также эффективным использованием скрытых потенциалов, могут уменьшить ментальный стресс значительно, чем спортсменки с более низким уровнем самооффективности, и это приводит к резкому снижению результативности выступлений.

Схема. Модель менструального напряжения и эспектации спортсменок

Выводы. Таким образом, очевидно, что проведение мониторинга МЦ среди женщин-спортсменок даст возможность руководить их расположением духа на протяжении фаз МЦ, которые сопровождаются психологическим напряжением. Кроме того, внедрение модифицированных стратегий и тренингов, которые корректируют предменструальное напряжение, должны стать одной из обязательных условий работы тренеров с женскими спортивными командами.

Перспективы дальнейших исследований. Исследования подтвердили целесообразность дальнейшей работы по совершенствованию методики коррекции психологических состояний у женщин-спортсменок при дисменорее.

Литература

1. Белих С. И. Дівочий бокс. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – 620 с.
2. Жданов Ю. Н. Психофизиологическая подготовка единоборцев. – Донецк : Донижт, 2003. – 605 с.
3. Andersen M. B. & Williams, J. M (1988). A model of stress and athletic injury: Prediction and prevention // *Journal of Sport and Exercise Psychology*. – 1988. – № 10. P. 294–306.
4. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavior changes // *Psychological Review*. – 1977. – № 84. – P. 191–215.
5. Cockerill I. M., Wormington J. A. & Nevill A. M. Menstrual-cycle effects on mood and perceptual-motor performance // *Journal of Psychosomatic Research*. – 1994. – № 38 (7). – P. 763–771.
6. Cox R. H. *Sport psychology: Concepts and applications*. – Dubuque, IA: Wm. C. Brown Communications Inc., – 1994.
7. Dan A. J. The menstrual cycle and sex related differences in cognitive variability. In M. A. Wittig & A. C. Peterson (Eds.), *Sex-related differences in cognitive functioning*. – N. Y : Academic Press, 1979. – P. 241–263.
8. Graham E. A. Cognition as related to menstrual cycle phase and estrogen level. In A. J. Dan, E. A. Graham & C. P. Beecher (Eds.), *The menstrual cycle: Vol. 1. A synthesis of interdisciplinary research*. – N. Y. : Springer, 1980. – P. 190–208.
9. Hampson E. Estrogen-related variations in human spatial and articulatory motor skills // *Psychoneuroendocrinology*. – 1990. – P. 97–111.
10. Harris D. V. Relaxation and energizing techniques for regulation of arousal. In J. M. Williams (Ed.), *Applied sport psychology: Personal growth to peak performance* Lansing. – N. Y : Sport Science Associates, 1986. – P. 185–207.

УДК 378

Росновская Людмила Валентиновна

канд. пед. наук, завкафедрой конструирования
и дизайна одежды Гуманитарного ун-та
(г. Екатеринбург)

Lyudmila V. Rosnovskaya

Candidate of Education, Head of Clothes Design Chair,
Fashion Design Department,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ КОНСТРУКТОРА-
ДИЗАЙНЕРА ОДЕЖДЫ**

**THEORETICAL BASIS FOR
PROFESSIONAL COMPETENCES
MODELS OF A FASHION DESIGNER**

Аннотация

В статье рассматривается проблема компетентностного подхода в дизайн-образовании, осмысляются и определяются авторские позиции в понимании его сущности. Теоретически обоснована структура профессиональной компетентности конструктора-дизайнера одежды, описаны ее основные компоненты.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, субъект деятельности, субъектность, деятельностно-компетентностные инварианты, познавательные компетенции, аксиологические компетенции, проектные компетенции, праксиологические компетенции, коммуникативные компетенции.

Abstract

The article is devoted to the problem of competence aspects in teaching fashion designers. Author's attitude and her understanding of competence is discussed here. The structure of competence oriented model of subject-designer activity gets theoretical basis. Main components of the structure are described.

Keywords: competences, competency, subject of activities, subjectivity, activity-competence invariants, cognitive competences, value competences, project competences, praxiological competences, communicative competences.

Трансформации современного дизайн-образования связаны с существенными социально-культурными изменениями, динамикой современного производства и потребления продуктов дизайна, изменениями профессиональной деятельности и актуализацией субъектных качеств выпускников – компетенций. В отечественной и зарубежной литературе представлено множество противоречивых теорий и подходов к пониманию сущности как самого понятия компетенции/компетентность, так, впрочем, и путей реализации компетентностного подхода в образовании. Все это, с одной стороны, сеет замешательство в среде педагогов-практиков, занимающихся разработкой методов обучения и управления учебным процессом, основанных на компетентностном подходе, но с другой – дает возможность собственного поиска и интерпретации.

Анализ работ отечественных педагогов-исследователей (В. И. Байденко, В. А. Болотов, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, В. В. Сериков, А. И. Субетто, А. В. Хуторской, В. Д. Шадриков, С. Е. Шишов и др.) показал, что общее смысловое поле компетенций связано со стремлением и готовностью человека осуществлять деятельность. Это позволяет рассматривать компетенции как свойства субъекта деятельности. Отсюда – строение компетенций должно, так или иначе, отражать структуру деятельности. Мысль эта не нова, категорию «деятельность», как исходную (базовую), используют многие теоретики компетентностного подхода в образовании, опираясь в основном к разным аспектам психологического среза деятельности. Мы же фокусируем свое внимание на философском подходе.

В философском смысле субъект – это носитель осознанной активности, познающий и преобразующий внешний и внутренний мир в идеальной и предметно-практической деятельности (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев). Являясь «активным делателем», субъект самостоятелен в выборе оснований своей деятельности. Эти основания содержатся в его смыслах, ценностях, потребностях. Кроме того, подлинный субъект полностью владеет

структурой деятельности, которую осуществляет с момента осознания мотивов и цели до получения результата и способности откорректировать весь ход своих действий на основе оценки результата. Поэтому мы вправе считать категорию «субъект» качественной характеристикой проявления человеческой сущности, а такое свойство, как «субъектность» (способность владеть деятельностью), – качественной характеристикой проявления компетенций. Поскольку деятельности человека присуща целостность и одновременно внутренняя организация (структура), постольку и природа компетенций должна отражать эту организацию.

Отметим, что во второй половине 60-х годов М. С. Каган одним из первых из отечественных философов поставил вопрос о структурной расчлененности человеческой деятельности. «Для того чтобы подняться на уровень более конкретного описания данной системы, мы должны учесть, что все три ее подсистемы – субъект, объект и активность последнего выступают реально во множестве различных форм» [3. С. 46]. Используя методологию системного подхода, ученый доказал, что деятельность проявляется в таких формах, как познание, ценностная ориентация, преобразование и коммуникация. Именно в этих четырех видах деятельности реализуются все возможные типы связей субъекта и объекта, а потому они являются необходимыми и достаточными для осуществления любой деятельности. Автор называет их абстрактными «единицами», «первоэлементами», которые присутствуют в любой деятельности в самых разнообразных формах взаимодействия.

Мы соотнесли видовую структуру деятельности со структурой компетенций. Тогда в составе любой деятельности можно выделить ее первоэлементы и соответствующие им следующие *компетенции*:

1. Познавательные – способность и готовность к познанию, созданию запаса познавательной информации, необходимой для ориентации в многообразии форм профессиональной деятельности.

2. Аксиологические – способность и готовность к осуществлению спектра ценностных ориентаций, осмыслению мотивов деятельности и ее регуляции.

3. Проектные – способность и готовность к идеально-преобразовательной деятельности.

4. Практиологические – способность и готовность к эффективной материально-преобразовательной деятельности.

5. Коммуникативные – способность и готовность к общению, обмену информацией, согласованию своего поведения с поведением партнеров.

Итак, сущностными характеристиками субъекта деятельности с позиций компетентностного подхода можно считать познавательные, аксиологические (ценностно-ориентационные), проектные, практиологические и коммуникативные компетенции. Их можно назвать деятельностно-компетентностными инвариантами. Они относительно самостоятельны и одновременно взаимосвязаны и «взаимотекучи», т. е. соединяемы в то своеобразное качественное целое, которое присуще той или иной деятельности. Иными словами, это сложно-динамическая система, образованная органической связью познавательного, ценностно-ориентационного, преобразовательного и коммуникативного начал, способная менять свои состояния за счет соотношения этих ее граней.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение: *компетенции* – это сущностные характеристики (свойства) субъекта деятельности, представляющие единство его познавательной, аксиологической, проектной, практиологической и коммуникативной способности и готовности к осуществлению видов деятельности, присущих той или иной профессии.

Придерживаясь уже достаточно устоявшейся общей классификации компетенций, принятой в федеральных государственных образовательных стандартах третьего поколения, мы ориентируемся на две основные группы компетенций. Это – общекультурные и профессиональные компетенции.

Общекультурные компетенции имеют надпрофессиональный характер и проявляются в любой деятельности, но применительно к профессиональной подготовке обладают спецификой, обусловленной содержанием изучаемого материала.

Состав профессиональных компетенций задается содержанием основных функций (видов) профессиональной деятельности (например, организационно-управленческая, производственная, дизайнерская, научно-исследовательская и др.). В каждой конкретной

профессиональной деятельности деятельностно-компетентностные инварианты будут выражены в разной степени. Ведущими в научно-исследовательской деятельности, направленной на получение научного знания, будут познавательные компетенции. В производственной, где в качестве предметов деятельности выступают реальные изделия, опытные образцы и др. – праксиологические компетенции (материально-преобразовательная деятельность). В организационно-управленческой деятельности, направленной на других людей и отношения между ними – праксиологические и коммуникативные компетенции. А в дизайнерской (проектной) деятельности все деятельностно-компетентностные инварианты – познавательный, аксиологический, проектный, праксиологический и коммуникативный выступают в нерасчленимо слитном, синкретическом виде.

Важным для нас будет вопрос и о соотношении понятий «компетенции» и «компетентность». В научной литературе представлено много интерпретаций по этому поводу. Одни авторы употребляют понятия компетенции/компетентность как слова синонимы. Другие рассматривают компетентность как совокупность компетенций (Л. П. Мильруд, Е. Н. Соловова). Многие разводят эти понятия по разным основаниям. Так, И. А. Зимняя разграничивает их по основанию: потенциальное (компетенции) – актуальное (компетентность), когнитивное – личностное [1]. А. В. Хуторской [6] по основанию: нормативное (компетенции) – личностное (компетентность) и т. п. Так же как и при анализе трактовок понятия «компетенции», мы сталкиваемся с множеством частнонаучных по своей сути подходов. Мы в своем исследовании, придерживаясь методологии философского подхода, снова обратимся к системной характеристике деятельности.

Соотнося категории «компетенция» и «компетентность», мы исходим из того, что всякая деятельность – это сложная целостная система, включающая ряд специфических и самостоятельно значимых составляющих. Система как особое целое не существует без данного набора компонентов, но в то же время она несводима к каждому из них или их суммарному набору. Поэтому в практике и теории профессиональной подготовки должны быть отражены требования и отдельных компонентов (их логика, специфика), и в то же время их особое (системное) единство и системное качество. Понятие «компетенция» и отражает свойства субъекта деятельности, соизмеримые с конкретными компонентами деятельности. Но, чтобы полноценно осуществлять эту деятельность в ее качественно-специфической целостности, ее субъект должен воспроизводить в своих способностях систему этих компетенций в их изоморфной деятельности-системе, особом единстве и интегральном качестве. Категория, которая призвана отражать эту интегральную способность субъекта, соизмеримую с конкретной системой специфической деятельности, и есть категория «компетентность».

Таким образом, соотношение понятий «компетентность» и «компетенции» отражает соотношение системы и компонентов деятельности субъекта.

Как мы определили ранее, компетенции – это свойства субъекта деятельности, соотношенные с ее познавательным, аксиологическим, проектным, праксиологическим, коммуникативным компонентом, благодаря которым в практике будут эффективно реализованы профессиональные функции деятельности. Во-первых, это запас эмпирического опыта, необходимый для ориентации в многообразии конкретных форм профессиональной действительности, а во-вторых – готовность к собственным действиям и управлению собственным поведением.

М. С. Каган соотносит эти качества с «сущностными силами» человека, «пучком» мотиваторов и реализаторов поведения, «которые располагаются иерархически на трех уровнях...» и представляют последовательную цепочку «потребности – способности – умения», которая «фиксирует механизмы, необходимые и достаточные для порождения деятельности» [2. С. 149].

Вслед за ученым в качестве характеристик, обеспечивающих деятельностное (компетентностное) состояние субъекта, мы примем блоки потребностей, способностей, умений и владений. Они изоморфны структуре деятельности конструктора-дизайнера одежды и свободно актуализируются в его профессиональных функциях: аналитико-оценочной, проектной, производственно-конструкторской, управленческой.

Потребности выступают источником активности человека. Потребность в саморазвитии, самоактуализации – основополагающая составляющая личности. Идея саморазвития и самореализации является основной или, по крайней мере, чрезвычайно значимой для

многих современных концепций человека (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм). Реализация заложенных в человеке возможностей, завершения природы человека путем обучения и развития трактуется как конечная цель его жизни.

В контексте данной гуманистической идеи активность конструктора-субъекта как целостного феномена будет определяться, прежде всего, потребностью в профессиональной самореализации и осуществляться благодаря ориентации на собственные способности, умения, навыки, мотивы и, с другой стороны, на специфику (возможности) самой профессиональной деятельности.

Направленность на профессиональную самореализацию можно рассматривать как психическое свойство, объединяющее систему потребностей-доминант, актуализирующих познавательную, ценностную, преобразовательную, коммуникативную сферы конструктора-дизайнера. К этой сфере мы относим *потребности*:

- в знаниях, опосредующих профессиональную деятельность;
- в ценностях и ценностных ориентациях, направляющих, стимулирующих и избирательно регулирующих профессиональную деятельность и общение;
- в художественном опыте, необходимом для восприятия, понимания и воплощения художественной образности в моделях одежды;
- в процессе и результатах творческой продуктивной деятельности: проектах будущей одежды и их материальном воплощении в реальных образцах;
- в сотворчестве и общении с коллегами в процессе создания конечного продукта деятельности.

Для реализации потребностей необходимы соответствующие способности. Рассматривая последние как «совокупность (врожденных и приобретенных) индивидуально-психологических функциональных свойств, которые позволяют при прочих равных условиях успешно овладеть знаниями, умениями и навыками, важными для данной продуктивной деятельности, и являются внутренним условием ее успешного выполнения» [5. С. 124], мы можем выделить профессиональные способности конструктора, ориентируясь на профессиональные функции его деятельности. Такими способностями выступают: познавательные, ценностно-оценочные, художественно-проектировочные, прагматические, коммуникативные.

В этом случае исследовательская функция деятельности будет обуславливаться познавательными способностями; проектная (дизайнерская) – способностями художественно-эстетического и функционально-целесообразного (утилитарно-технического) восприятия, идеального преобразования и практического созидания; управляющая – способностями общения и организующе-регулятивного взаимодействия. А характер этой деятельности, ее направленность, мотивы, цели будут определяться способностями ценностно-оценочного освоения и прогнозирования соответствия результата ценностным эталонам. Качество выполнения той или иной профессиональной функции будет определяться тем, насколько эффективно выражена та или иная способность, опирающаяся на определенные задатки, талант, опыт, и насколько усвоены умения, реализовывать ту или иную способность.

В конкретных видах деятельности, осуществляемой конструктором-дизайнером, его умения вступают в сложное взаимодействие с потребностями и способностями. Для развития умений требуется определенный уровень развития потребностей и способностей. В свою очередь, развитие умений переводит в новую фазу развития потребности и способности, их совместные возможности возрастают. В отдельные периоды, к которым относится период овладения профессией и период профессионализации, между потребностями, способностями и умениями устанавливается соразмерность, относительное взаимодействие. Однако соотношение способностей и умений, способностей и потребностей у каждого человека различно, оно меняется в ходе развития и проявляется в индивидуальном стиле профессиональной деятельности, неповторимом, самобытном способе реализации компетенций, который определяется особыми характеристиками конкретного человека.

Эти качественные параметры обусловлены определенным блоком в структуре психики человека, осуществляющим управленческую регулятивную функцию, благодаря которой происходит сознательное волевое преднамеренное действие в той или иной конкретной ситуации, т. е. реальное проявление компетенции. В общем виде эта схема показана на рис. 1.

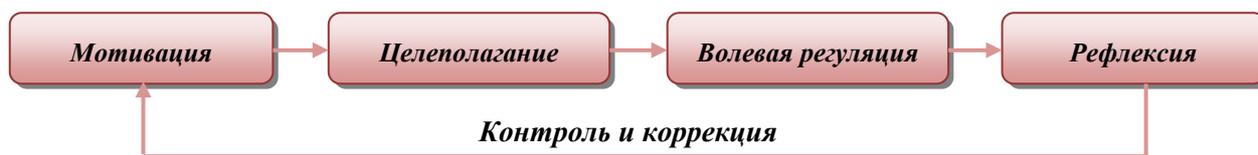

Рис. 1. Схема процесса управления профессиональным поведением (реализация компетенции)

Мотивация – это совокупность побуждающих факторов, определяющих активность субъекта. К ним относятся мотивы, потребности, стимулы, ситуативные факторы. Понятие «мотив» (от латинского *movere* – двигать, толкать) означает побуждение к деятельности, побудительная причина действий и поступков. Если при анализе потребности выясняется, почему человек действует или не действует определенным образом, то при анализе мотива дается ответ на вопрос «зачем?». Таким образом, мотив – это довод в пользу избираемого действия, осознанное побуждение к достижению конкретной цели, необходимый элемент действия. Интенсивность актуальной (действующей «здесь и теперь») мотивации конструктора-дизайнера одежды состоит из силы внутренних мотивов (желаний) и интенсивности ситуативных детерминант мотивации (стимулов), к которым можно отнести сложность решаемых проектных и производственных задач, ожидания и установки со стороны соучастников деятельности, наличия или отсутствия командного «духа», требования и установки руководства и др.

Прогнозируемый результат действия, прежде чем стать реальностью, должен возникнуть в сознании субъекта как цель. В процессе *целеполагания* конструктор-дизайнер делает выбор стратегии и тактики решения конкретной задачи, которые опираются на достоверные знания, ценностные ориентации, умения, предыдущий опыт, художественно-образные и технические модели реального и желаемого (целеполагающий аспект интуиции). Способность строить модели «потребного будущего» в образах является определяющим свойством воображения. Именно воображение и расчет являются тем инструментарием, с помощью которого конструктор-дизайнер строит прогностическую функцию ситуации, анализ последней позволяет сделать выбор средств достижения цели. При этом чувственная и интеллектуальная сферы выступают как взаимодополняющие инструменты механизма целеполагания. Это позволяет конструктору-субъекту ориентироваться в решении профессиональных задач с частично заданными условиями. Причем чем выше степень неопределенности (а это типичная ситуация практически во всех видах деятельности конструктора-дизайнера одежды), тем большее значение имеет сфера чувственного. Если при решении задач математического расчета конструкции одежды роль рационального начала абсолютна, то при поиске художественно-образного и стилистического решения одежды рациональность сводится к минимуму, уступая ведущую роль эмоциональной сфере.

Возможные пути и средства достижения цели, как было сказано выше, соотносятся с системой ценностей субъекта, включающей убеждения, чувства, нормы профессионального поведения, потребности-доминанты. Этап борьбы мотивов и выбора путей достижения цели является центральным в сложных *волевых* действиях. В самом общем виде понятие воли может быть определено как созидательное регулирование субъектом своего поведения и деятельности, связанное с преодолением внутренних и внешних препятствий. Оценив ситуацию, взвесив различные мотивы и возможные последствия своих действий, конструктор-дизайнер принимает решение, инициируя нужные действия. Принятие решения и волевое поведение в большинстве случаев связаны с внутренним напряжением, волевым усилием, поскольку приходится сдерживать мотивы и желания, не согласующиеся с главными целями деятельности, идеалами, ценностями, взглядами. Воля обеспечивает преодоление таких трудностей на пути к достижению цели, т. е. обеспечивает волевую регуляцию появления той или иной компетенции субъекта деятельности. В волевых действиях проявляются, формируются и развиваются волевые качества конструктора одежды, такие как самостоятельность, решительность, настойчивость, самообладание, целеустремленность и др.

Деятельностное проявление компетенции не может считаться успешно завершенным, если не осмыслен и не проанализирован результат ее проявления, мера успеха или

неудачи. Деятельность конструктора-дизайнера относится к сложным, синтетическим видам деятельности, поэтому *рефлексия* является обязательным ее компонентом. Обоснованно апеллировать к этому компоненту нам позволяют исследования В. В. Горшковой, Г. Н. Ильиной, В. П. Зинченко, в которых рефлексивность рассматривается как один из основных обязательных компонентов успешной профессиональной деятельности. «Рефлексия (от позднелат. reflexio – обращение назад, отражение) – внутренняя психическая деятельность человека, направленная на осмысление своих собственных действий...» [6. С. 560]. Если результат деятельности оказывается не таким, каким он должен быть, конструктор начинает анализировать совершенные действия и операции, пытается понять, в каком звене была допущена ошибка. На основе такого анализа осуществляется контроль и коррекция деятельности, вносятся необходимые изменения исходя из условий, в которых она осуществлялась. Иначе говоря, рефлексия включает самоанализ и самооценку результатов проявления компетенции, позволяет осмыслить и оценить степень реализации желаемых целей.

Таков механизм превращения сложного внутреннего процесса во внешнее практическое действие, реальный акт проявления компетенции.

Резюмируя вышеизложенные позиции, представим профессиональную компетентность конструктора-дизайнера одежды в виде структурной модели (рис. 2).

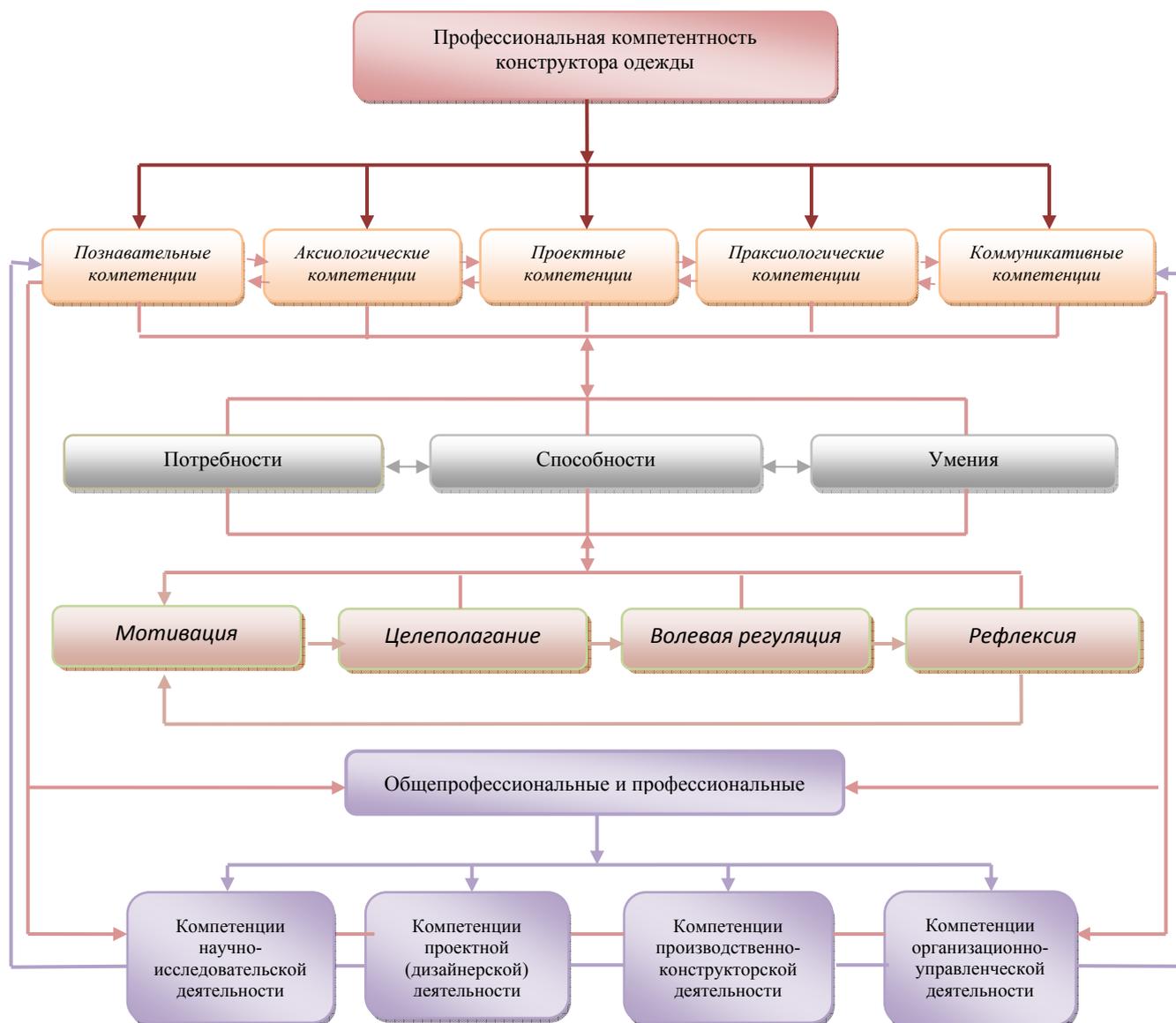

Рис. 2. Структурна модель професійної компетентності конструктора-дизайнера одягу

Модель представляет абстрактную структуру, все компоненты которой взаимосвязаны и динамичны. Динамичны внешние структуры как за счет сменяемости компетенций в разных видах деятельности, так и за счет «внутренних» взаимосвязей (динамика потребностей, мотивов, целей, способов и средств их достижения и др.), а также обмена связями, отношениями, переживаниями со всей окружающей средой. «Участниками» такой системы являются многие черты характера, способности. Поэтому при реализации той или иной компетенции что-то является главным, ведущим, а что-то ведомым. В одной ситуации нужны, прежде всего, волевые качества, в другой – трудолюбие. Но все компоненты компетентного потенциала конструктора-дизайнера в зависимости от их иерархии, соподчинения в разной степени присутствуют в компетенциях того или иного вида деятельности.

Литература

1. Зимняя И. А. Компетентный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический подход) // Высшее образование сегодня. – 2006. – № 8. – С. 21–26.
2. Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996.
3. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). – М. : Политиздат, 1974.
4. Психология и педагогика : учеб. пособие / под ред. А. А. Бодалева, В. И. Жукова, Л. Г. Лаптева, В. А. Слостенина. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2002.
5. Психология развития личности / под ред. А. А. Реана. – М. : АСТ, 2007.
6. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

Раздел 5

Образование как социальный институт

Образование как социальный институт

Образование как социальный институт

Образование как социальный институт – основное направление научно-исследовательской работы кафедры социологии Гуманитарного университета. Исследовательские интересы ее сотрудников находятся в сфере истории социологии и теоретической социологии, социологии образования, управления, культуры и досуга, политической социологии. На кафедре разрабатываются проблемы взаимосвязи отраслевых социологий образования и знания, конституируется и развивается социология педагогического образования и самообразования. Самостоятельным направлением работы выступают конкретно-социологические исследования проблем государственного и негосударственного профессионального и допрофессионального образования, медиаобразования, телевизионного образования, культурной деятельности, потребительского поведения, ведутся исследования общероссийского, регионального и местного масштабов.

Ведущие ученые:

д-р, профессор Г. Е. Зборовский;
д-р социол. наук, профессор Е. Н. Шуклина;
д-р социол. наук, доцент А. С. Ваторопин;
канд. социол. наук, доцент Т. Д. Агеносова.

УДК 37.6

Засыпкин Владислав Павлович

первый проректор Сургутского государственного педагогического ун-та, д-р социол. наук (г. Сургут)

Vladislav P. Zasyppkin

Doctor of Sociology, Associate Professor,
First Vice-Rector, Surgut State Teacher Training
University, Surgut

Зборовский Гарольд Ефимович

профессор Уральского федерального университета и Сургутского государственного педагогического университета, д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (г. Екатеринбург)

Garold Y. Zborovskiy

Doctor of Philosophy, Professor,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Шуклина Елена Анатольевна

директор Центра социологических и маркетинговых исследований, профессор кафедры социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург), д-р социол. наук, профессор Сургутского государственного педагогического ун-та

Yelena A. Shuklina

Doctor of Sociology, Professor, Head of Center
of Sociological and Marketing Research,
Department of Sociology,
Liberal Arts University/University for Humanities,
Ekaterinburg

**ДЕТИ МИГРАНТОВ КАК ОБЪЕКТ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ХМАО–ЮГРЕ)**

**MIGRANT CHILDREN AS OBJECT
OF REGIONAL EDUCATIONAL
POLICY (BASED ON RESEARCH IN
HMAO–UGRA AUTONOMOUS
REGION)**

Аннотация

На материалах эмпирического исследования в одном из мигрантоемких регионов страны – автономном округе ХМАО–Югра – анализируются основные проблемы обучения детей мигрантов. Дается характеристика особенностей региональной образовательной политики, выявляются сложные проблемы языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов. Обращается внимание на наличие конфликтов в процессе их обучения и воспитания, показываются реальные и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: дети мигрантов – обучение – языковая адаптация – социокультурная адаптация – социальная адаптация – региональная образовательная политика

Abstract

The article touches upon the common educational problems of migrant children in HMAO–Ugra Autonomous Region – the territory that accepts a lot of the labor migrants every year. Authors describe the educational policy key points of HMAO–Ugra, and show up the complex language and sociocultural adaptation problems, that migrant children usually come across. Authors summarize most of the educational conflicts and training difficulties that children encounter, as well as the ways of overcoming them.

Keywords: migrant children, education, language adaptation, sociocultural adaptation, social adaptation, regional educational policy.

Исследование проблем обучения и социальной адаптации детей мигрантов в России как принимающей стране – вление времени, того самого времени, в которое миграция не только становится, но уже стала неотъемлемым феноменом жизни нашего общества. Миграция представляется сложной, а порой тяжелой и драматичной не только для самих мигрантов, но и для их детей. Разумеется, нелегкой эта проблема оказывается и для страны приема (страны-реципиента). Речь идет о тех социальных институтах и организациях, социальных группах и слоях, которые, так или иначе, оказываются связанными с переехавшими в нее на постоянное или временное место жительства людьми. Одной из ключевых проблем, решение которой гарантирует эффективность образовательных и адаптационных процессов детей-мигрантов, является управленчески грамотное выстраивание региональной образовательной политики, ориентированной на их обучение и социокультурную адаптацию в стране (регионе) приема.

В основу статьи положены материалы эмпирического исследования этого феномена в рамках одного из наиболее привлекательных мигрантоемких регионов – Ханты-Мансийского автономного округа – Югра (ХМАО–Югра), проведенного по заказу окружной Думы.

Исследование проблем обучения детей мигрантов проводилось в сентябре 2011 – мае 2012 г. лабораторией региональных исследований Сургутского педуниверситета. Первые его итоги нашли отражение в ряде публикаций авторов данной статьи [см., например: 2; 3; 4]. В ходе исследования была применена методическая стратегия множественного кейс-стади, предполагающая использование комплекса различных методов сбора социологической информации, как количественных, так и качественных. В качестве кейсов выступали школы разных типов, дифференцированные по критериям: статуса (гимназии, лицеи, школы с углубленным изучением отдельных предметов и «обычные» общеобразовательные школы); количества обучающихся в школах детей мигрантов.

Для школ-кейсов применялись такие методы сбора информации, как глубинные интервью с ключевыми информантами – представителями администрации (директорами, завучами по учебной и воспитательной работе), учителями (44 чел.); анкетный опрос учащихся 8–11 классов (n = 1631 чел.); анкетный опрос учителей (n = 1100 чел.); фокус-группы с учащимися среднего и старшего звена, представляющими коренное население округа (9 фокус-групп); полуформализованные интервью с детьми мигрантов (25 чел.) и их родителями (150 чел.); социометрический опрос в классах с различным процентным соотношением детей мигрантов и не мигрантов (9 опросов). Проводился также экспертный опрос представителей Департамента образования и науки ХМАО–Югры (5 чел.).

В ходе обобщения полученных данных был осуществлен их сравнительный анализ с материалами аналогичных исследований, проведенных в ряде регионов страны в самое последнее время. Среди новых исследований следует назвать, в первую очередь, те, что были проведены в Санкт-Петербурге (руководитель Д. Александров) и в Ульяновске (руководитель Е. Омельченко) [1; 2; 6].

Далее рассмотрим три основные, с нашей точки зрения, социальные проблемы обучения детей мигрантов, связанные с формированием региональной образовательной политики в ХМАО–Югре: языковая адаптация детей мигрантов; социокультурная адаптация детей мигрантов; работа по формированию культуры межнациональной толерантности.

Языковая адаптация детей мигрантов. Исходной посылкой и основной проблемой обучения детей мигрантов как фактора их социальной адаптации является знание ими русского языка. В этой связи нами были проанализированы оценки, идеи и предложения директоров, завучей и учителей школ, касающиеся существующей ситуации языковой адаптации детей мигрантов в школе (далее приводятся выделенные курсивом фрагменты интервью с ними).

«Прежде всего, если ребенок пришел в русскую школу, он должен, как минимум, владеть русским языком. Незнание языка является существенной преградой в получении качественного образования и проблемой для учителей. Если ребенок овладеет русским языком, языком страны пребывания своей, все остальное – научить его чисто содержательному аспекту образовательной программы, а дальше воспитательному аспекту – это уже дело школы. Самое главное, чтобы ребенок говорил на русском языке».

Вместе с тем на практике школы сталкиваются с прямо противоположной ситуацией: как правило, дети мигрантов не владеют, либо плохо владеют, русским языком. В каждом учебном заведении складывается определенная система языковой адаптации, осуществляемой, чаще всего, с помощью индивидуальных и групповых занятий. Одним из достаточно распространенных вариантов организации адаптационной деятельности в школах, специально ориентированных на работу с детьми мигрантов, является обучение по стандартной программе с использованием дополнительных часов на языковую подготовку.

В более редких случаях в школах организуются специальные (экспериментальные) классы, состоящие полностью из детей мигрантов. Отношение педагогов к экспериментальным классам неоднозначно. По их мнению, в них отсутствует единая языковая среда, нет нормативных образцов русской речи, кроме речи педагога; в классе формируется своеобразный анклав детей мигрантов, которые, с одной стороны, стигматизированы, с другой – могут вступать в антагонизм с детьми – представителями местного населения. Считается, что после обучения в таких классах дети хуже адаптируются в русскоязычную среду. Еще одним аргументом против является то, что, по мнению педагогов, такие клас-

сы нестабильны, редко сохраняют свой состав до 9-го, а, тем более, до 10–11-го классов из-за изменения места проживания мигрантских семей.

На практике же основная проблема, с которой сталкиваются экспериментальные классы, заключается в том, что учащиеся включаются в учебный процесс не с первого класса, могут появиться в середине учебного года, а также в любое время покинуть образовательное учреждение. При этом уровень их знаний, как правило, не соответствует нормативным требованиям образовательных стандартов РФ (*«знания детей мигрантов не соответствуют тем оценкам, с которыми они приходят к нам. Тот багаж или уровень знаний, который у них есть, не соответствует нашей программе»*). Этим детям, так или иначе, необходимо индивидуально обучать языку, чтобы «встроить» в учебный процесс и интегрировать в коллектив класса. Другими словами, возникает все та же проблема форсирующей адаптации ребенка мигранта, которая ставит школу, учителя и самого ученика в экстремальную ситуацию. Поскольку каждый индивидуальный случай специфичен, то нет и заранее разработанных нормативов временных и трудовых затрат учителя, необходимых для адаптации ребенка.

Для школ не экспериментальных, не работающих специально с учащимися мигрантами, единственным выходом остается пока наличие классов коррекции, которые, как мы понимаем, функционально отнюдь не ориентированы на решение данной проблемы.

Серьезной проблемой педагоги считают и условия освоения русского языка ребенком-мигрантом. Часто у него нет того ближайшего окружения, которое гарантировало бы ему быструю и успешную языковую адаптацию: эти дети, как правило, не посещают дошкольные образовательные учреждения, не занимаются в группах по подготовке к поступлению в первый класс школы, не ориентированы на различные формы дополнительного языкового образования. Все это усугубляется еще и тем, что русский язык чаще всего не является языком домашнего общения.

При опросах детей мигрантов, учащихся 8–11-х классов школ ХМАО–Югры, анализ языков их семейного общения показал, что только 10,6 % респондентов имеют возможность говорить дома на русском языке. 47,1 % детей мигрантов разговаривают на языках стран ближнего зарубежья, как правило Закавказья и Средней Азии. На украинском и белорусском общаются в семьях 3,1 % обучающихся детей. Для 41 % детей мигрантов языком семейного общения являются языки народов Северного Кавказа. 1,3 % составляет доля языков других народов, проживающих в России.

Как видно, проблема языковой адаптации является достаточно острой, поскольку ее решение перекладывается с семьи на иные социальные институты (школу, дополнительное образование, внесемейное социальное окружение). Особый комплекс адаптационных проблем – это взаимодействие педагогов с родителями. Здесь возникает все тот же языковой барьер (*«Если семья мигрантов приезжает сюда, в Россию, то русским языком владеет только отец. Редко кто из матерей владеет русским языком, а если не владеют мамы, то не владеют и дети»*).

Педагоги отчетливо понимают, что решение задач языковой и социокультурной адаптации в их взаимосвязи – это сложный процесс, который далеко не всегда под силу разрешить одной школе, особенно в условиях роста миграции. *«В школе нет возможностей ни материальных, ни технических, ни методических обучать детей сначала русскому, а потом уже начинать программу русской школы. Не говорящие на русском дети – это проблема не только школ. Здесь нужна помощь извне»*.

Поскольку языковая адаптация детей мигрантов для многих школ, особенно имеющих статус «мигрантских», перерастает в серьезное противоречие между задачами и возможностями школы, педагоги и директора весьма категоричны в оценках сложившейся ситуации. Они понимают, что дальнейший рост числа мигрантов в школе должен привести либо к системным сбоям в организации процесса обучения детей мигрантов, либо к тому, что изучение языка должно быть выведено за пределы образовательного учреждения; тогда проблему эту нужно будет решать на ином организационном уровне.

Педагоги указывают на целый спектр вопросов, связанных с языковой адаптацией детей мигрантов: отсутствие специально подготовленных кадров для осуществления языковой подготовки учащихся, потребность в организации методической помощи школам по реализации языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов, недостаточное количество часов, выделяемых на занятия по русскому языку, необходимость проводить до-

полнительные занятия с детьми внеурочно, за счет личного времени учителя, непроработанность нормативно-правовой базы для решения задач обучения мигрантов.

Социокультурная адаптация детей мигрантов в школьном коллективе и проблемы формирования культуры межнациональной толерантности. Далее мы будем рассматривать проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов сквозь призму их отношений с детьми – представителями коренного населения. Характеризуя влияние социального взаимодействия в учебном коллективе на социальную адаптацию детей мигрантов, отметим, что, по их оценкам, образовательная среда для них комфортна, неагрессивна, создает условия для интеграции в коллектив класса, школы. Учащиеся мигранты позитивно оценивают свое непосредственное окружение в образовательном учреждении (одноклассников-сверстников), избегая его негативных характеристик, демонстрируют лояльное отношение к образовательной среде и условиям коммуникации в учебном заведении.

К старшим классам у детей мигрантов, которые были объектом нашего исследования, достигнут достаточно высокий уровень интегрированности в образовательную среду. Вместе с тем, по сравнению с учащимися – представителями коренного населения, у них сложнее складываются отношения со сверстниками; ниже удовлетворенность положением в классе и характером общения с одноклассниками; среди них больше неинтегрированных, атомизированных членов учебного сообщества.

Среди мигрантов больше учащихся, проблемно взаимодействующих с педагогами. Каждый десятый учащийся мигрант ощущает недостаток общения с учителями. При усредненной схожести оценок отношений с учителем детей мигрантов и не мигрантов у первых наблюдается больший разброс между позитивными и негативными оценками отношений с педагогами. Дети мигрантов – неоднородная общность учащихся, у 70,2 % отношения выстраиваются достаточно легко, однако 14,9 % респондентов испытывают сложности во взаимодействии с учителями.

В нашем исследовании мы выясняли наличие в школьных коллективах межнациональных конфликтов между детьми мигрантов и коренных жителей. Общая оценка педагогами ситуации в школе позитивная. Практически все говорили об отсутствии конфликтов на национальной почве и о серьезной воспитательной работе педагогического сообщества, нацеленной на предотвращение, профилактику появления и обострения этой проблемы. Вместе с тем, по оценкам респондентов, уровень остроты проблем отношений между мигрантами и не мигрантами в школе, степень их сложности, многоплановости педагоги часто недооценивают и замалчивают. Они далеко не всегда склонны рефлексировать по этому поводу, выстраивая межличностные отношения с учащимися мигрантами. Сталкиваясь с ситуацией межнациональных противоречий, они не в полной мере понимают глубину и характер конфликта, ищут способы оптимизации взаимоотношений между учащимися, порой не имея для этого достаточных ресурсов (культурных, интеллектуальных, организационных, методических и др.). Часто педагоги не осознают, что проблемы взаимодействия между детьми мигрантов и не мигрантов, ушедшие «внутрь», маскируемые, становятся латентными причинами многих непрогнозируемых поступков и проявлений в отношениях между детьми в учебном коллективе, а также между учащимися и учителями.

В округе накоплен большой опыт разработки концепции и создания системы образовательной и воспитательной деятельности по формированию толерантности в рамках отдельных образовательных учреждений. Создание модели «Школа – территория толерантности» реализуется в параллель с усилиями муниципалитетов и общественных организаций, активно работающих в этом же направлении в конкретных населенных пунктах (национальные фестивали, праздники и мероприятия разного уровня, работа с диаспорами и др.). Вместе с тем анализ результатов исследования показывает ограниченность возможностей школы для решения проблем социальной адаптации детей мигрантов потому, что они транслируются той социальной средой, в которой живут учащиеся (наличие социального неравенства, правовая незащищенность, ограниченный доступ к социальным услугам и т. д.). Так, проблемы мигрантофобии привносятся в школу извне и проявляются в ней в специфических формах. Примеры проявления этих проблем видны сквозь черты социального портрета детей мигрантов, «нарисованного» учащимися – представителя

ми коренного населения на фокус-группах, проведенных в «мигрантских» (с большим числом детей мигрантов) и обычных школах (табл. 1).

Таблица 1

**Социальный портрет детей мигрантов,
«нарисованный» учащимися – представителями коренного населения**

Привлекательные черты	Раздражающие черты	Угрожающие черты
Доброжелательность, дружелюбие Доброта Общительность Чувство юмора Веселые, улыбчивые Оптимистичные Спокойные Красивые Преданность, верность Честность Харизма Сплоченность Взаимопомощь, взаимовыручка Стремление помочь Трудолюбие Целеустремленность Конкурентоспособность Занятия спортом Здоровый образ жизни Культура Религиозность Соблюдение традиций Стремление получить достойное образование Уважение к родителям, старшим Внешность Речь Всегда готовы прийти на помощь своим друзьям Внешность парней более мужественная Девушки более воспитанные и скромные Хорошая рабочая сила	Агрессивность Дерзость Навязывание другим своей точки зрения Неуважение к русским, особенно женщинам Жестокость, злость Конфликтность Частые перепады настроения, импульсивность Упрямство, гордость Чрезмерная уверенность в себе Самолюбие, обидчивость Наглость, невоспитанность Самовлюбленность Уважают только свои традиции, а с традициями других народов не считаются Демонстративное поведение Вредные привычки Символика своих стран на футболках Чужой язык, говорят при других на своем языке Считают себя выше других Хотят, чтобы все признавали их авторитет Не считаются с нашей культурой Неуважительное отношение к учителям Неграмотная речь, жаргон Угрозы Сильно уделяют внимание своей религиозности	Их слишком много Иногда одеваются как террористы – страшно Представляют угрозу населению нашей страны Склонность к преступлениям, криминалу Агрессивность Вандализм Вспыльчивость Склонность к применению силы Желание быть всегда впереди, даже если другие этого не хотят Иногда носят электрошокеры с собой Носят оружие (ножи)

В данных суждениях представлен целый спектр различных видов мигрантофобии: «их» – мигрантов – слишком много, «они» покушаются на нашу территорию, постепенно вытесняют «нас»; «они» ведут себя нагло, как хозяева, устанавливают «у нас» свои порядки; «они» чужды нам, угрожают нашей культуре; «они» претендуют на созданное нами, принадлежащее нам; «они» криминальны, угрожают нашей безопасности.

Кроме того, здесь отчетливо проявляется стремление у учащихся – коренных жителей противостоять склонности отдельных мигрантских сообществ ХМАО–Югры к этнонациональному доминированию.

Изучая влияние межнациональных отношений на процесс социальной адаптации детей мигрантов, мы выявили ряд тенденций. Измерение социальной дистанции взаимодействия детей мигрантов и не мигрантов показали, что у учащихся мигрантов наиболее

сильны внутринациональные связи, затем – межнациональные («межмигрантские») и, наконец, связи с учащимися – представителями коренного русскоязычного населения. Характеризуя особенности межнациональных отношений, проявляющихся в школе, педагоги отмечают, что дети мигрантов определенной национальности или групп национальностей более комфортно чувствуют себя объединившись.

Результаты социометрического опроса показали, что в структуре межличностных отношений в классе доминируют взаимосвязи детей мигрантов разных национальностей. Они в меньшей степени склонны контактировать с учащимися – представителями коренного населения и взаимодействуют друг с другом по принципу общности «мигрантской судьбы». Причем индексы социометрического статуса и эмоциональной экспансивности детей мигрантов растут с увеличением числа детей мигрантов в классе. С нашей точки зрения, такая структура межличностных отношений приводит к проблемам адаптации детей мигрантов в стране приема, к явным или латентным конфликтным ситуациям в школьном коллективе.

Педагоги и администрация образовательных учреждений все более осознают, что в условиях роста миграции целесообразно создание комплексной системы воспитательной и образовательной работы по социальной адаптации и формированию культуры толерантности. Речь идет не просто о проведении отдельных мероприятий, но и о переосмыслении содержания образования, методов педагогической деятельности сквозь призму проблематики отношений между детьми мигрантов и не мигрантов.

Базовой составляющей данной системы должна стать работа с учителями, имеющая социокультурную и социально-психологическую направленность. Эффективность этой деятельности будет напрямую зависеть от работы педагогов над собой, получения ими новых знаний, формирования новых профессиональных и личностных качеств, профессионального роста.

«Для нас главное было, чтобы каждый учитель осознал и понял, что «не понаехали тут». Чтобы каждый учитель нашел индивидуальный подход к ребенку. Учитель должен сначала изучить национальные особенности каждой культуры, чтобы не было такой ломки ребенка, ведь с каждой мелочи начинается конфликт». «Второе условие – это, чтобы этой программой были пронизаны сами уроки».

Учителям необходимы также знания и определенные навыки социально-психологической реабилитации детей мигрантов, прибывших из зон военных конфликтов. Понимание уровня сложности проблемы позволит педагогу вовремя организовать работу специалистов-психологов с такими детьми.

Педагоги высоко оценивают реализацию воспитательной работы через организацию внеучебных мероприятий: конкурсов, праздников, фестивалей, посвященных национальным культурам. Эти мероприятия не только знакомят учащихся с культурой других народов, но и дают возможность увидеть ее проявления в своих одноклассниках, людях, которые их окружают ежедневно. Вместе с тем эти мероприятия не затрагивают сути социальных проблем мигрантов, а поэтому и не снимают уровня социальной напряженности как в обществе, так и в школьном сообществе.

Опыт исследования показал, что практически каждая школа в округе имеет серьезные проекты по формированию культуры толерантности. Эти проекты позволяют решать проблемы в каждом отдельном образовательном учреждении и разрабатываются в зависимости от уровня потребности в них и степени остроты проблем социальной адаптации детей мигрантов. Педагоги считают, что проблема формирования культуры толерантности непреходяща. Она относится к тому типу проблем, решить которые раз и навсегда невозможно, в силу того, что меняется ситуация, увеличивается миграционный поток, в школу приходят все новые и новые дети мигрантов (*«Проблемы, конечно, все равно существуют. Школа – это живой организм, одни дети уходят – другие приходят»*).

Итак, постановка вопроса о системном подходе к социальной адаптации детей мигрантов является важным результатом нашего исследования. Причем мы не склонны считать, что на уровне управления образованием этой системы нет. Она, безусловно, есть и до определенного времени давала возможность эффективно работать, но те принципы и формы организации, на которых она была построена, уже не позволяют реагировать на новые вызовы и вновь назревшие проблемы. И прежде всего потому, что те задачи, которые были делегированы образовательным учреждениям, уже невозможно решать только

на их уровне. Школа исчерпала собственные резервы (финансовые, временные, трудовые, организационные), которые позволили бы ей комплексно решать вопросы обучения и адаптации детей мигрантов. Требуется совершенствование правовой, нормативной базы, касающейся финансирования, поиск новых путей и способов взаимодействия школы с системой дополнительного образования и культуры, семьей, органами опеки и попечительства, внутренних дел, УФМС, общественными этническими объединениями и т. д. Другими словами, необходима управленческая воля относительно выстраивания системы отношений образовательного учреждения, которое само уже не может решать комплексных проблем, выходящих за рамки его компетенции, с другими структурами.

Целесообразно начинать с создания: информационной базы (демографической статистики по мигрантам, статистики детской миграции по образовательным учреждениям, статистики по опорным школам, разработки методологической базы, понятийного аппарата, результатов репрезентативных исследований по проблемам школ и т. д.); методической базы; системы подготовки и переподготовки учителей во взаимосвязи с вузами округа; системы взаимосвязи школ и дополнительного образования для мигрантов, школ и учреждений культуры, ориентирующихся на решение проблемы социокультурной адаптации мигрантов; системы обмена информацией управления образованием и УФМС, управления образованием и органами внутренних дел.

Особая проблема – это дальнейшее развитие институциональной базы образования в области обучения и адаптации детей мигрантов. Речь идет, прежде всего, о четком определении наиболее актуальных и насущных проблем и задач системы образования в этой области и оптимизации условий их решения в рамках правового поля. Сложность этой проблематики показывает, что единого решения здесь быть не может, необходимо конструирование многообразных и гибких организационных моделей системы обучения и адаптации детей мигрантов, ориентированных на все разнообразие ситуаций и случаев их включения в систему образования, потребностей и проблем, с которыми сталкиваются как сами дети, так и образовательные учреждения. Особая значимость этой работы определяется тем, что именно система образования определяет успешность нивелирования многих негативных социальных последствий миграции в обществе в целом.

Литература

1. Адаптация детей мигрантов в школе / авт. кол.: Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л., Сабирова Г. А., Крупец Я. Н. – Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного университета, 2010.
2. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные. – СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2011.
3. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Актуальные проблемы обучения детей мигрантов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 2.
4. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей-мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социс. – 2013. – № 2. – С. 80–91.
5. Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах : монография. – Ханты-Мансийск : ИД «Новости Югры», 2012.
6. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге / авт. кол.: Александров Д. А., Иванюшина В. А., Костенко В. В., Савельева С. С., Тенишева К. А. – М. : Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), 2012.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ
XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РОССИЯ В МИРЕ XXI ВЕКА: МЕЖДУ НАСИЛИЕМ И ДИАЛОГОМ»**

15–16 апреля 2013 года в Гуманитарном университете состоялась традиционная XVI Международная научно-практическая конференция «Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом». Тема конференции вызвала живейший интерес. В работе 14 секций приняли участие 334 человека, было опубликовано 299 тезисов докладов. Непосредственно на заседаниях приняли участие 244 человека. Более 50 % – кандидаты и доктора наук.

15 апреля состоялось пленарное заседание (ведущий – ректор Гуманитарного ун-та, д-р филос. наук, профессор Лев Абрамович Закс). Первый доклад «Политософия конституционного развития новой России: от конфронтации к консенсусу» представил канд. филос. наук, проректор Международного университета, президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия» (г. Москва) Бурбулис Геннадий Эдуардович. В своем докладе Геннадий Эдуардович констатировал ситуацию мировоззренческой конфронтации политических сил в России, «тотальный раскол» социального, возврат к «имперской ментальности» с ее деструктивностью. По мнению автора, Россия может возродиться, если преодолеет этот имперский синдром. Платформой для оздоровления России автор считает Конституцию. При этом подчеркнуто, что в современных условиях Конституция далеко не всегда исполняется, многие вновь принятые законы нарушают Конституцию.

Г. Э. Бурбулис полагает, что в России есть предпосылки и возможности «конституционного консенсуса»:

- Право должно пониматься как творческое наследие культуры.
- Во всех сферах (образование, экономика, наука, искусство, политика) развитие возможно только на основе конституции.
- Понимание права как ценности жизни. Сверхзадачей диалога должно быть признание «правосубъектности» и «правоспособности» индивида, право на свободное утверждение и развитие своих талантов.

Кроме того, необходимо продолжить формирование гражданского общества, ибо любой справедливый протест не может базироваться на идее «Долой!». Только идея права, равенства перед правом, всеобщности права – основа свободы.

Модернизация без свободы и права невозможна. Необходимы не репрессии, а диалог. Диалог – позиция мудрых (имеется ввиду «конституционная мудрость»). Необходим переход от конфронтации к конкуренции, от конкуренции к компромиссу, от компромисса – к консенсусу. Реализация такого подхода породила добровольное объединение «Анкор» – Ассоциацию новых конституционалистов России.

Также в докладе был поднят вопрос о необходимости просвещения, т. е. об изучении Конституции начиная с общеобразовательной школы.

Доклад вызвал вопросы и обсуждение. Выступили: канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин, канд. юр. наук, доцент С. А. Денисов, канд. социол. наук, доцент Т. Д. Агеносова, д-р филос. наук, профессор Л. А. Закс.

Второй доклад «Автономность субъекта: условие диалога или препятствие общению» представил канд. филол. наук, магистр богословия, заведующий кафедрой богословских дисциплин и литургики Христианско-православного Свято-Филаретовского института (г. Москва) Гзгзян Давид Мкртычевич. Он полагает, что выдвинутая новоевропейским просвещением идея автономного субъекта превращает взаимодействие в проблему. Общение возможно только тогда, когда у нескольких автономных субъектов есть общие ценности. Но если понимать автономного субъекта так, как его понимали экзистенциалисты: «Другой – это ад!», то общность ценностей проблематична. Другой – загадка, часто неприятная, но надо научиться жить с этим Другим. В этом случае возможно временное объединение для решения конкретных практических задач, когда задачи решены, объединение распадается.

Но есть трактовка Другого как того, кто заставляет раскрывать таланты индивида, тогда Другой – тот, кому Я могу сказать «Ты».

Возможно ли создать на этой основе устойчивые ассоциации с единством вечных ценностей? Во взаимодействии мы отказываемся от своего я. Другие – «те, без кого плохо». Объединение – это дистанцирование от «сердечной недостаточности» и приход к сердечности, сопричастности. Сопричастность – таинство, оно предполагает не отчуждение, а надежду, что есть такой же, как Я, также – поиск Истины, поиск Бога как Другого, как Ты.

Доклад вызвал большой интерес, вопросы и обсуждение касалось, прежде всего, разделения сообществ на временные («мы в одной лодке» для решения конкретных задач) и прочие союзы, объединения тех, кому «без другого плохо», основанных на универсальных ценностях (Б. Рейфман, Г. А. Брандт, О. Иванова); а также неоднозначной оценки роли Христианства в установлении диалогических отношений (Н. Н. Кузнецов и др.).

Третий доклад «Человек и государство: новые стратегии взаимоотношений» представил д-р филос. наук, профессор, заместитель директора Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Скоробогатский Вячеслав Васильевич. Он обратил внимание на продолжающуюся криминализацию российского общества. На основе цифр был сделан вывод: «мы имеем дело с непрерывным проявлением и институционализацией преступности» в современной России. Причины ее докладчик находит в истории советского государства и в том типе человека, который был сформирован. Российский социализм демонстрировал «антропологический оползень», падение человеческого. Один из факторов – миф, созданный интеллигенцией о «народе Богоносце», «народе страдальце». Тоталитаризм надо понимать как «народный тоталитаризм». При этом не брался в расчет тот факт, что свобода человека берет начало в его способности к злу. В современной России общество переполнено насилием (например, на телевидении преступник – почти постоянно сопутствующая единица). Можно ли устранить насилие? Нет, его можно лишь минимизировать. В этом процессе должны участвовать государство (через «легальное насилие»), право, культура, человек и мораль.

В обсуждении поднимались вопросы о «вирусе тоталитаризма», об общей ответственности (С. А. Денисов), о возможных путях развития России (Н. Н. Кузнецов), о «новом народе», т. е. «новом человеке» и др. (О. Иванова, Л. А. Закс).

На заседаниях 14 секций:

1. Философско-культурологическая секция – «Властные режимы в социокультурной реальности России: механизмы насилия и перспективы диалога»;
2. Правовая секция – «Развитие правовой культуры как путь от насилия к диалогу: российский и зарубежный опыт»;
3. Экономическая секция – «Экономика России в переломную эпоху: поиск путей развития»;
4. Секция социальной психологии – «Насилие и свобода личности в современном мире: социально-психологические аспекты»;
5. Секция регионоведения, истории, политологии – «Российские регионы: напряженный диалог власти и общества»;
6. Секция журналистики – «Новые медиа и журналистика: ценность диалога с аудиторией»;
7. Секция социологии образования – «Образование как диалог: ценности гуманизма и демократии»;
8. Секция связей с общественностью и рекламы – «PR и реклама в поле социального взаимодействия: насилие или диалог?»;
9. Секция информационных технологий – «Сетевое общество: без насилия к диалогу»;
10. Секция моделирования и конструирования одежды – «Культура диалога в пространных модной индустрии»;
11. Секция социально-культурного сервиса и туризма – «Туризм и сервис в современном мире: диалог или культурное насилие?»;
12. Секция управления персоналом – «HR-тренды XXI века: укрепление властной вертикали или диалоговое управление?»;

13. Лингвистическая секция – «Лингвокультурная ситуация современной России: война и мир языков и культур»;

14. Секция физической культуры и спорта – «Физическая культура, спорт, туризм XXI века: от агрессии и конфликта к диалогу».

происходило обсуждение докладов и проблем, заявленных в программе каждой секции. Большинство руководителей отметили заинтересованность участников дискуссий. Особенно плодотворное обсуждение шло на секциях психологии, философии и культурологии, информационных технологий, юридической, телерадиожурналистики, лингвистической, политологии и регионоведения.

Среди всех выделялась работа секции физической культуры и спорта, где помимо 15 докладов были проведены два мастер-класса, конкурсы фотографии, научно-методических изданий, студенческих проектов. В работе секции приняли участие 80 человек из 4 стран, 14 городов России, 25 вузов, а также представители спортивных школ, туристских организаций, научно-исследовательских центров: 13 профессоров, 10 докторов наук, 27 кандидатов наук, 14 заведующих кафедрами, 19 заслуженных работников физической культуры, мастеров спорта, лауреатов премий. По итогам работы секции было принято постановление, содержащее конкретные пункты развития спорта и туризма.

16 апреля продолжали работу секции, а также состоялся круглый стол по теме «Насилие в современной России: истоки, проявления, тенденции преодоления». Для обсуждения были предложены следующие вопросы:

- Традиционные и новые формы насилия в современной России. Причины укоренения насилия в качестве доминанты общественной жизни.
- Государство – общество – человек в свете последних политических событий: новые тенденции и/или новые тупики.
- «Терроризм» повседневности: видимое и невидимое.
- Право и мораль сегодня: между насилием и диалогом.
- Возможности, тенденции, стратегии прорыва к диалогу и свободе человека.

В обсуждении приняли участие более 50 человек. Канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин рассуждал о насилии над русским языком, которое рождает ментальное насилие. Представитель общества «Мемориал» А. Я. Пастухова говорила о необходимости очищения от преступлений сталинского режима, о роли исторической памяти, о восстановлении исторической правды, о роли памятников в этом процессе и о донесении правды до школьников и молодежи.

Канд. юр. наук С. А. Денисов обосновывал мысль о том, что современное российское государство относится к типу административного государства, которое интересы народа не считает первостепенными; государственное насилие вряд ли исчезнет, скорее – усилится. Необходимо гражданское общество как противовес административному государству. Б. В. Рейфман (г. Москва) высказал надежду на то, что должны появиться новые позитивные тенденции в отношении общества и государства, так как в политику приходят активные, образованные, грамотные здравомыслящие люди.

Канд. культурологии Д. В. Суворов продолжил разговор об исторической правде. Чтобы произошли изменения мало знания о прошлом насилии, необходимо изменить психологию и избавиться от державной идеологии. Однако державная идеология получает социальное одобрение, в том числе в молодежной среде.

В. М. Танаев подчеркнул необходимость учета новой общественной ситуации. В постиндустриальном мире на первый план выходят процессы самоорганизации. Если в качестве примера «очищения от прошлого» брать Германию, Японию, то следует помнить, что там изменился этнический состав нации. Есть ли надежда на то, что насилие будет уменьшаться, а не расти? Да. Формируется новый психотип. Переход от нефтяной экономики к нанотехнологиям, финансовое инвестирование этой сферы – вклад в будущее. Поведение нашей власти – не поведение банды, а рациональное поведение. Деньги вводятся в легальную сферу через право.

Канд. юр. наук, доцент В. А. Муравский говорил о том, что вызовы времени являются толчком развития общества (концепция вызова – ответа А. Тойнби).

Канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева тоже обратилась к вопросу: Есть ли надежда на мир без насилия? Появление новых информационных технологий служит средством

и базой новых объединений, порождает новый тип людей («цифровые аборигены» по выражению М. Кастельса). Формируются «сети гнева и надежды». Это объединения без лидеров, способные к самоорганизации. Россия неоднородна. Н. Зубревич выделила 4 типа России: 1) Россия мегаполисов-миллиоников; 2) Россия моногородов; 3) Россия аграрная; 4) Россия национальных анклавов. У каждой свои цели, свои интересы и свои стратегии.

Объединяющими силами являются правоохранительные органы, телевидение с его тоской по советскому прошлому, школа, Интернет. Интернет становится также площадкой организации протестных движений. Смогут ли протестные движения изменить Россию к лучшему? Вряд ли. Но и игнорировать их нельзя. Надо помнить о роли социальных мифов в снижении уровня насилия, а так же об экономике. Новые формы коммуникации разрушают прежние социальные институты.

Д-р пед. наук, профессор С. А. Полиевский (г. Москва) обратил внимание на то, что в своих рассуждениях мы не учитываем реальную возможность грядущей экологической катастрофы, которая будет способствовать росту насилия.

Канд. филол. наук, магистр богословия Д. М. Гзгзян (г. Москва) считает, что основной ресурс снижения насилия и возможности диалога – не во внешних обстоятельствах, а в самом человеке: принцип «Не могу иначе, ибо я человек» заставляет людей создавать даже тогда, когда нет надежды. Задача интеллектуалов в том, чтобы говорить правду и договариваться, создавать коммуникативные сообщества.

Канд. филос. наук, доцент Л. М. Немченко высказалась пессимистически: теряется надежда на то, что можно противостоять насилию, нет платформы для диалога. Если хоть какая-то надежда есть, то это надежда на утопичное просвещение и «собрание круга людей».

Г. Д. Цефман (радио FM) считает, что нам не хватает понимания роли нравственности. И о нравственности должна помнить власть. Немцы очистились от позора нацизма, так как к этому их направляла власть.

Д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек поддержал мысли, высказанные в пленарных докладах о необходимости изучать Конституцию и о необходимости диалога. Диалог же предполагает умение слушать и слышать. Нынешняя власть худо-бедно слушает оппозицию, а оппозиция не хочет слушать и слышать, не идет на диалог. Насилие же заложено в природе человека. Капитализм с идеей свободного предпринимательства и рынка не уничтожает насилие, но уменьшает его.

Проректор по научной работе Гуманитарного университета, д-р филос. наук, профессор Л. А. Мясникова подвела итоги конференции.

Ректор Гуманитарного университета, д-р филос. наук, профессор Л. А. Закс поблагодарил всех участников, объявил конференцию закрытой.

**21 ДЕКАБРЯ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ И МОСКОВСКИЙ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРОВЕЛИ СКАЙП-МОСТ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ДИАЛОГУ ЦЕРКВИ
И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В диалоге приняли участие:

- ректор Гуманитарного ун-та, д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс;
- ректор СФИ, магистр богословия, профессор, свящ. Георгий Кочетков;
- проректор Гуманитарного ун-та по науке, д-р филос. наук, профессор Л. А. Мясникова;
- ученый секретарь СФИ, канд. пед. наук, магистр богословия, профессор А. М. Копировский;
- д-р филос. наук, профессор Гуманитарного ун-та Г. А. Брандт;
- завкафедрой богословия и литургики СФИ, канд. филол. наук, магистр богословия, проф. Д. М. Гзгзян;
- гл. научный сотрудник УрО РАН, д-р филос. наук Е. А. Степанова;
- декан ф-та религиоведения СФИ, канд. филос. наук, магистр богословия М. В. Шилкина;
- завкафедрой философии СФИ, д-р филос. наук Г. Б. Гутнер;
- доцент Гуманитарного ун-та, канд. истор. наук С. С. Беляков;
- доцент СФИ и РГГУ, канд. истор. наук А. В. Журавский;
- доцент Академии госслужбы, преподаватель Екатеринбургской духовной семинарии, канд. филос. наук Л. С. Чернов и другие.

Были предложены следующие темы для обсуждения:

I. В чем, на Ваш взгляд, состоит существо вызова общества к церкви, с одной стороны, и церкви к обществу, с другой?

II. Насколько общество и церковь отвечают/не отвечают на эти взаимные вызовы? Каковы причины неудовлетворенности данных сторон друг другом и конфликтных ситуаций в их взаимоотношениях?

III. Что могут сделать сообща представители церкви и социально-гуманитарного знания для совершенствования нравственного состояния современной России? Каковы возможные формы их сотрудничества?

Основной задачей было наведение в буквальном и переносном смысле «моста» между церковными и светскими гуманитариями, обычно не встречающимися в открытом диалоге. Важно было рассмотреть саму возможность понимания языков, тем, подходов к видению социальных вопросов, связанных с церковным служением, теоретиков, обществоведов и богословов.

Представляем конспект основных реплик, определявших ход развития мыслей участников данного научного мероприятия:

Разговор начинала профессор Г. А. Брандт, которая зафиксировала ситуацию разрыва между запросом общества на высшие ценности и смыслы («ощущается «усталость» от абсолютного релятивизма, стёба, бесконечной иронии, когда хочется не мерцания, а света, не текучести, а серьезных опор») и тем скромным местом, которое в отмеченных процессах занимает церковь. Церковь, считает выступающий, не оправдывает надежд, отчетливо видно трагическое несовпадение реальности с ожиданием.

Профессор Г. Б. Гутнер сказал и об обратном вызове – церкви обществу: «Пусси райт» – не эпизод, а симптом. Есть странная агрессия против церкви и странная агрессия против христианства в обществе (не только в России, но и в Европе). Некоторое время назад было представление, что это все неинтересно, маргинально, и вдруг вместо безразличия – агрессия! Значит, что-то происходит, если полюса расходятся».

Профессор Л. А. Мясникова заметила, что даже в постановке вопросов, которые здесь звучат, предполагается противостояние, а нужно говорить о надежде, об ожидании того, что поможет церкви, а вместе с ней и обществу; обществу, а вместе с ним и церкви. Пока церковь не очень обращается к проблемам общества, к инаковости. Нужны поиски диалога людей, церкви и общества.

Отец Георгий Кочетков заявил, что проблема установления диалога, которого мы все хотим, связана с установлением подлинности и неподлинности, что есть много симулякров в общении: «Мы живем в постсоветском пространстве: не в советском и не в несоветском. В нем много кривых зеркал. Церковь в них искажена. Например, закон о чувствах верующих – он же не церковью был инициирован. Как и все остальные шумные события («Пусси», часы патриархаха) – это был вброс общества, знак того, что в нем происходит, свидетельство существования в нем разных слоев в нем. Это подделка. А голос церкви не звучал и не звучит. Церковь должна иметь лицо, как и любой человек. Как строить диалог, если мы видим друг друга через кривые зеркала? Ни СМИ, ни что другое не разрешают этой проблемы. А гуманитарная наука может здесь сыграть решающую роль. Церковь еще не заработала себе кредита доверия, хотя в ней появляется все больше серьезно образованных людей. В обществе тоже появляются люди, готовые меняться, по-новому говорить о ситуации, по-новому все устраивать».

Профессор Л. А. Зак заметил, что то, что происходит сегодня с Россией – явление космического масштаба, цивилизационный переход, кризис, проявившийся в силу необходимости, сложившихся в прошлом ее существовании. И хотя это кризис, в котором есть и позитивные моменты, неподлинность пока пронизывает нашу жизнь. Неизжитые негативы прошлой цивилизации братаются с негативами новой цивилизации, а достоинства прошлого, наоборот, исчезают, корежатся, испытывают ущерб; достоинства же нового не проявляются или проявляются ущербно, искаженно. На Западе это компенсируется высоким уровнем правовой культуры, моральной культуры и т. п. В России же кризис на уровне основ жизни. Профессор Л. А. Зак подчеркнул, что в нашей современной церкви не хватает готовности к изменениям, к «модернизации».

Отец Георгий Кочетков согласился, что церковь, действительно, отстала как институт, более того – она была в этой форме практически разрушена. Однако церковь не только институт, она не может быть отнесена только к земным вещам: истории, культуре, политике и т. п. И в этом качестве (будучи не только и не столько институтом) церковь никогда ни от чего не отставала, ведь она обновляется вместе с миром. «Нам хочется, – подчеркнул отец Георгий, – чтоб как церковь была способна обновлять человека, делать его личностью, – так и общество! В Интернете очень много информации о церкви, но это поверхностная, внешняя информация. Внутренней жизни церкви никто не знает, даже сама церковь, к сожалению, мало знает о ней».

Профессор Г. Б. Гутнер обратил внимание на то, что церковь, как и общество, крайне неоднородна. Он призвал не забывать, что когда мы говорим об их диалоге – мы вводим абстракцию (все вызовы и диалоги очень локальны) и что если мы будем думать, что церковь должна выработать язык, на котором она сможет говорить с обществом, мы обманемся, это возможно только в локусах. «Лучше, – заключил выступающий, – говорить не о церкви и обществе вообще, лучше говорить о себе».

Доцент А. В. Журавский поддержал «локусный» подход, сказав, что главная беда и церкви, и общества – неспособность слышать другого, и что это возможно лишь в небольших сообществах.

Профессор Е. А. Степанова поставила проблему искусственности отделения церкви и общества. Она сказала, что никакой стены между ними нет, но поскольку сегодня есть жажда подлинности, многие люди воспринимают церковь как заповедник сакральности, которого им не хватает. А эти ожидания церковь не может оправдать, так как сама сакральность – вещь текучая. Действительно, вернули, вроде бы, церковь, но это не старая, а новая реальность (старое в полной мере не возобновляется). То, чем занимается Свято-Филаретовский институт и сам принцип православных братств – очень хороший способ избежать напрасных ожиданий, это переход на уровень человечности. Если есть люди, заинтересованные друг в друге, происходит взаимное приращение. Профессор Е. А. Степанова также согласилась с тем, что надо стремиться к выходу из загороженных барьерами «больших» образований, чтобы диалог состоялся, он должен быть теплым, жизненным, чтобы он помогал людям решать их проблемы. «Вот мы, например, – подчеркнула она, – представляем светскую сторону в нашем разговоре, вы – религиозную (это очень условно), но, если мы согласны на права каждого, одни – на уверенность в вечной истине, другие – на сомнение в ней, то диалог будет плодотворным».

Профессор Л. А. Закс заключил скайп-мост следующим утверждением: «Я чрезвычайно рад сказать, что вижу «по другую сторону» близких людей. Мы явно отошли от средневекового противопоставления науки и религии. Судя по нашему разговору, уже не видно различий между светским и религиозным, церковным гуманитарием. Нас объединяют базовые вещи: любовь к человеку, вера в высший смысл сущего, невозможность построить бытие без опор, пришедших к нам из глубины веков. Из XX века часть человечества вышла, будучи настроенной суперкритично к наработкам прошлого, однако сейчас уже очевидно, что нужно, наоборот, укрепиться в них, сохраняя многообразие. Молодые поколения, которые, может быть, будут лучше нас, должны перенять эти стремления, эти внутренние векторы».

Стороны выразили благодарность друг другу за общение с интересными, близкими по духу людьми и выразили желание поставить не точку, а многоточие, и возвратиться к разговору, например, о «локусах», через которые можно будет двигаться к познанию объединяющих обе стороны вещей.

Брандт Г. А., Копировский А. М.

ДНИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ НА УРАЛЕ - 2013

17–18 апреля 2013 года в Екатеринбурге впервые прошли Дни политической науки, организованные Гуманитарным университетом, Институтом философии и права УрО РАН, Свердловским региональным отделением РАПН под эгидой Уполномоченного по правам человека в Свердловской области и при поддержке РАПН.

В программу Дней политической науки вошли блиц-лекции в Уральском федеральном университете известных уральских политологов Института философии и права УрО РАН канд. филос. наук К. В. Киселева и Д. Е. Москвина (17 апреля), а также открытая лекция д-ра полит. наук, президента Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия», члена Европейского института омбудсмена А. Ю. Сунгурова в Гуманитарном ун-те (18 апреля). В открытой лекции «Права человека в современной политической науке и мировой политике» А. Ю. Сунгуров рассмотрел проблемы, связанные с современным пониманием концепций прав человека, а также соотношение принципа универсальности прав человека и принципов мультикультурализма, вопросы институционализации прав человека в современной России. Наряду с лекциями в программу Дней политической науки был включен круглый стол «Урал политологический : зачем политическая наука современному обществу?», успешно прошедший 18 апреля в Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В. Г. Белинского. В работе круглого стола приняли участие преподаватели, аспиранты, студенты Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Гуманитарного университета, Уральской государственной юридической академии, Уральского государственного педагогического университета, Уральского института РАНХиГС, научные сотрудники Института философии и права УрО РАН.

Среди рассмотренных в рамках круглого стола тем важно отметить следующие: 1) экспертное политологическое сообщество и процесс принятия решений (А. Ю. Сунгуров, завкафедрой СПб филиала НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург); 2) «учебник политологии для человека в жизни и для человека во власти : возможности чтения» (д-ра полит. наук М. А. Фадеичева, Институт философии и права УрО РАН); 3) «политическая наука и власть» (канд. полит. наук А. А. Керимов, УрФУ); 4) «негражданское общество в России: проблемы перехода в иную цивилизацию» (канд. юр. наук С. А. Денисов, Гуманитарный университет); 5) «типология власти» (ст. преподаватель В. М. Танаев, Гуманитарный университет); 6) «сотрудничество гуманитариев и юристов в сфере гражданского образования, политического и правового просвещения и образования: направления развития, проблемы и перспективы» (д-р полит. наук С. И. Глушкова, Гуманитарный университет), др. После круглого стола состоялась презентация гуманитарных и политологических исследовательских и издательских проектов, в частности, журналов «Публичная политика» (Санкт-Петербург), «Известия УрФУ», «Вестник Гуманитарного университета», ежегодника Института философии и права УрО РАН, а также издательского дома «Дискурс Пи».

Участники круглого стола после обмена мнениями и дискуссий о необходимости и направлениях развития политической науки на Урале пришли к выводу об организации и проведении в марте 2014 года в Екатеринбурге Уральской недели политической науки как «открытой коммуникационной научно-исследовательской площадки с международным участием» (Д. Е. Москвин). Будущая Уральская неделя политической науки предполагает координацию усилий различных политологических школ и независимых ученых-политологов на Урале, разработку новых направлений и векторов исследования актуальных проблем политической науки, анализ и обсуждение стратегии настоящей и будущей деятельности Свердловского и других уральских региональных отделений Российской ассоциации политической науки (РАПН). Уральская неделя будет посвящена юбилею российской политической науки, которая в 2014 году отмечает 25-летие своего официального существования. Наряду с этим Уральская неделя призвана продолжить развитие традиций политологических мероприятий прошлых лет, в частности таких, как Неделя

Уральской политической науки. Приглашаем всех интересующихся проблемами современной политической науки принять участие в организации нового политологического форума. Подробная информация о времени и месте проведения Уральской недели политической науки будет представлена на сайте Гуманитарного университета в январе 2014 года.

Глушкова С. И.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ IV МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА «МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СТАБИЛЬНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ»

11–12 апреля 2013 года в Гуманитарном университете проводился IV международный симпозиум «Мультикультурная реальность: стабильность и безопасность». Участники симпозиума – профессора и преподаватели российских и зарубежных университетов (Италия, Великобритания, Китай, Белоруссия, Казахстан, Чехия и др.), научных центров, а также руководители международных отделов и служб, специалисты по военной психологии, служебной деятельности, психологии управления, специалисты в области психологии кадрового обеспечения и государственной службы.

Развитие современной цивилизации со всей остротой ставит проблему безопасности мира и человека. Возникновение глобальных угроз для человеческого существования связано как с проблемами войны и мира, экологии, природных ресурсов, так и с проявлениями терроризма, ксенофобии, поэтому современный мир в целом – это мир множественных «системных рисков».

Проблема безопасности широко обсуждается и представляет собой новую предметную область для изучения и проведения исследований в разных научных сферах. Особый интерес представляет социально-психологический подход, изучающий главные механизмы взаимодействия человека и современного общества.

Современное научное знание, репрезентирует «ситуацию нашего времени», которая связана с рядом системных и парадигмальных факторов.

Во-первых, усложнение мира влечет за собой качественное и количественное изменение угроз, появление новых и трансформацию существовавших ранее вызовов безопасности. В эпоху глобализации появились новые, но вполне реальные и достаточно многочисленные вызовы, которые напрямую влияют на феномен безопасности.

Во-вторых, адекватное реагирование человека на возникающие угрозы, действия которых представляет в нынешних условиях крайне неоднозначным, в результате чего обеспечение безопасности личности становится все более многогранной и сложной задачей, а процесс исследования феномена безопасности – все более трудным.

В-третьих, в современных условиях все более проявляется двойственность природы человека: в созидательном смысле человек выступает преобразователем, конструктором, защитником среды своего существования, в негативном – разрушителем, дезорганизатором, носителем угрозы.

В-четвертых, системный анализ проблемы безопасности человека в современном мире требует исследования конкретных социокультурных, этнографических и других ситуаций.

Все выделенные аспекты безопасности не имеют простого и ординарного решения и требуют серьезной научной рефлексии, открытого обсуждения, обмена мнениями. Поэтому Гуманитарный университет ежегодно совместно с Российским психологическим обществом и факультетом психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова проводит международный симпозиум, посвященный проблемам психологической безопасности.

Предметным полем социально-психологического исследования безопасности в проекте выступают самые разные сферы: от социальной психологии до макропсихологии, от мультикультурной реальности до интеграционных процессов, происходящих в обществе.

Особое внимание в докладах было уделено вопросам психологической безопасности в современных миграционных процессах, этнокультурной компетентности, а также проблемам социально-психологической стабильности полиэтнических сообществ, в том числе рассматривалась проблема безопасности в российско-китайском образовательном сотрудничестве, обсуждались пути преодоления межкультурных противоречий.

Кроме того, в докладах рассматривались прикладные аспекты обеспечения безопасности в разных областях гуманитарного знания, акцент был сделан на проблемы взаимодействия участников туристической деятельности в условиях глобализации, рассматривались риски медиапланирования при размещении рекламы.

Заявленная проблема психологической безопасности рассматривалась в рамках деятельностного, когнитивного подходов, с точки зрения экономической и корпоративной безопасности, а также в аспекте изучения коммуникативных стратегий взаимодействия. Общие теоретико-методологические подходы к проблеме безопасности имеют важное значение не только для социальной теории, но и выступают основой для практических рекомендаций в области гуманитарного знания.

Дроздова А. В.

**ДНИ НАУКИ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ
В ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, 16–17 МАЯ 2013 г.**

Основные мероприятия Дней науки проходили на факультете социальной психологии, в здании университета по адресу ул. Сурикова, д. 24а. На церемонии открытия Дней науки перед студентами и аспирантами выступили ректор Гуманитарного университета Лев Абрамович Закс, заместитель декана по научной работе факультета социальной психологии Алла Владимировна Дроздова и помощник проректора по научной работе Гуманитарного университета Наталья Леонидовна Шайгарданова. После торжественной части участники Дней науки начали работу в рамках тематических секций. На секции «Психология социальных процессов и управление человеческими ресурсами» студенты и аспиранты представляли научно-исследовательские и научно-практические работы по психологии преподавателям и членам жюри конкурса «Новые голоса в науке: идеи и проекты». Работа секции «Социальные коммуникации» в этом году прошла в форме интерактивной игры «Покупательское поведение и цели рекламной кампании», которую провел медиа-редактор РА «Медиапартнер» Артем Банковский. Студентам, обучающимся на специальностях и направлениях «Реклама», «Связи с общественностью», «Социология», «Телерадиожурналистика» и принявшим участие в работе секции, игра показалась очень интересной и полезной для будущей профессиональной деятельности. После окончания работы секций состоялась интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?», которую провели Николай Давыдов, помощник декана юридического факультета, и Анатолий Кравченко, студент 4-го курса, обучающийся по специальности «Реклама». В состязании на звание «Знаатоков» участвовали четыре команды, все проявили великолепную смекалку, эрудицию, но лидером была признана «Сборная им. Железнодорожников, 3» (Ирина Копейкина, студентка 5-го курса, специальности «Регионоведение», Станислав Мельниченко, Юлия Белкина, студенты 1-го курса, специальности «Социология»). Также 16 мая студенты юридического факультета приняли участие мастер-классе «Профессиональная оптимизация студентов», а студенты факультета бизнеса и управления в – в обсуждении темы «Свердловская область – шаг в будущее».

17 мая основным местом действия стало здание Гуманитарного университета по адресу ул. Железнодорожников, 3. День начался с чудесного «Танца мыслей», который подготовили и исполнили студентки факультета современного танца. После приветственного слова ведущего (Антон Рундквист, студент юридического факультета), перед студентами выступил ректор Гуманитарного университета Лев Абрамович Закс. Он рассказал о значении науки в жизни общества, о роли научной деятельности в развитии студентов, пожелал всем участникам интересной, творческой работы. И действительно, работа секций в рамках конкурса «Новые голоса в науке: идеи и проекты» была полна яркими выступлениями, живыми обсуждениями и новыми идеями. Студенты совместно с проректором по научной работе Гуманитарного университета Людмилой Анатольевной Мясниковой приняли участие в открытии музея шпаргалок и мастер-классе по изготовлению шпаргалок. Завершением Дней науки стала церемония награждения победителей VIII Конкурса научно-практических работ студентов и аспирантов Гуманитарного университета «Новые голоса в науке: идеи и проекты».

Дни науки в Гуманитарном университете вызвали отклик общественности. Сюжеты о событиях нашли отражение в прессе, новостных интернет-ресурсах и телевизионных новостных программах 1 канала и ОблТВ.

**Победители VIII Конкурса научно-практических работ студентов и аспирантов
Гуманитарного университета «Новые голоса в науке: идеи и проекты»**

Секция «Сервис и стиль»					
Место/ Номинация	ФИО студента	Специальность/ Направление	Курс	Тема	ФИО науч. рук.
1-е место	Минакина Галина Вячеславовна	Народное художественное творчество	4	Танцевальный перформанс в контексте современного искусства (на примере работ Мэг Стюарт и Иво Димчева)	Курюмова Наталья Валерьевна
2-е место	Ахмерова Анастасия Булатовна	Народное художественное творчество	4	100-летие «Весны священной»: новое время, новые интерпретации»	Курюмова Наталья Валерьевна
3-е место	Селенских Ксенния Ринатовна	Социально- культурный сервис и туризм	5	Программа развития сервисной политики страховой компании ООО «ААА»	Рамзина Снежана Александровна
Социально- значимый проект	Шифрина Евгения Игоревна	Социально- культурный сервис и туризм	5	«Мамина школа» как развитие инновационной программы «Ведение беременных» в медицинском центре ООО «Новая больница»	Погорельская Елена Юрьевна
«Социально-политическая» секция					
1-е место	Ткаченко Анастасия Александровна	Юриспруденция	1	Польша и Россия: проблема взаимоотношений и их исторические причины	Зайков Андрей Викторович
2-е место	Бабушкина Александра Владимировна	Регионоведение	3	Куда и зачем эмигрируют россияне? Анализ выездных настроений российских граждан	Зубков Константин Иванович
3-е место	Рохин Иван Сергеевич	Юриспруденция	1	Защита государственных интересов и улучшение законодательства в греческом полисе со стороны частных лиц, а не государственных органов	Зайков Андрей Викторович
Социально- значимый проект	Колгунова Анжелика Андреевна	Юриспруденция	4	Правовое регулирование браков с иностранцами российских граждан	Резник Елена Сергеевна

Секция «Экономика, менеджмент и компьютерные технологии»					
1-е место	Вишнякова Татьяна Александровна	Прикладная информатика в экономике	4	Автоматизация бизнес-процессов торгового предприятия (на примере ООО «Урало-Сибирское управление ОАО «Щербинский лифтостроительный завод»)	Хмелькова Наталья Владимировна
	Южакова Анастасия Сергеевна	Финансы и кредит	3	Цикличность как форма экономического развития	Разумовская Елена Александровна
2-е место	Изиляева Регина Маратовна	Финансы и кредит	3	Взаимодействие мало- го и крупного бизнеса в рамках франчайзинга	Разумовская Елена Александровна
3-е место	Щевичкина Александра Станиславовна	Прикладная информатика	1	Электронный фитнес- тренер: анализ и оцен- ка перспектив разви- тия в России и мире	Хмелькова Наталья Владимировна
Социально- значимый проект	Софуев Орхан Гойджоевич	Финансы и кредит	4	Пути обеспечения экономического роста в России в будущем	Разумовская Елена Александровна
Секция «Психология социальных процессов и управление человеческими ресурсами»					
1-е место	Пономарев Александр Владимирович	Психология	5	Особенности восприя- тия риска в кризисной ситуации сотруднича- ми федеральной противопожарной службы	Зотова Ольга Юрьевна
2-е место	Шнайдер Алла Александровна	Психология	5	Образ личного буду- щего как актуальная проблема социальной психологии	Тарасова Людмила Владимировна
3-е место	Марковская Ольга Владимировна	Психология	5	Роль эмоций в форми- ровании «синдрома эмоционального выгорания»	Бусыгина Инна Сергеевна
Социально- значимый проект	Мокина Анастасия Андреевна	Психология	5	Внешние факторы, влияющие на пережи- вание террористичес- кой угрозы	Зотова Ольга Юрьевна

О РЕДКОЛЛЕГИИ

Ив Аман – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция), один из главных биографов отца Александра Меня. Его перу принадлежат книги «Александр Мень – свидетель своего времени», «Отец Александр Мень: люди ждут Слова...».

Эмма Киселева–Кастельс – исполнительный директор, Кафедра ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Barcelona, Spain), член редакционного совета Journal for Teching and Learning with Technology (JoLT), USA.

Руткевич Алексей Михайлович – российский философ, переводчик научной классики, эксперт в области истории западной философии XX века, д-р философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – канд. филос. наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия» (г. Москва).

Голынец Сергей Васильевич – канд. искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), действительный член Российской академии художеств.

Алексеев Вениамин Васильевич – д-р ист. наук, проф., академик РАН.

Руденко Виктор Николаевич – д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН.

Уважаемые коллеги!

Возобновляется издание научного журнала «**Вестник Гуманитарного университета**». В отличие от прежнего издания, журнал не будет разделен по факультетам. Основные его рубрики будут соответствовать основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).

2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).

3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).

4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, художественная и физическая культура, журналистика, моделирование одежды, сервис и туризм).

5. Образование как социальный институт (социология).

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, январь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 10 марта 2013 г.

№ 2 – до 10 июня 2013 г.

№ 3 – до 10 сентября 2013 г.

№ 4 – до 10 декабря 2013 г.

Журнал рецензируемый, с последующей регистрацией в РИНЦ.

Требования к оформлению материалов:

- Объем статьи 6–15 страниц
- Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см., поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см.
- Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Каждой научной статье должен быть присвоен код УДК. На русском и английском языках приводятся: название статьи, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность, место работы), краткая аннотация (5–10 строк), ключевые слова (8–10 слов или словосочетаний).
- Обязательна рецензия на статью специалиста по данной отрасли знания, для аспирантов – также рецензия научного руководителя. Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).
- Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
- Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.
- Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, № направления, область наук», например «Вестник ГУ, 1, психология». При успешном рецензировании – редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

➤ Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

➤ Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, каб. 207, тел. (343)365-99-73

Приглашаем Вас опубликовать свои работы в «Вестнике Гуманитарного университета»!

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2013. № 1 (1)**

**Главный редактор
Л. А. Закс, Л. А. Мясникова**

Редакторы Е. А. Цепелева, С. В. Фельдман
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 13.06.2013. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,2.
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая,19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3